

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Kalashnikov, I.
50

АВТОМАТЪ.

2332
1376

Соч. Н. Калашникова.

Часть первая.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ.

—
1841.

ВЪ ТЕОГРАФИИ А. ЮГАНСОНА.

RG 3337
К18А.77
1841

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
плярровъ. С.Петербургъ, Апрѣля 18 дня 1838 года.**

Ценсоръ. П. Корсаковъ.

94-240074

АВТОМАТЪ.

I.

Евгеній родился на берегахъ Ангары. Величественная и задумчивая природа окружала его колыбель: грозные, неприступные утёсы, дремучіе, неизмѣримые лѣса, огромная, безконечная рѣка. Рано лишившись матери, Евгеній росъ не столько посреди людей, сколько посреди де-

Часть I.

477

рей. Люди чуждались его, а пустыня была ему родная: тутъ стояла его знакомая скала, тамъ любимая сосна, тамъ ему одному извѣстная пещера: все такъ ласково, такъ гостепріимно, тогда какъ люди были такъ суровы, брюзгливы и холодны. Евгенийъ, еще четырнадцати - лѣтній мальчикъ, любилъ просиживать по цѣлымъ часамъ на скалѣ, и безотчетно присматривалъ, какъ вдали рождались и возрастали тучи, какъ загорались и трепетали на нихъ молніи, какъ вдалекѣ начиналось колебаніе лѣсовъ, какъ постепенно увеличивался, и наконецъ разливался, подобно кипѣнію моря, шумъ деревьевъ. Обстоятельства младенческихъ годовъ имѣли сильное вліяніе на характеръ Евгенія: мрачная тѣнь была наброшена на всю его жизнь.

Отецъ Евгенія, Титулярный Совѣтникъ Судьбинъ, былъ одинъ изъ тѣхъ презабавныхъ оригиналовъ, которые теперь

..столь превосходно осмѣляны. Съ начальниками: да-съ, да нѣтъ-съ; поклоны по Табели о рангахъ; сохрани Богъ—вздернуть носъ передъ старшимъ! Только и ума—ходить, да выходить изъ Канцеляріи; исполнять въ точности свою обязанность; почитать приказанія начальниковъ, какъ десять Моисеевыхъ заповѣдей! Словомъ: ходячая выписка изъ законовъ; воплощенный Генеральный Регламентъ!

Должно, однакожь, сказать правду, что этотъ смѣшной оригиналь служилъ всегда честно и прилежно; съ постояннымъ вниманіемъ предъ начальниками, но и съ непоколебимымъ благородствомъ въ душѣ; былъ скромень, но не подлъ; терпѣль крайнюю во всемъ нужду, но не запятналъ себя ни однимъ несправедливымъ дѣломъ. Если бы Исторія отмѣчала на своихъ листахъ скорѣе подвиги скромной добродѣтели, чѣмъ шумной славы: то сколько прекрасныхъ поступковъ самоотвер-

женія мы увидѣли бы въ осмѣянномъ чиновническомъ мѣрѣ!

Бѣдный труженикъ долженъ былъ болѣе думать о кускѣ хлѣба, чѣмъ о сынѣ. Отдавъ Евгенія въ Гимназію, онъ не имѣлъ времени и возможности наблюдать за ходомъ ученія; смотрѣлъ за однимъ: за исполненіемъ обязанностей религіи. Евгенийъ долженъ былъ не только каждый праздникъ, но и каждое воскресенье ходить къ заутрени, бывать въ церкви во всю Страстную недѣлю, непременно поститься каждый Великій постъ. Съ какимъ восхищеніемъ Евгенийъ встрѣчалъ Пасху! Когда растворялись церковныя двери, и клиръ возглашалъ: «Христосъ воскрес!» въ эти торжественныя минуты, восхищенному воображенію дитяти казалось, что чистые духи и люди, небо и земля, сливались въ одно цѣлое, чтобы славить воскресшаго. Тутъ примѣшивались и дѣтскія чувства. Евгенийъ всегда, бывало, за-

ботился, перейдутъ ли священники въ лѣтнюю церковь. Нѣсколько десятковъ лѣтъ, пролетѣвшихъ надъ его головою, унесли съ собою чудесный восторгъ младенчества, незамѣнимый никакими наслажденіями. Много разъ приходила потомъ Пасха, но сердце его уже было затворено для прежнихъ ощущеній!

Судьбинъ послѣ сороколѣтнихъ трудовъ, едва добившись Ассессорскаго мѣста, былъ командированъ по селеніямъ. Евгенийъ поѣхалъ съ нимъ.

Между тѣмъ, въ Иркутскѣ происходила одна изъ тѣхъ чернильныхъ Пуническихъ войнъ, которыми наполнены лѣтописи присутственныхъ мѣстъ въ отдаленныхъ провинціяхъ. Воевали двѣ сильныя сосѣдственныя державы: Казенная Палата и Губернское Правленіе. Островомъ Сициліи былъ питейный откупъ.

Вѣкъ брани былъ для Казенной Палаты золотымъ вѣкомъ просвѣщенія: въ мо-

лодыхъ канцелярскихъ чиновникахъ пробудилась любовь къ наукамъ; составили литературное общество; занимались Грамматикою, Риторикою, Поэзіею, даже Философіею. Правду сказать, большая часть изъ философовъ были послѣдователями школы Эпикурейской, но были и стоики, какъ, на примѣръ, безсмертный Илья Маркеловичъ.

Съ умомъ образованнымъ, съ чувствомъ честнаго и благороднаго человѣка, съ поведеніемъ до тридцати лѣтъ цѣломудреннымъ, Илья Маркеловичъ соединялъ твердость характера, достойную времени Камилла и Цивцината. Нельзя вспомнить безъ глубокаго уваженія, какъ презрѣвъ блескъ и величіе секретарскаго сана, великій мужъ не восхотѣлъ возсѣсть во святилищѣ присутствія, единственно потому, что не рѣшался скинуть своего длиннаго, засаженнаго сюртука, въ которомъ, бывало, такъ мѣрно и важно рас-

хаживалъ по канцелярской каморѣ. Съ качествами философа, Илья Маркеловичъ соединялъ и способности отличнаго дѣльца. Безмѣрное усердіе его къ службѣ возрастало съ жаромъ битвы; наконецъ, новый Курцій погрязъ въ безднѣ выписокъ и справокъ, журналовъ и протоколовъ. Лютая чахотка похитила великаго мужа во цвѣтѣ лѣтъ, и мы не знаемъ, *гдѣ даже прахъ его сокрытъ!*

Странствующій Ассессоръ собственно не принадлежалъ никакой партіи, но служа въ Казенной Палатѣ, по необходимости кружился въ общей смутѣ съ товарищами. Поѣздка его была предметомъ постоянной рекогносцировки со стороны неприятельской: неутомимые соглядатаи слѣдили по его плтамъ, и съ нетерпѣніемъ выискивали случай обвинить его въ какомъ-нибудь дѣйствиі, противномъ закону.

Ассессоръ долженъ былъ захватъ въ ко-

чевья *Аларскихъ* Братскихъ, въ Иркутскомъ уѣздѣ. При въѣздѣ въ улусъ, Евгений увидѣлъ новый бытъ, совершенно новую черту въ разнообразной картинѣ человѣка. Отъ физиономіи до вѣрованія, тутъ было все другое. Обломки великаго народа, нѣкогда потрясавшаго всю Азію и едва не всю Европу, сидѣли, поджавъ ноги, кружками передъ юртами, запачканные и полунагіе, спустивши съ плечъ овчинныя шубы. У каждаго была во рту коротенькая деревянная трубка съ табакомъ, единственное наслажденіе Бурятъ; сплюснутые носы, большія скулы, узкіе глаза—отличительныя черты ихъ физиономіи.

Быль Августъ, лучшее время Сибирскаго лѣта; день ясный, теплый; воздухъ самый пріятный для дыханія. Буряты дѣлали кейфъ. Потерявъ исторію, они ограничиваются однѣми потребностями настоящаго; для нихъ пѣтъ ни минув-

шаго, ни будущаго. Вотъ почему Исторія есть въ некоторомъ смыслѣ священная книга народовъ!

Пріѣздъ Ассессора возмутилъ весь улусъ. На козлахъ повозки сидѣлъ казакъ: символъ высокаго званія. Молва тотчасъ проникла до резиденціи *Тайши*, наслѣдственнаго начальника Бурятъ. Тайша былъ умный и добрый старикъ; Русскіе называли его *Василій Баимычъ*. Первое слово Василія Баимыча къ Ассессору: какой шинь? какой классъ? Пораженный важностію Ассессорскаго сана, Василій Баимычъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы заколоть барана, приготовить кирпичнаго чаю, забѣленнаго затураномъ (*), и въ довершеніе всего штофъ кизлярской водки. Самое смѣлое Бурятское воображеніе не могло бы придумать большей роскоши!

Между Иркутскими Бурятами распро-

(*) Мука, поджаренная на коровьемъ маслѣ.

странялась Шигемоніанская вѣра, отрасль Будизма. Смѣшно и жалко было смотрѣть, какъ добрый старикъ, Василій Баймычъ, выносилъ, на лысой головѣ съ набожною миною, свертокъ бумаги, на которомъ въ самомъ комическомъ положеніи былъ изображенъ плохую Китайскою живописью уродецъ Шигемони. Тайша приложился къ карикатурѣ своего бога съ величайшимъ благоговѣніемъ; но вдругъ, среди восторговъ набожности и умиленія, страшный шумъ и крикъ поразили его слухъ: изволилъ пріѣхать Засѣдатель Земскаго Суда, Спиридонъ Ивановичъ, страхъ и трепетъ уѣзда. Тайша съ испугу пѣхнулъ подъ лавку священную особу Шигемони. Вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, но уже съ краснымъ носомъ. Тайша едва не вноги ему поклонился. «Здравствуй Баймычъ,» — сказалъ Засѣдатель грубымъ, охриплымъ голосомъ. — Каково живешь? Пуишу!» Увидѣвъ Ассессора

Спиридонъ Ивановичъ нѣсколько смутился. «Виновать, Иванъ Петровичъ! я не думалъ васъ здѣсь встрѣтить. Какъ вы путешествуете? Я всегда имѣю обыкновеніе съ дороги пуншу: знаете, потогонительное средство. Ну что сталь, Баимычъ? Горячая вода есть? шевелись.»

Баимычъ, оправившись нѣсколько, вспомнилъ о несчастномъ Шигемони, и хотѣлъ поднять его изъ подъ лавки.

«Это что за гадина? вскричалъ съ хохотомъ Засѣдатель.

— Это, бачка, нашъ богъ, Шигемони,» проговорилъ съ ужасомъ Тайша, пораженный дерзостію святотатства.

«Богъ? — повторилъ засѣдатель, заливаясь отъ глупаго смѣха — эта образина богъ? Хо, хо, хо! Развѣ чортъ!»

Тайша едва не упалъ въ обморокъ. Между тѣмъ казаки хлопотали о горячей водѣ. Пуншь былъ принесенъ въ большой оловянной мискѣ. Засѣдатель

съ внутреннимъ самодовольтвiемъ началъ наливать его въ стаканы.

« Милости просимъ, Иванъ Петровичъ! Баимычъ, пей! А что Шилемони твой не пьетъ?»

— Никакъ нѣтъ-съ, бачка, Ваше Благо-родiе! — отвѣчалъ Тайша, со слезами досады и огорченiя на глазахъ.

« Худо, брагъ! — продолжалъ Засѣдатель, втягивая въ себя пуншъ большими глотками. — Худо! Славная вещь пуншъ послѣ дороги! Его, знать, выдумали боги. А? не такъ ли Иванъ Петровичъ?»

По усиленной просьбѣ Засѣдателя, Иванъ Петровичъ выпилъ стаканъ пуншу; засѣдатель пилъ безъ мѣры, приговаривая: « славная вещь!» кричалъ пѣсни, съ бранью заставлялъ пѣть казаковъ, величался передъ Тайшею: «пей Бурлтъ! Мичальника не хочешь послушаться!»

Пьяное буйство, пѣсни, крикъ, брань, продолжались за полночь; наконецъ За-

сѣдатель свалился со скамьи и заснулъ :
всему есть время подъ солнцемъ.

Евгеній не могъ вытерпѣть отвратительной картины , и задолго до окончанія вакханаліи ушелъ изъ юрты.

Послѣ яснаго и теплаго дня наступила ночь тихая, прохладная. Звѣзды горѣли во всемъ блескѣ. На западѣ потухала заря. Прелестная картина природы облегчила душу Евгенія и наполнила ее тихимъ , сладостнѣйшимъ чувствомъ. Взоры его то устремлялись на небо, и перелетая съ звѣзды на звѣзду, одна другой отдаленнѣе и незамѣтнѣе, тонули, наконецъ, въ пучинѣ безпредѣльности; то обращались на землю, и прорѣзывали сгущавшуюся темноту, вдоль по неизмѣримому протяженію стени. Повсюду ^{въ воздухѣ} дѣствовало глубокое спокойствіе : земля и небо отдыхали послѣ дневной тревоги. Посреди этой безмолвной тишины раздался звукъ колокольчика. Ев-

геній прислушивается: колокольчикъ ближе и ближе; бой частый и трепещущій: значило, что лошади неслись во всю прыть. Зачернѣлась точка. Видно было, что кибитка бѣжала уже не по дорогѣ. Наконецъ слышны были крики сѣдоковъ: «стой, стой!» Сердце у Евгенія замерло: онъ зналъ, что недалеко былъ глубокой оврагъ. Лошади, какъ львы, какъ вихрь летѣли по полю. Ямщика на козлахъ уже не было: Буряты обыкновенно соскакиваютъ съ козелъ при первой опасности. Еще минута—и не было бы спасенія: до оврага оставалось не болѣе двадцати сажень. Къ счастью лошади, испугавшись близъ лежавшаго огромнаго камня, круто повернули въ сторону; повозка на бокъ; одна пристяжная упала; другія еще двинулись, но запутавшись въ упряжи, принуждены были остановиться. Евгенийъ бросился къ кибиткѣ: дама среднихъ лѣтъ, съ

молодою дѣвушкою; обѣ въ обморокѣ. Евгенийъ вынулъ ихъ изъ повозки; мало по малу они опомнились.

«Что съ нами сдѣлалось?» — сказала дама, съ помощію Евгенія поднимаясь на ноги.

— Сударыня! отсюда недалеко улусъ Аларцевъ; не угодно ли вамъ туда идти? Сюда вышлютъ людей за кибиткой.

«Надинька! — говорила дама слабымъ голосомъ, едва переводя духъ, — пойдемъ, милая! Ахъ, Бога ради, пособи́те ее довести!»

Евгенийъ поднялъ Надиньку, и обхвативши ея станъ, почти несъ ее на рукахъ, между тѣмъ какъ бѣдная дѣвушка, забывшись отъ слабости, склонила голову къ нему на плечи, и прикасалась къ его лицу. Мѣсяць, старинный покровитель любовныхъ интригъ былъ какъ тутъ; наскоро сошелъ съ вершины дальней горы, и, казалось, улыбался на Ев-

генія, освѣщая своимъ серебрянымъ, волшебнымъ свѣтомъ прелестныя черты юной незнакомки. Ночь, поле, меланхолическое освѣщеніе луны, близость къ прелестному юному существу — чье молодое сердце не вспыхнуло бы въ подобномъ положеніи? Поддерживая незнакомку, Евгенийъ едва переводилъ духъ: кажется, спутница его была легка, какъ перо, но она какъ скала давила его сердце.

Уже улусъ былъ недалеко. Еще приблизилась кибитка. Мужчина среднихъ лѣтъ соскочилъ съ облучка. «Не ушиблась ли ты, Марья Михайловна! — заботливо спросилъ онъ даму. — Надинька, ты здорова ли? Садитесь пока въ мою повозку; ваша пріѣдетъ вслѣдъ. Станція недалеко.»

Марья Михайловна еще не имѣла времени опомниться отъ испугу; мужъ не очень былъ деликатень: въ благодарность

Евгению едва было сказано двѣ три пустыхъ фразы. Съ горестію разстался воспламененный юноша съ волшебною ношею. Ямщикъ ударилъ по лошадамъ; кибитка быстро помчалась; все далѣе, далѣе, далѣе; звонъ колокольчика все тише, тише, тише. Напрасно Евгений еще думалъ увидѣть вдали черную точку; напрасно прислушивался къ звуку: ничего не было ни слышно, ни видно; лишь мѣсяць разгуливалъ въ облакахъ, лишь вѣтеръ шумѣлъ по долинамъ. Что же это было такое? Зачѣмъ прилеталъ этотъ прелестный призракъ? Кто онъ былъ и куда скрылся?

II.

Судьбинъ, возвратясь въ Иркутскъ, узналъ съ горестію и удивленіемъ, что отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Засѣдатель, во исполненіе требованій непріятельской стороны, донесъ, что находившійся въ улусахъ Аларскихъ Братскихъ, Судьбинъ велъ себя неприлично: *назывался начальникомъ и былъ въ подгулькѣ.*

«Вотъ, говорилъ бѣдный Ассессоръ, утирая слезы, — вотъ плата за сороколѣтнюю службу! Къ чему послужила мнѣ честность? Кто знаетъ ее? Гдѣ ея награда? Пришлось умирать съ голода!»

— Батюшка! — говорилъ до слезъ

тронутый Евгений — я употреблю все усилия, чтобы привыкнуть поскорее къ службѣ и быть вамъ полезнымъ.

Добрый сынъ сдержалъ слово. Чѣмъ болѣе бѣдность одолевала его отца, тѣмъ болѣе онъ оказывалъ усердія къ службѣ, стараясь увеличить свое жалованье. Ни одной копѣйки не удѣлялъ онъ на свое удовольствіе. «Первѣйшее удовольствіе мое — говорилъ онъ отцу—состояло бы въ томъ, когда бы я могъ хотя нѣсколь-ко облегчить вашу участь.»

Занявшись службою, Евгенийъ долженъ былъ сблизиться со своими сослуживца-ми, которые были не только философы и литераторы, но и артисты: составили пѣвческій хоръ. Евгенийъ пѣлъ басомъ. Ему предлагали тенора; онъ обидѣлся: пѣть басомъ казалось ему важнѣе и почетнѣе. Надобно сказать, что въ характеръ Евгения до позднихъ лѣтъ сохранялась ребяческія странности.

Первый дебютъ пѣвчихъ былъ въ Троицынъ день, въ концѣ Маія. Величественная, полуготической и полурусской архитектуры церковь, съ высокою колокольнею, стоитъ на горѣ; горизонтъ со всѣхъ сторонъ оканчивается синющими вдали хребтами. Въ обширной оградѣ бывшее кладбище. Не знаю, какъ нынѣ, а прежде любимымъ гуляньемъ Иркутскихъ жителей было кладбище, особенно въ *родительскій день*. Право, прекрасное обыкновеніе! Оно связываетъ нить жизни, разорванную между настоящимъ и прошедшимъ; приводитъ живыхъ бесѣдовать съ отжившими друзьями, которыхъ въ шумныхъ пирахъ мы святотатственно забываемъ.

Въ послѣднихъ числахъ Маія погода въ Иркутскѣ истинно Майская: теплая, ясная, свѣжая. Кладбище, сливаясь съ полемъ, покрыто душистою зеленью, пересыпанною цвѣтами. Тутъ индѣ вы-

глядываютъ изъ - за могилъ распускаю-
щіяся березки, какъ будто любопыт-
ствуя, что дѣлается въ живомъ мѣрѣ;
чтобы передать вѣсть въ мѣрѣ усоп-
шихъ. Въ Троицынъ день весь Иркутскъ
стекается къ обѣднѣ на гору. Многочис-
ленные толпы, не умѣщаясь въ церкви,
стоятъ то на огромномъ ея западномъ
крыльцѣ, то на южныхъ и сѣверныхъ
всходахъ, или вокругъ церкви, около мо-
гилъ; все со свѣтами въ рукахъ, съ на-
божностію и постояннымъ вниманіемъ
во взорѣ. И вотъ вся эта масса народа
на гробахъ предковъ своихъ преклонила
колѣна предъ Владыкою жизни и смер-
ти!

Войдемъ въ церковь вмѣстѣ съ наши-
ми пѣвчими. Евгений, какъ бась, сталъ
на клиросѣ позади всѣхъ товарищей, и
слѣдовательно былъ на виду и самъ могъ
видѣть болѣе другихъ. Народъ собирает-
ся; впереди знаютъ: чиновники и первен-

ствующіе купцы; мужчины направо; женщины налево. Началось замѣтное движеніе въ народѣ: идетъ высокая и породная дама въ канфенномъ салопѣ, въ огромной шляпкѣ. Она разставила локти, и каждое ея движеніе производитъ въ толпѣ ужасныя бреши: въ нихъ ловко проскакиваетъ молодая дѣвушка, конечно, ея дочь. Когда Евгеній взглянулъ на нее, вся его кровь бросилась въ голову: это была тогъ ночной геній, который такъ мимолетно порхнулъ предъ его воображеніемъ, предметъ тайной и глубокой любви, источникъ радости и печали, отчаянія и надежды; словомъ: это была она! Если вы когда нибудь были молоды, если когда нибудь любили, я вамъ не буду рассказывать, что происходило въ душѣ, въ сердцѣ, во всемъ томъ, что называлось Евгеній въ эту минуту. Взоръ его пролился на прекрасныя черты незнакомки, и остановился

неподвижно. Его замѣтили: сперва былъ брошенъ бѣглый взглядъ, тамъ другой, третій, вотъ начинаютъ встрѣчаться волшебные лучи; вниманіе возрастаетъ; пламень разгарается. Сладкія, незабвенныя мгновенія первой юношеской любви!

Между тѣмъ началось пѣніе, если не совсѣмъ удачное, по крайней мѣрѣ, сносное: простые, но превосходные напѣвы Бортнянскаго не могутъ быть слишкомъ испорчены. Наконецъ пришло время концерта: какъ обойтись пѣвчимъ безъ концерта? Въ аллегро вышла фуга; повторялись слова: «трость книжника скорописца». Ее-то и ждали артисты, чтобы показать верхъ своего мастерства. «Трость книжника скорописца» завопили во всё горло дишканты, «книжника скорописца» повторяли альты; «скорописца книжника», кричали сколько было духу теноры; «трость скорописца» возгласили басы. Хоръ сбился совершенно съ так-

ты, вышелъ изъ тона, и несчастные, мѣшая другъ другу, не могли добраться до конца. Во избѣжаніе соблазна, священникъ выслалъ дьячка съ приказаніемъ кончить.

Мы сказали уже, что Евгеній, какъ басъ, стоялъ всѣхъ ближе къ слушателямъ, и слѣдственно всѣхъ былъ виднѣе. Позоръ его былъ неописанный, когда дьячокъ остановилъ его въ то самое мгновеніе, какъ онъ только вскричалъ насильственнымъ басомъ: «трость»...

«Долой съ клироса, скорописцы! — прошипѣлъ дьячокъ.

Если бы разорвалась ось, на которой движится вселенная; если бы солнце упало на землю; даже если бы послышался голосъ самого Вице-Губернатора: пѣвчіе не были бы такъ поражены, какъ шипотою этаго зловѣщаго дьячка. Поруганный хоръ внезапно умолкъ, и дьячокъ, съ торжествующею миною, засту-

пилъ его мѣсто. Кто въ Иркутскѣ не слыхалъ о знаменитомъ Герасимѣ, который любилъ играть голосомъ, пѣлъ нѣсколько въ носъ, и всегда бралъ полутономъ ниже? Герасимъ докончилъ пѣніе, и обратясь къ несчастнымъ артистамъ, съ насмѣшливою улыбкою произнесъ: «*Finis bonus coronat opus*!» Не отвѣчая ни слова, злополучные артисты стояли какъ осужденные, не смѣя поднять глазъ. Но что было съ Евгеніемъ?

Выйдя ни живой, ни мертвый изъ церкви, поруганный любовникъ сначала кинулся бѣгомъ; ему казалось, что колокольня за нимъ гналась влѣдъ, что колокола хохотали надъ его позоромъ, что дома кривились злою усмѣшкою. Перебѣгая изъ улицы въ улицу, онъ едва опомнился. «Боже, Боже мой! — говорилъ онъ едва переводя духъ — какой срамъ и стыдъ долженъ былъ я пережить! И кто еще былъ свидѣтелемъ!...

Да, я наказанъ за бесполезную трату времени, которое долженъ былъ употребить на пропитаніе моего отца. Отнынѣ каждую минуту посвящу труду.... Но кто же она?... Великій Боже, можно ли еще заниматься пустой мечтою? Можно ли думать о той, которая меня не знаетъ, думать, когда меня долженъ интересоватъ предметъ во сто кратъ..... Чу! ѣдутъ..... Евгенийъ оглянулся..... это была опять она! Прелестная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, разумѣется бѣлая какъ лилія, румяная какъ роза, съ блестящими черными глазами..... Ахъ, эти глаза! Отъ чего они такъ сладко, такъ очаровательно опять взглянули на бѣднаго Евгения! Юноша забылъ все, о чемъ за минуту столь превосходно рассуждалъ. Дрожки прокатились впередъ; какъ же не посмотрѣть вслѣдъ за ними? Вотъ онѣ проѣхали улицу, повернули. Евгенийъ бѣгомъ; также повернулъ. Дрожки

уже далеко. Все вдутъ, наконецъ остановились у крайняго дома; отворили ворота..... «Это дочь новопріѣхавшаго архитектора» сказала Евгеній, глубоко вздохнувши, дочь богатаго человѣка, любимица губернаторскаго; итакъ все кончено!»

Не смотря на отчаяніе, онъ не могъ однакожь утерпѣть, чтобы не пройти мимо дома, гдѣ жила его незабвенная. Домъ былъ въ два этажа. «Что это мелькнуло въ верхнемъ этажѣ?... Не она ли? Она, она... подошла къ окошку.... она глядитъ на меня... обманъ ли это воображенія? Она, кажется, меня любитъ! Она точно любитъ меня!»

Предоставимъ юнымъ любовникамъ окончить догадки и опасенія Евгенія. Къ несчастію, теперь немного найдемъ юношей способныхъ понять состояніе его души: геній чистой любви не посвящаетъ сердце, преданныхъ чувственнымъ удовольствіямъ!

III.

Пуническая война присутственных мѣсть окончилась; члены побѣжденной стороны были описаны и преданы суду. Бѣдный Ассессоръ пришелъ въ отчаяніе. Давно здоровье его было изнурено тяжкими трудами: несчастіе его совершенно разстроило. Евгенийъ, съ дѣтства расположенный къ печальному мечтанію, не могъ смотрѣть на него безъ тайныхъ слезъ. Сколько разъ, сидя на зеленомъ берегу Ушаковки, онъ грустилъ и пла-

кагь, представляя неизбѣжную разлуку съ бѣднымъ родителемъ!

Привязанность къ отцу оспаривала сердце Евгенія у любви къ милой Надеждѣ. Прошло уже два года отъ эпохи злополучнаго концерта; но влюбленное сердце по прежнему пѣло свою пѣсню, которой вѣчная и безконечная тема была: она и она. Нѣтъ нужды, что пламенный любовникъ видѣлъ свою незабвенную, несравненную, очаровательную, едва одинъ разъ въ годъ; что никогда съ нею не говорилъ; что совсѣмъ не зналъ: есть ли у ней языкъ, есть ли какой-нибудь умъ, какое-нибудь знаніе, какое-нибудь сердце: все это замѣнялось нѣсколькими лучами волшебныхъ взоровъ, въ которыхъ было все, что угодно: и умъ и сердце, и просвѣщеніе и добродѣтель; но чтобы увидѣть это несравненное чудо, это безцѣнное сокровище, это ненаглядное солнышко, уви-

дѣтъ хотя однажды въ продолженіи года, Евгеній долженъ былъ тысячу разъ пройти мимо обители своего кумира, побывать всякое воскресенье у заутрени, не говоря объ обѣднѣ; наконецъ всѣми средствами втираться на губернаторскіе балы, а для бѣднаго канцелярскаго чиновника, въ китайчатомъ фракѣ, это было едва ли не столь же трудное дѣло, какъ въ грѣшномъ тѣлѣ попасть въ горній міръ, или опредѣлиться на выгодное мѣсто безъ сильной протекціи.

Къ счастью (наше счастье нерѣдко бываетъ основано на несчастіи другаго), къ счастью Евгенія, судьба бросила въ это время, въ Иркутскъ, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ она ведетъ посреди бурь и напастей, окружаетъ скалами и пропастями; для чего? Это тайна провидѣнія. Умъ возвышенный, характеръ древняго Римлянина, благородный и твердый, просвѣщеніе

обширное и основательное: вотъ права, которыя имѣлъ Нейвинъ на гоненія рока. Вся жизнь его была игрищемъ обстоятельствъ. Блестательная пылкость ума, увлеченная заблужденіями философін, обольстительницы юности, была источникомъ для него величайшихъ бѣдъ. Опытность и несчастье излечили его отъ душевной болѣзни. Время измѣнило обстоятельства. Снова раскрывалась передъ нимъ блестящая дорога; лукавыя надежды летали съ обольстительными призраками чести и славы; счастье съ благоклонною улыбкою вельможи подавало ему руку къ высшимъ званіямъ; уже онъ шелъ съ полною увѣренностію къ обѣщаніямъ фортуны, и новый ударъ грома—все исчезло. Горько пробудиться отъ подобнаго сна, пробудиться посреди мрачной и безлюдной пустыни!

Евгеній искалъ случая съ нимъ сблизиться; Нейвинъ охотно взялъ его къ

себѣ, потому что не находилъ человѣка, которому-бы могъ излить высокіе помыслы своихъ думъ. Юноша съ пламенною, чистою душою, съ умомъ, возбужденнымъ къ дѣятельности, Евгенийъ, представился ему какъ драгоценный фіалъ, который готовъ былъ принять сокровища его души и сердца. Нейвинъ сдѣлался его благодѣтелемъ и наставникомъ: незабвенныя бесѣды, гдѣ соединялись нѣжное участіе друга съ глубокомысліемъ философа и нравственностію христіанина, оставались всегда съ одинаковою живостію въ памяти благодарнаго воспитанника.

Евгений открылся ему въ любви своей къ Надеждѣ. Нейвинъ, внутренно смѣялся ребяческой страсти молодого человѣка; но не хотѣлъ съ холодностію разбивать той очаровательной чаши мечтанія, изъ которой неопытная юность жадно упивается несбыточнымъ блаженствомъ. Онъ зналъ, что когда годы съ толпою

обманутыхъ надеждъ приходять уничтожить прелестную игру молодой фантазіи, человекъ самъ бросаетъ этотъ обманчивый сосудъ, но вмѣстѣ съ нимъ теряетъ и всѣ радости сердца: далѣе вѣтъ только безотрадными и темными мыслями гроба!

Нейвинъ желалъ познакомить Евгенія съ семействомъ Надежды; нѣсколько разъ нарочно ѣздилъ съ нимъ къ ней въ домъ; старался напомнить оказанную юнымъ его другомъ помощь близъ кочевья Аларцевъ: всѣ усилія были напрасны; съ Евгениемъ вмѣстѣ прѣвзжала бѣдность, а этотъ товарищъ всегда кидаетъ невыгодную тѣнь на искателей сердець. Почтенный Архитекторъ весьма неблагосклонно принималъ посѣщенія небогатаго претендента; особенно супруга его, тщеславная и корыстолюбивая женщина, давно забывшая сдѣланную ей услугу, ничего не помнила, ничего не знала лучше, бла-

городнѣе и возвышеннѣе денегъ и денегъ. Замѣтно было, что и сама Надежда, даже сама прелестная Надежда, съ маленькою холодностію раскланивалась съ Евгениемъ. Вы спросите: раскланивалась, а не разговаривала? Помилуйте, какъ же можно было въ провинціи, лѣтъ за тридцать, говорить дѣвушка съ мужчиною? развѣ: да-съ — нѣтъ-съ! Но если бы Евгений могъ слышать хотя эти божественныя: да-съ и нѣтъ-съ!

Мы сказали выше: замѣтно было; но ужь конечно не для Евгения, не для юноши въ девятнадцать лѣтъ, который видитъ и не видитъ, слышитъ и не слышитъ, или лучше сказать: видитъ, не видя, и слышитъ, не слыша. Воображеніе ловитъ малѣйшее движеніе обожаемаго предмета и толкуетъ по своему все его дѣйствія; даже при явной несправедливости, несчастный Донъ-Кихоть скорѣе готовъ обвинять себя, нежели обо-

жаемую Дульцинею. Евгений любилъ со всѣмъ пламенемъ юношескаго сердца, любилъ собственно не Надежду, но воздушный призракъ, когда-то прилетавшій чуднымъ образомъ похитить у него сердце. Пусть существенность его призрака будетъ предъ нимъ тысячу разъ виновна; онъ столько же разъ готовъ простить волшебному идеалу. Впрочемъ, сказать откровенно, безъ этой слѣпой, юношеской любви, дѣла должны были бы принять совсѣмъ другой оборотъ: былъ случай, гдѣ, правда, разверзались для Евгения прелестныя уста Надежды; о, блаженство! онъ услышалъ ея очаровательный голосъ, но, великій Боже, что услышалъ!

Въ одинъ торжественный день Градскій Глава давалъ, по обыкновенію, балъ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ Нейвинъ. Домъ былъ деревянный, но огромный, отдѣланный съ большимъ вкусомъ, по

тогдашнему времени: когда-то жили тутъ Главные Начальники Сибири. Нейвинъ занималъ одинъ уголокъ. При домѣ былъ очень пріятный садъ; передъ домомъ большая площадь. Искусный Архитекторъ устроилъ на ней чудесную иллюминацію: посреди вертограда изъ сосенъ и ёлокъ былъ возведенъ преудивительный храмикъ, освѣщенный плашками. Весь городъ стекался то посмѣтрѣть затѣй новаго зодчаго, то послушать полковой музыки и пѣвчихъ, которые велигласно восклицали: «Громъ побѣды раздавайся!» Въ длинной процессіи польскаго *шли разлигный образъ и языкъ*: отъ Губернатора до послѣдняго канцеляриста. Въ послѣднихъ парахъ, внѣ себя отъ восторга, проходилъ Евгенийъ, вы угадываете съ кѣмъ? Да, съ Надеждою, съ прелестною, милою, несравненною Надеждою. Какъ она краснѣла, какъ потупляла глаза, подавая руку Евгению, и

потомъ прохоя съ нимъ нѣсколько разъ по всѣмъ заламъ, какъ чудесно молчала и очаровательно отворачивалась! Наконецъ «громъ побѣды» умолкъ; красноносый Засѣдатель Земскаго Суда Спиридонъ Ивановичъ, благопріятель Ассесора, возгласилъ: «Русскую!» Пѣсенники впередъ; музыка заиграла «По улицѣ мостовой.» Явился дивный танцоръ, въ Русскомъ кафтанѣ, съ завороченными полами, въ красныхъ шароварахъ; неподражаемая танцорка въ тафтяномъ зеленомъ сарафанѣ, съ повязкою на головѣ, не дурна собою.

«Каково? — сказалъ съ значительною миною маленькій Предсѣдатель Палаты высокому и толстому купцу, ударяя пальцами по табакеркѣ.—А?»

— Изойте видѣть, чудесная пара! — батюшка, Иванъ Григорьевичъ; изойте видѣть, настоящая комедія! Изойте ви-

дѣтъ, то есть, какъ выдѣлываеть-сь ногамн-сь, словно какъ-бы, изойте видѣть...

«Настоящій злодѣй!» — громко провозгласилъ басомъ Совѣтникъ Губернскаго Правленія, съ удавленіемъ поднявъ къ верху плечи.

— Разбойникъ! — подтвердилъ Земскій Исправникъ, трахнувъ въ знакъ изумленія головою.

«Чортъ, а не человѣкъ!»

— Дьяволъ!

«То есть, изойте видѣть, какъ и она, то есть изойте видѣть.... Разбойница, изойте видѣть....»

Русская кончилась; далѣе слѣдовали: эккосесы, матрадуры, вальсы... Охъ! эти проклятые вальсы! дорого они стоили бѣдному Евгенію; не могъ онъ постичь ихъ премудрости; напрасно силился изучить адскіе переплеты, которые, кажется, выдумалъ самъ Мефистофель, чтобы подшутить надъ его нѣжною

страстію. Между тѣмъ, скажите ради самого Бурхана, можно ли на двадцатомъ году отказаться отъ удовольствія танцовать вальсъ, отъ удовольствія быть сколько можно ближе къ прелестной, обожасмой дѣвушкѣ; обвивать трепещущею рукою ея стройный станъ; прижиматься къ ея груди; дышать однимъ съ нею воздухомъ; чувствовать трепетаніе ея сердца, или, лучше сказать, ничего не чувствовать, не видѣть и не слышать; отказаться отъ неизъяснимаго удовольствія кружиться въ страстномъ вихрѣ, и какъ-бы отдѣляясь отъ земли, носиться въ пространствѣ небесъ особою сферою, съ претестнымъ спутникомъ, въ продолженіи, правда, одного мгновенія, но мгновеніе и вѣчность не суть ли равномѣрны?

Въ такомъ состояніи находился, или справедливѣе сказать, находился бы Евгенийъ, танцуя вальсъ съ Надеждою, есть-

ли бы невольный страхъ подшибить свою милую подругу, или свалиться самому со всего размаха, не препятствоваль счастью юношѣ предаться всей сладости небеснаго восторга. Его неловкость была замѣчена даже другими. Купецъ «изойте видѣть», обратясь къ отцу Надежды, сказалъ довольно громко: «изойте видѣть, Алексѣй Яковлевичъ, вѣдь долго ли, то есть, изойте видѣть, до грѣха; сохрани Господи, обрушатся, изойте видѣть»...

— Правда ваша, Семень Федоровичъ, долго ли до грѣха; сохрани Бѣгъ! — отвѣчалъ Архитекторъ, и дождавшись, когда Надежда поравнялась съ нимъ, хотѣлъ-было дернуть ее за платье, но догадливая дочь предупредила нѣжное попеченіе отца. Въ то время, когда Евгений думалъ уже взлетѣть до третьяго небеса, и поселиться тамъ навсегда, оставя нодъ ногами мрачную и скучную

юдоль сего міра; его прелестная подруга вдругъ остановилась, и вырвавъ руку, сказала съ замѣтнымъ гнѣвомъ: «какъ съ вами неловко танцовать!» Евгений, еще носясь въ волшебной сферѣ любви, не могъ разслушать ея словъ, и, кажется, воображалъ услышать что-нибудь самое сладостное, очаровательное, божественное, и можно ли ожидать другаго отъ милаго ангела-хранителя, отъ генія жизни, отъ той, къмъ живемъ, къмъ дышемъ, къмъ мыслимъ и чувствуемъ?

— Что вамъ угодно-съ? — спросилъ онъ съ нѣжною торопливостію.

Вообразите, жестокая имѣла столько духу, чтобы повторить эти убійственныя четыре слова; вонзить въ юную грудь вдругъ четыре стрѣлы, напитанныя неутолимымъ ядомъ воспоминанія; растерзать нѣжнѣйшее сердце четырьмя острыми когтями гѣнны; она повторила: «какъ съ вами неловко танцовать!»

Евгеній вздрогнулъ , раскрылъ ротъ , но не могъ ничего сказать и остался въ этомъ положеніи. Вслѣдъ за нимъ клубилась другая пара, гдѣ, отмѣривая двухъаршинные шаги, вертѣлся Секретарь Магистрата съ дочерью Плаць-Маіора, которая, какъ испуганная стрекоза, прытко перескакивала съ мѣста на мѣсто; остановить ихъ на всемъ ходу столь же было ужасно, какъ столкнуться съ паровою машиною. Ловкая пара во всю прыть налетѣла на злополучнаго любовника, и разомъ сбила съ ногъ; по крайней мѣрѣ, привела его въ чувство. Несчастный не могъ оставаться долѣе на ненавистномъ балѣ: заразительный и удушливый воздухъ тѣснилъ его грудь и захватывалъ дыханіе; каждая свѣча прожигала ему сердце; адская музыка напѣвала съ убійственнымъ хохотомъ ему въ уши: «какъ съ вами неловко танцовать.»

Въ смертномъ отчаяніи, злополучный бросился опрометью вонъ, прямо къ Ангартъ, которая была недалеко отъ дома.

Ангара, холодная какъ вѣчность, быстрая какъ время! сколько чувствованій, сколько думъ возставало въ душѣ Евгенія при твоёмъ имени! Во дни печали и огорченій онъ приходилъ сливать свои жалобы съ роптаніемъ твоихъ волнъ; любилъ сидѣть во мракѣ твоихъ тумановъ, и скрываться въ нихъ отъ людей и собственнаго сердца; въ часы мечтаній и надеждъ, спѣшилъ на твои возвышенные берега наслаждаться прелестною картиною, когда заходящее солнце скрывается за отдаленныя горы, и твои веселыя струи бѣгутъ во слѣдъ его, какъ желанія и мечты за любимымъ предметомъ!

Давно уже нѣтъ на берегу Ангарты той деревянной дву-этажной бесѣдки, которая, въ напрасной борьбѣ съ разрушеніемъ, крѣпко упиралась съ двухъ сторонъ на

огромныя свои крыльца, между - тѣмъ, какъ злое время видимо склоняло ее на землю. Никто изъ осторожныхъ людей не входилъ уже на верхній ея этажъ: тѣмъ охотнѣе всегда входилъ туда Евгеній, и оставался по цѣлымъ часамъ; сюда же прибѣжалъ онъ и послѣ бѣдствія его на балѣ. Сперва онъ упалъ почти безъ чувствъ на скамью; но скоро холодный воздухъ рѣки освѣжилъ его грудь.

«Что съ тобой, милый Евгеній», спросилъ его внезапно голосъ изъ за перегородки.

— Ахъ, это вы, Петръ Алексѣвичъ!

«Вѣрно какая нибудь неудача съ любезною! — продолжалъ Нейвинъ.

Евгеній едва рѣшился повторить слова Надежды.

— И послѣ этого ты не бросился въ воду, какъ Сафо, а, кажется, мы стоимъ на скалѣ Левкадской?

«Вы шутите падо мною; но всякое несчастіе, даже и мнимое, есть несчастіе.»

— Съ тою только разностію—прибавилъ Нейвинъ съ замѣтнымъ вздохомъ,— что мнимое проходить съ мечтою, а существенное остается надолго постолянымъ жильцемъ сердца. Въ то время, какъ ты столь неудачно танцевалъ съ твоею прелестною Лукреціею, я сидѣлъ здѣсь съ самаго вечера. Съ одной стороны у меня былъ вашъ балъ: музыка, пѣсни, шумъ народа, минутные огни фейерверка; съ другой, ясное, чистое, вѣчнымъ спокойствіемъ облеченное небо, гдѣ обычнымъ путемъ протекло солнце, была раскинута и собрана великолѣпная завѣса заката, явились опять давнишнія, и одни изъ прежнихъ товарищей моей юности, мои любимыя созвѣздія. Тутъ все было по прежнему безмятежно и тихо; а тамъ все шумно, безпокойно и

торопливо. Мнѣ казалось, что я былъ на предѣлахъ времени и вѣчности, я видѣлъ ихъ въ лицахъ; мнѣ было ясно, какъ временное ничтожно и суетно, какъ вѣчное величественно и свято.»

«Ахъ, зачѣмъ же,» — воскликнулъ Евгений съ чувствомъ глубочайшей горести, — «зачѣмъ эти мечты, надежды, чувства, страсти; зачѣмъ дано имъ мучить сердце; зачѣмъ святая мудрость выкупается его страданіями!»

IV.

Прошелъ годъ. Излѣчился ли Евгенийъ отъ своей, съ позволенія сказать, глупой страсти? Помилуйте: глупой? развѣ дѣлаетъ человѣкъ что-нибудь глупое въ девятнадцать лѣтъ отъ роду, въ девятнадцать лѣтъ, когда люди обыкновенно бываютъ только герои и гении? Евгенийъ, правда, не принадлежалъ къ знаменитой породѣ юношей нынѣшняго столѣтїя, однакожь тѣмъ не менѣе страсти брали дань и съ его сердца.

Въ одинъ Юльскій день, часу въ осьмомъ вечера, Нейвинъ и Евгеній, сидя въ саду, наслаждались великолѣпною картиною наступающей грозы, читая Тацита. Тучи собирались со всѣхъ сторонъ, закрыли, наконецъ, солнце, и тѣснились одна подъ другую. Сдѣлалось мрачно. Томительная тишина наполняла воздухъ. Ни одинъ листокъ не колыхнется. Все въ ожиданіи. Только тутъ индѣ ласточки мелкали въ воздухѣ, спѣша въ свои гнѣзда; только уединенный коршунъ безстрашно парилъ подъ грознымъ навѣсомъ тучъ. Начали раздаваться изрѣдка отдаленные, густые перебаты грома.

— Вотъ живое подобіе судьбы Рима — замѣтилъ Нейвинъ. — Солнце еще на горизонтѣ, но громовыя тучи уже стекаются со всѣхъ сторонъ; кто можетъ остановить ихъ приближеніе?

«Я скажу, кто: разумъ человѣческій!

— Разумъ? Нѣтъ, гдѣ дѣйствуетъ выс-

шая воля, тамъ никакія выдумки разума не помогутъ: всѣ ваши отводы только ускорятъ разрушенія зданія, а не спасутъ его! Развѣ послѣдніе вѣки Рима не имѣли Императоровъ мудрыхъ, дѣятельныхъ, побѣдоносныхъ, но къ чему послужили ихъ мудрость, дѣятельность, побѣды? Гроза шла все впередъ, не смотря на тщетныя ихъ усилія, наконецъ разразилась роковыми перунами, и Римъ палъ.

«По крайней мѣрѣ, кажется, этаго закона не лзя приложить къ частной жизни.»

— Жизнь вездѣ одинакова: и въ обществѣ развитіи человѣчества и частно въ каждомъ человѣкѣ.

«Однакожь, сколько есть людей, которые одолжены своими успѣхами ловкости своего ума?»

— То есть, не разборчивости своей въ средствахъ, хочешь сказать ты—возразилъ Нейвинъ. — Правда, Провидѣніе

попускаетъ иногда челоуѣку идти тайнымъ путемъ лжи, но всему есть предѣлъ, *его же не преидеши*. Исполняется мѣра терпѣнія, и, такъ называемое, счастье сего міра исчезаетъ, какъ призракъ. Боже мой! Сколько неодолимыхъ дѣйствователей окружаетъ бѣдную земную жизнь: брѣнность нашего состава, тѣлесныя болѣзни, душевныя страсти, горести и печали, злоба людей, буйство стихій.... О! надобно дивится, какимъ образомъ, посреди милліона опасностей, челоуѣкъ можетъ обречь даже скудельное свое существованіе! Часто одинъ моментъ разрушаетъ зданія фортуны, которое слѣпой смертный, съ неимовѣрными усиліями устривалъ въ теченіи многихъ лѣтъ...

«Какая ужасная молніа! — вскричалъ со страхомъ невольно поблѣднѣвшій Евгенийъ.»

Небо раздѣлилось на двое, и огненная рѣка пролилась на городъ. Вслѣдъ за

тѣмъ раздался необычайный ударъ грома; вдали вспыхнуло пламя.

«Пожаръ! — сказалъ Евгений. — Кажется, горитъ близъ Тихвинской церкви — замѣтилъ Нейвинъ.»

«Позвольте мнѣ идти!»

— Помилуй, въ такую грозу и въ такой дождь!

Евгений схватилъ шляпу и едва протиснулся съ Нейвинымъ, вопреки обычной своей вѣжливости. «Понимаю, — говорилъ сей послѣдній, смотря вслѣдъ за убѣгающимъ, — тамъ живетъ эта несчастная. Чудакъ, онъ никакъ не можетъ отъ нея отстать, хотя получилъ уже, кажется, порядочный урокъ въ деликатности своего нѣжнаго друга. Ахъ, юность! юность! Тебя не лѣзя ни винить, ни оправдывать!»

Гроза была въ полномъ разгулѣ; съ каждымъ ударомъ, казалось, разрушались и падали утесъ за утесомъ. Мол-

нiя сожигала небо со всѣхъ сторонѣ. Дождь лилъ рѣкою. Огонь и вода взаимно оспаривали права надъ бѣднымъ городомъ.

Евгенiй, какъ само собою разумѣется, направилъ свои стопы прямехонько къ дому Надежды; молнiя ударила въ колокольню, и потомъ пронеслась прямо въ открытое окно архитекторскаго дома. Пламя мгновенно обхватило все строенiе. Фарфоровыя чашки, головы сахару, платья, столы, стулья, подушки лѣтели въ окна. Евгенiй, не помня самъ себя, вбѣжалъ во дворъ, первая мысль его была: что Надежда?

«Пожалуйте, изойте видѣть, ко мнѣ въ домъ — говорилъ знакомый намъ купецъ, сводя полуживую Надежду съ крыльца.— Здѣсь мои молодцы все управятъ!»

— Ради Бога скорѣе! — невольно вскри-

чалъ Евгеній, бросившись на помощь къ Надеждѣ.

«Не ваше дѣло, изойте видѣть, проговорилъ злобно кунецъ, грубо оттолкнувъ Евгенія и, уводя Надежду, которая не помнила сама себя отъ ужаса. — Изойте видѣть, мы уже распорядились!»

— Палашка! Палашка! — кричала во все горло Архитекторша, сбѣгая съ лѣвицы, съ самоваромъ въ рукахъ. — Чепчика-то не забудь захватить! Да тамъ, за перегородкой въ углу... подлѣ печки... Съ этимъ словомъ Архитекторша наткнулась на Евгенія. — Ахъ, батюшки, стала на дорогѣ: толи теперь время, чтобы звать попусту!

Архитекторша пробѣжала вслѣдъ за дочерью. Евгеній упалъ съ неба до глубины ада. Кажется, ему легче было бы, если бы пламя пожрало его разбитое сердце. Между тѣмъ мечтать было некогда.

— Прочь съ дороги! — кричали Полицейскія, въѣзжая на дворъ. Евгений принужденъ былъ перелѣзть черезъ заборъ въ огородъ сосѣдняго дома. Огородъ былъ обширный. На концѣ его возвышался каменный домъ купца, известнаго намъ доселе подъ фирмою: и зойте видѣть, по прозванію Подушкина. Какъ не взглянуть, куда скрылось божество очей? Евгений пробрался во дворъ. Страшный лай огромныхъ монгольскихъ собакъ, въ разныхъ мѣстахъ привязанныхъ у амбаровъ, встрѣтилъ мечтательнаго любовника. Псы рвались съ цѣней, и готовы были разорвать несчастнаго пришельца.»

«Кто тамъ бродить, зойте видѣть? кричалъ Подушкинъ въ отворенное окно. Молодцы, гоните его вонъ!

Евгений не обращалъ вниманія на лай псовъ и на крикъ хозяина: взоры его прилѣпились къ окну: въ немъ была На-

дежда. Что жъ она? Увидѣла ли Евгенія? Наградила ли хотя однимъ ласковымъ взоромъ его пламенную привязанность? Вѣдь это онь для нея бѣжалъ по лужамъ въ проливной дождь, для нея чуть не попался подъ копыта Полицейскихъ лошадей, для нея лазилъ черезъ заборы, и проч. Нѣтъ, сударь, не взглянула. «До того ли теперь ей»—говорилъ самъ себѣ Евгеній, Утѣшая себя въ холодности своей Елоизы.—Когда горитъ родительскій домъ, гдѣ тутъ помнить о другѣ сердца... Но это скверно — думалъ Евгеній — что проклятый купчишка тутъ подвернулся со своими услугами... Что, если, а? — Сердце невольно заняло у бѣднаго любовника. — Вѣдь онь богатъ; родители Надежды жадны къ деньгамъ... Но нѣтъ, удались, мучительная мысль! Я надѣюсь на Провидѣніе!»

— Почему же ты думаешь замѣтилъ ему Нейвинъ, которому на завтра онь

пересказалъ свое опасеніе — почему думаешь, что Провидѣніе непременно будетъ на твоей сторонѣ. Можетъ быть, и въ этомъ я совершенно увѣренъ, тебѣ будетъ полезно, если...

«Ахъ, не говорите этого, Петръ Алексѣвичъ! Я умру, просто умру!»

— Ни жизнь, ни смерть — говорилъ Нейвинъ — не состоятъ въ нашей волѣ. Изъ вчерашняго примѣра ты могъ видѣть, какъ мы не властны располагать своими обстоятельствами. Одинъ ударъ грома—и сколько, по собственному твоему заключенію, прибавилъ Нейвинъ съ улыбкою—можетъ быть гибельныхъ послѣдствій...?

«Но я желалъ бы, если можно, отвратить ихъ,» возразилъ Евгений. — «Ахъ, Петръ Алексѣвичъ, не лѣзали...»

— Угадываю твое желаніе; ты хочешь чтобы я попросилъ Губернатора о мѣстѣ. Не такъ ли?

«Точно-такъ — съ замѣшательствомъ отвѣчалъ Евгений. Есть-ли только вамъ это не будетъ...»

— Не пріятно? хочешь сказать ты — перебилъ Нейвинъ. О нѣтъ! Конечно я привыкъ къ тебѣ, но привыкъ и разлучаться съ людьми: вся наша жизнь есть непрерывное свиданіе и разлука, доколь не наступитъ вѣчныя разганы.

Нейвинъ просилъ Губернатора: Евгению было, по обыкновенію, назначено испытаніе въ губернаторской канцеляріи.

Протекло двѣ недѣли между упованіемъ и опасеніями; наконецъ, отчаяваясь въ полученіи должности, съ которою соединялось столько надеждъ: доставленіе лучшаго содержанія престарѣлому отцу, и можетъ быть, соединеніе съ существомъ, хотя жестокимъ, но все еще милымъ, Евгений, выждавъ всѣхъ своихъ товарищей, упалъ на колѣна предъ об-

разомъ. Вдругъ входитъ казакъ: «пожа-
дуйте къ Губернатору.» Вся кровь блѣд-
наго искателя фортуны бросилась въ
голову; наступила рѣшительная минута;
«смерть или жизнь!»

«Я хочу предложить тебѣ новую дол-
жность — сказала Губернаторъ, когда Ев-
геній, блѣдный и трепещущій, вошелъ
къ нему въ кабинетъ, отвѣся самый по-
чтительный поклонъ. — Не знаю, будешь
ли согласенъ?»

Евгеній не могъ ничего сказать отъ
страха и неизвѣстности: надобно замѣ-
тить, что въ это время, при нашествіи
на Сибирь Титулярныхъ Совѣтниковъ,
природному Сибираку трудно было по-
лучить порядочную должность, и пото-
му верховъ желаній Евгенія, далѣе чего
онъ не смѣлъ простираеть дерзкихъ по-
мысловъ, было получить мѣсто Столо-
начальника. Вообразите же его восторгъ,
когда Губернаторъ сказалъ ему: «я дѣ-

лаю тебя своимъ Секретаремъ.» Это было для Евгенія гораздо важнѣе, нежели когда бы ему было сказано: «ты будешь Китайскимъ Императоромъ.»

Счастливецъ едва не обезумѣлъ отъ радости, едва могъ проговорить нѣсколько нескладныхъ словъ, и когда пошелъ домой: то ему казалось, что вся вселенная, земля и небо, поздравляютъ его съ новою должностію; что солнце скачетъ отъ радости; облака пляшутъ хороводами отъ восторга; и вѣтерки весело напѣваютъ: «Ахъ, что ты за счастливецъ за такой!»

Нейвинъ раздѣлилъ радость Евгенія совсѣмъ участіемъ истиннаго расположенія, затаивъ глубоко въ сердцѣ грусть своего единочества. Но когда его молодой другъ принужденъ былъ переѣхать отъ него къ себѣ въ домъ, и прицѣль къ нему на другой день, Нейвинъ не могъ удержаться отъ слезъ, и, мужъ про-

свѣщенный, опытный, мудрый, плакалъ, какъ ребенокъ. Отъ чего? Не отъ того ли, что продолжительная и постоянная горестъ дѣлаетъ большое сердце слишкомъ чувствительнымъ ко всякому впечатлѣнію; что при малѣйшемъ новомъ ударѣ вдругъ раскрываются прежнія раны, и мучительная перспектива минувшихъ бѣдствій опять предстаётъ предъ воображеніе, со всеми печалами и огорченіями.

V.

Евгеній съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе благорасположеніе Губернатора, и познакомился съ его семействомъ. Супруга Губернатора, образованная и умная дама, искренно любила его. По Воскресеньямъ собирались къ Губернатору гости, избраннѣйшіе изъ чиновниковъ, въ томъ числѣ Архитекторъ съ женою и дочерью.

Евгеній не упускалъ ни одного Воскресенья. Вниманіе, какое оказывали ему

въ домъ Губернатора, казалось, расположило къ нему родителей Надежды. Казалось, сама Надежда сдѣлалась благосклоннѣе: въ глазахъ ея ожилъ тотъ волшебный лучъ, который проникалъ до глубины сердца Евгенія въ незабвенный Троицынъ день. Все шло какъ не лзя лучше, если бы только не возникало по временамъ опасеніе, нѣкогда возбужденное Нейвинымъ: Подушкинъ сдѣлался слишкомъ короткимъ пріятелемъ съ Архитекторомъ и его супругою; всѣ трое они не совсѣмъ благосклонно посматривали, когда пламенный взоръ Евгенія былъ устремленъ на Надежду. Но что могло остановить этотъ волшебный потокъ? Глаза Евгенія постоянно были обращены къ милому предмету: это былъ полюсъ, къ которому непрерывно текли всѣ мысли, всѣ чувствованія, всѣ желанія пламеннаго юноши.

Немудрено было замѣтить привязан-

ность Евгения къ Надеждѣ. Семейство Губернатора знало эту тайну. Губернаторша, по нѣжности своего сердца, покровительствовала страсти Евгения и старалась сблизить его съ Надеждою, чему особенно благоприятствовали загородныя прогулки.

Въ Иркутскѣ, ежегодно въ двадцать первое Мая, носятъ изъ собора образъ Божіей Матери въ деревню *Куду*, и потомъ ходятъ съ нимъ по полямъ для служенія молебновъ. Выносъ изъ города и возвращеніе образа есть дни общаго движенія жителей: мужчины и женщины, дѣти и старики, всѣ участвуютъ въ набожной процессіи. Многіе ходятъ до самой деревни, отъ города верстахъ въ тридцати; но большая часть провожаютъ до Верхоленской горы: туда же выходятъ и встрѣчать.

Лѣто въ полномъ и первомъ цвѣтѣ; дни прекрасныя, исполненныя самой жи-

вительной теплоты; воздухъ тихій и упоительный; гора и долина, покрытыя свѣжею, ароматическою зеленью и украшенныя милліонами разныхъ цвѣтовъ; народъ въ разноцвѣтной одеждѣ, разсыпанный группами по покатости горы, въ благоговѣнномъ молчаніи или въ самой тихой бесѣдѣ: картина очаровательная! Прибавьте къ этому юныя лѣта, нѣжное, страстное сердце, пылкое воображеніе, близость любимаго предмета, слияніе неба и земли: кто изобразить достойно прелесть подобныхъ минутъ?

Губернаторша, набожная женщина, всегда участвовала, вмѣстѣ съ дочерьми, въ встрѣчѣ образа. До горы доѣзжали въ каретѣ, и потомъ шли пѣшкомъ. Съ ними прѣвѣзжали избраннѣйшія семейства: разумѣется, и семейство Архитектора.

Евгеній, сидючи въ Канцеляріи, нетерпѣливо ожидалъ приглашенія. Губернаторъ былъ столь добръ, что самъ зашелъ

за нимъ. Евгений не заставилъ себя дожидаться. Карета, по обыкновенію, остановилась у горы. Образа еще не было въ виду. Всѣ пошли на гору. Евгений старался быть въблизи Надежды. Губернаторша сказала ему, улыбаясь : «какой неучтивый кавалеръ! Отъ чего вы не дадите руки Надеждѣ Алексѣевнѣ?»

Евгений смутился. Ничто не могло быть для него пріятнѣе этого приказанія, и ничего страшнѣе, какъ прикоснуться къ обожаемому предмету. Казалось, это было во сто кратъ опаснѣе самой сильной Лейденской батареи. Въ бореніи чувствъ онъ не могъ ни на что рѣшиться. «Что же вы медлите?» — повторила Губернаторша, которую между тѣмъ вель отецъ Надежды. — Нельзя же было ожидать третьяго приказанія, и Евгений подалъ трепещущую руку Надеждѣ.

«Какая прекрасная погода!» — сказалъ онъ, не зная о чемъ начать разговоръ.

— Да-съ!

«Я думаю, вы часто гуляете за городом?»

— Нѣтъ-съ!

«Развѣ вы не любите Природу?»

— Нѣтъ-съ!

«Или много заняты работою?»

— Да-съ!

«Безъ сомнѣнія, любите читать книги?»

На послѣдній вопросъ Надежда отвѣчала такимъ неопредѣленнымъ звукомъ, что трудно было рѣшить, былъ ли отвѣтъ утвердительный, или отрицательный.

Затаивъ въ душѣ непріятное чувство, Евгенийъ опять пустился на ловлю двухъ краткихъ частицъ, которыя, однакожъ были для него дороже самыхъ мудрейшихъ отвѣтовъ Дельфійской Пифіи и сладостнѣе пѣнія Воробьевой.

Между тѣмъ Губернаторша, указывая на него и на Надежду, говорила Архи-

тектору: «не правдали, это была бы прекрасная пара?»

— Точно такъ-съ, Ваше Превосходительство!

«Слѣдовательно вы не отказали бы мнѣ, если бы я вздумала сдѣлать вамъ предложеніе?»

— Ни какъ нѣтъ-съ, Ваше Превосходительство. *

«Я такъ и думала, зная, что вы достоинство души предпочтете всякому богатству. Евгений Ивановичъ, конечно, бѣденъ, но прилеженъ къ должности. Мой мужъ постарается устроить его судьбу.»

— Слушаю-съ, Ваше Превосходительство!

«Я знаю, что Евгений Ивановичъ страстно любитъ Надежду Алексѣевну.»

— Такъ-съ!

«Равнымъ образомъ, я замѣтила, что и она къ нему равнодушна.»

— Ваше Превосходительство, позволѣ-

те-съ великодушно доложить: что касается до моей дочери-съ, то. . . .

Въ это мгновеніе раздался шумъ въ народъ: «Несутъ! Несутъ! Толпы двинулись на гору. Вдали слышалось пѣніе; ближе и ближе. Уже на горъ завѣяли хоругви. Народъ снялъ шляпы, и съ благоговѣніемъ началъ молиться. По мѣрѣ, какъ процессія спускалась съ горы, толпы, по сторонамъ дороги стоявшія, сливались съ идущими за Иконою, и такимъ образомъ по всему протяженію спуска, простиравшагося на полверсты, составилось разноцвѣтная волнующаяся ткань, какъ бы нарочно разостланная во встрѣтеніе *матери встѣхъ скорблицихъ*. Процессія остановилась, для отпѣтія молебна, у креста, поставленнаго за версту отъ городской заставы. Въ продолженіи службы, Губернаторша, съ материнскою улыбкою, сказала тихо Евгенію «молитесь усерднѣе. Я говорила о васъ

съ отцомъ невѣсты вашей; онъ, кажется, согласенъ.»

Съ этимъ словомъ Евгенийъ готовъ былъ отъ восторга улетѣть на небо. Губернаторша, непримѣтно посматривая на него, наслаждалась чудною радостію, которая блистала въ его глазахъ и была написана яркими красками на его лицѣ. Съ какимъ умиленнымъ чувствомъ онъ молился! Какъ онъ былъ полонъ любви и земной и небесной! На глазахъ его блистали слезы, но какія были это слезы? Каждая капля ихъ была глубже и безпредѣльнѣе океана: въ ней погружалась цѣлая вѣчность неписаннаго блаженства!

VI.

Дѣла Евгенія шли какъ нельзя лучше. Въ сладкихъ гаданіяхъ о предстоящей свадьбѣ, полунарѣченный женихъ занялся перестройкою своего дома. Какъ ему было ввести Надежду въ развалины? Мѣстоположеніе дома было прекрасное: онъ стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ. По лѣвой сторонѣ, вдали видна была быстрая Ушаковка, сливавшаяся съ Ангарою; около нихъ раскидывались горы неизмѣримымъ амфитеатромъ, посреди котора-

то бѣлѣлась высокая колокольня Вознесенскаго монастыря; по правой сторонѣ, удаляясь отъ полукружія, тянулась ближе и ближе къ Ушаковкѣ гора Клубничная, наконецъ заворачивалась на востокъ прямою безконечною линіею, и терялась изъ виду. На высотѣ ея, противъ дома Евгенія, стоялъ крестъ, означавшій могилу одного казненаго преступника. Ландшафтъ этотъ не былъ прелестенъ, но величественъ; не могъ веселить души земною радостію; за-то услаждалъ ее высокими идеями неба. Евгеній по цѣлымъ вечерамъ просиживалъ у окна, смотря на превосходную картину, когда утихнетъ шумъ людей, и сама природа успокоится: замолкнетъ вечерній говоръ птицъ; затихнетъ шумъ вѣтерка; неколыхнется листокъ на деревѣ—и посреди священнаго безмолвія тихо встанетъ изъ-за отдаленныхъ горъ и пойдетъ осторожно по небу задумчивый мѣсяць.

При видѣ этого зрѣлища, Евгений, погруженный въ думу, то представлялъ себѣ настоящее свое счастливое положеніе, то мечталъ о будущемъ блаженствѣ съ Надеждою: какъ онъ введетъ ее въ свой чистенькій домикъ; какъ раздѣлитъ съ нею свое благополучіе; какъ, однимъ словомъ, они будутъ наслаждаться жизнью, благословляемые нѣжными родителями, и проч. и проч. Повторитъли миллионъ разъ произнесенную сентенцію, что мы только тогда истинно счастливы, когда мечтаемъ? Евгенийъ созидалъ, умножалъ, обезконечивалъ свое блаженство, переносилъ его и за предѣлы гроба: и тамъ, казалось ему, онъ будетъ, чистый духъ, парить по небу съ своею милою подругою, и упиваться радостію на лонѣ вѣчности. . . . Вдругъ раздался стукъ кольца у воротъ. Кто-то скоро взошелъ на лѣстницу. Что это значитъ? Евгенийъ въ безпокойномъ ожиданіи. Вбѣгаетъ Илья

Маркеловичъ, разстроенный и запыхавшійся — Илья Маркеловичъ, который отъ роду не перемѣнялъ своей мѣрной походки. Сердце Евгенія непонятно вздрогнуло.

«Какое несчастіе!» — вскричалъ Илья Маркеловичъ, едва переводя духъ. — «Она кажется, умерла.»

— Кто?

«Губернаторша. Я сейчасъ былъ свидѣлемъ....»

— Боже мой! — воскликнулъ Евгеній, бросясь опрометью изъ комнаты.

«Постойте!» — вскричалъ Илья Маркеловичъ, схватя его за полы. — «Куда вы бѣжите? Ее уже унесли въ домъ, и вѣрно будутъ приняты всѣ мѣры.»

— Я хочу знать, въ какомъ она положеніи. Она моя благодѣтельница. Съ жизнью ея сопряжено собственное мое счастье.

«Любить другихъ для своего счастья

есть эгоизмъ. Я ожидалъ большой чистоты въ вашихъ чувствованіяхъ, и гораздо болѣе разсудительности и хладнокровія.»

— Ожидали, тогда какъ сами бѣжали запыхавшись.

«И каюсь, что поступилъ противъ моихъ правилъ.»

— Вѣрю этому отъ души; но позвольте мнѣ идти: я не могу быть спокоенъ.

«Нѣтъ, не предавайтесь слабости: погодите. Я всегда желалъ, чтобы...»

— Ахъ, ради Бога!

«Чтобы вы были, хотѣлъ я сказать, истинный мудрецъ, умѣющій владѣть собою во всѣхъ обстоятельствахъ...»

— Готовъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ, но не теперь.

«Чтобы вы могли — продолжалъ неотвязный философъ...»

— Воля ваша; терпѣніе мое исчезаетъ.
Прощайте!

Евгеній кинулся въ дверь; но въ эту самую минуту вбѣжала въ комнату жившая у Евгенія старушка, его тетка.

«Охъ, тимнечиньки! — говорила она, утирая слезы. — Какая бѣда стряслася! Вѣдь, матушка-то, Катерина Федоровна, долго жить приказала! Вѣдь шла по улочкѣ, родимая, здоровешенька; вдругъ бѣда приключилась!

Евгеній едва устоялъ на ногахъ; кое-какъ дотащился до стула, и упалъ безъ чувствъ.

«Ахъ ты, батюшка мой! — вскричала старушка — да что съ тобой сдѣлалось, Господь съ тобой, Царь Небесный!»

Илья Маркеловичъ кинулся вмѣстѣ съ нею. Надобно признаться, что въ житейскихъ дѣлахъ послѣдователь Зенона былъ столь же не свѣдушъ, сколь силенъ въ умозрѣніяхъ. Бросясь на помощь

къ Евгению, онъ заступилъ свой длинный сюртукъ, и едва самъ не упалъ на больного. «Воды, воды! — кричалъ онъ во все горло, въ страшномъ переполохѣ: старушка побѣжала за водою. Илья Маркеловичъ, хладнокровный только въ отношеніи себя, но чрезвычайно вѣжливый къ другимъ, не имѣлъ терпѣнія ея дожидаться, кинулся самъ изъ комнаты, и спихнулъ бѣдную старушку съ ногъ. Ковшъ съ водою выпалъ у ней изъ руки. «Боже милостивый!» — вскричалъ внѣ себя Илья Маркеловичъ — схватилъ ковшъ и побѣжалъ самъ къ колодцу. Старушка также за нимъ бросилась. «Илья Маркеловичъ — кричала она — въ зимовьѣ есть вода, батюшка!» Илья Маркеловичъ не былъ въ состояніи ни видѣть, ни слышать; съ величайшимъ усиленіемъ вытаскивая цепню, наконецъ прибѣжалъ съ ковшомъ; положилъ голову больного себѣ на колѣна, облилъ его водою съ го-

ловы до ногъ, самъ залился еще болѣе. Евгений очнулся. «Слава тебѣ Богу!» — воскликнулъ Илья Маркеловичъ, едва удерживая слезы. — Какъ ты искугалъ меня! ее Лучше былобы мнѣ самому умереть, нежели видѣть тебя умирающимъ!» Крупная слеза выкатилась изъ его глазъ. Евгений былъ тронутъ самъ до слезъ нѣжностію этаго чловѣка, который, выдавая себя за стоика, не любилъ выказывать своей чувствительности. Крѣпко сжавъ руку Ильи Маркеловича, несчастный юноша зарыдалъ горько: «Ее уже нѣтъ; съ ней умерло и мое счастье!»

VII.

Со смертію Губернаторши свадебныя обстоятельства Евгенія, въ самомъ дѣлѣ, совершенно измѣнились. Губернаторъ, человекъ разсудительный и холодный не совсѣмъ благопріятствовалъ дѣтской страсти Евгенія, а родители Надежды, какъ мы сказали выше, поклонялись мамонѣ, въ полномъ смыслѣ слова. Евгеній почти не имѣлъ болѣе случая видѣть свою невесту: въ теченіи года она едва была одинъ разъ у дочерей Губер-

натора; самого его перестали приглашать къ ней въ домъ. Между тѣмъ купецъ «Изойте видѣть» — какъ ходила молва, — оказавъ большое пособіе Архитектору при постройкѣ новаго дома, совершенно возобладаль его тѣломъ и душою; особенно почтеннѣйшая супруга его, послѣ многихъ одолженій и сюрпризовъ Подушкина, была отъ него внѣ себя. Подушкинъ бываль у нихъ почти каждый день; и уже начали носиться темныя слухи, что Подушкинъ, не смотря на свои сѣдыя власы, сдѣлаль формальное предложеніе родителямъ Надежды о выдачѣ за него ихъ дражайшей дочки, и что предложеніе его было принято съ особенною благосклонностію.

«Смотри, что оправдается твоя догадка» — сказалъ однажды Нейвинъ, когда Евгенийъ, повѣряль ему свои сердечныя тайны.

— Я не знаю, что тогда будетъ со

мною? — говорилъ съ глубокимъ вздохомъ несчастный любовникъ.

«Я предлагалъ тебѣ броситься со скалы — продолжалъ съ усмѣшкою Нейвинъ, — когда твоя любезная потѣшила тебя ласковымъ словомъ на балѣ? Лишившись такого сокровища, инаго дѣлать нечего.»

— Ахъ, Петръ Алексѣевичъ! вы говорите такъ потому, что...

«Потому, что это не до меня касается. Во первыхъ, твоя судьба для меня столько же важна, какъ моя собственная, а во вторыхъ...»

— А во вторыхъ, вы никогда не любили — перебилъ Евгений.

«Ты видишь потухшій вулканъ, и думаешь, что онъ всегда былъ покрытъ льдомъ! Въ этомъ сердцѣ перегорѣло много чувствованій; много перекипѣло страстей: судьба однимъ разомъ ихъ погасила, какъ мы гасимъ отгорѣвшую свѣ-

чу. Придетъ время, когда ты самъ будешь удивляться теперешней, съ позволенія сказать, глупости.»

— Нѣтъ, — отвѣчала Евгеній съ глубокимъ вздохомъ — эта любовь вѣчна; она можетъ погаснуть лишь съ моею жизнію.

«Можетъ быть ей придется погаснуть и нѣсколько поранѣе. Вѣрно ты не слышалъ, что Архитекторъ и его почтенная сожительница уѣхала вмѣстѣ съ дочерью за море?» (*)

— Слышалъ; но что жъ изъ этого? — спросилъ съ ужасомъ Евгеній.

«Чтожъ изъ этого? — повторилъ Нейвинъ, полушутя и полусерьезно. — То, что Провидѣніе избавило тебя отъ этой дѣвочки, которая никогда не могла составить твоего счастья.»

— Боже мой! я васъ не понимаю.

(*) Т. е. за Байкаль.

«Поймешь, когда прочитаешь это письмо: твоя Надежда уже обручена съ Изойте видѣть»

Исторія, не оставила намъ памятниковъ, что случилось съ Евгениемъ, когда онъ услышалъ это роковое извѣстіе. Упалъ ли онъ въ обморокъ, растерзалъ ли на себѣ ризы и посыпалъ ли главу свою пепломъ, или смиренно покорился необходимости и великодушно перенесъ ударъ судьбы, какъ обыкновенно случается съ неутѣшными любовниками въ двадцать лѣтъ. Повѣствованіе встрѣчаетъ Евгения уже спустя около полутора мѣсяца послѣ разговора съ Нейвинымъ. Онъ сидѣлъ подлѣ любимаго окна, въ глубокой думѣ: въ рукахъ его было письмо.

Между тѣмъ, жившая у него старушка угощала какую то дѣвушку, какъ кажется, горничную. Самоваръ во всемъ великолѣпнѣ кипѣлъ на столѣ.

«Еще чашечку!»

— Благодарю покорно, Парасковья Петровна. Пора и домой. Господа въ десять часовъ хотѣли возвратиться.

«Эхъ, мать моя, еще успѣешь! А что, знать, все у нарѣченнаго зятюшки?»

— У кого же имъ быть теперь болѣе.

«Охъ, ужъ окаянный этотъ купчишка! — сказала старушка съ горестію и досадою. — Подвернулся, какъ змѣй подкольный! Изсушилъ онъ моего сокола яснаго! Не повѣришь, съ самого того времени, какъ сprovдалъ мой кормилецъ о сговорѣ: такъ, слышь, какъ иголочку проглотилъ: ни ѣсть, ни пить не могъ, мой батюшка; да и спать-то когда Господь вѣсть. . . .»

— Неужели и теперь также?

«Нѣтъ, слава тѣ, Господи! съ той поры, какъ получилъ черезъ тебя первую вѣсточку, все таки легче: хоть кулочикъ какой пропустить. . . Да скажи-

ты, пожалуйста, Ёёклушка, какъ же это? Ты говоришь, что она любить. . .»

— Кабы не любила, такъ и не писала бы — перебила дѣвушка.

«Кажись такъ; но какъ же прежде-то, говорятъ, она такъ его ошпетила.»

— Наговоры, Парасковья Петровна, наговоры! Насказали и невѣсть что! Что и пьянюшка де, и по худымъ дескать домишкамъ шатается, и что всякія художества за нимъ водятся.

«Ахъ, злодѣи, окальные! — вскричала старушка, всплеснувъ руками. — Смотри пожалуй: всякія художества! Да кто это осмѣдился! Да кабы знатъе, такъ своими бы руками. . . . Мать Пресвятая Богородица въ поруки. . . . Своими бы руками! Варнаки окальные! По худымъ домишкамъ шатается, а онъ, батюшка, словно дѣвица красная!»

— Все Подушкинъ мошенникъ напѣвалъ въ уши барынѣ, да подсовывалъ

разныя разности, а ова, знаешь, къ подаркамъ-то сама не своя!

«Экой злодѣй! Экой злодѣй! Да чтобъ ему ни дна, ни покрывки! Да чтобъ ему ни на семь, ни на томъ свѣтъ! Диво и на Надежду-то Алексѣевну! Ужь ни съ того, нисъ сего, да и повѣрила!»

— Вишь, она матушку-то больно уважаетъ: словно въ идола какого, вѣруеть.

«Такъ, это хорошо, мать моя; почитать родителей хорошо; ну да ужъ всему же есть мѣра!»

— Конечно такъ, бабушка, что есть всему мѣра: вѣдь вотъ, какъ и Надежда Алексѣевна, все поузнала порядкомъ, да какъ пришлось выходить за мужъ за неравнюшку, такъ и не побоялась матушки переписываться съ Евгеніемъ Ивановичемъ... Вотъ вѣдь пятую записочку приношу!

Говоря это, дѣвушка допивала седьмую чашку чаю.

— Еще чашечку, Оекла Матвѣевна!
«Погорло сыта, бабушка!»

— Ну последнюю! Ай! кто-то стучить въ ворота. Это, знать, лошади пришли!
«Развѣ онъ ѣдетъ куда?»

— Сказывалъ, что куда-то де Губернаторъ посылаетъ. Память плоха стала, матушка; что сего дня ѣла, не помню... Въ какую-то де камдировку что лв.... какъ-то эдакъ сказалъ.

«Знать далеко: кажись, близко, этакой деревни не слышно. Чу!... бьетъ десять. Ой, прощайте, пора, пора!»

— Не смѣю болѣе удерживать, мать моя; твое дѣло не то, что мое! Мой-то голубчикъ такъ словно ангелъ небесный! Вотъ ужъ третій годочикъ живу: не то ли грубаго слова, да и виду сердитаго не встрѣчала...

Прощаясь съ дѣвушкой, старушка что-то положила ей въ руку.

«Много довольны милостями Евгенія

Ивановича! — шутовски поговорила про-
сланница, проворно опустивъ получен-
ное въ карманъ, и надѣла накидку. —
Мы и такъ сыты вашимъ хлѣбомъ-солью!
И безъ этаго готовы служить! Совсѣмъ
лишнее! — За тѣмъ еще слѣдовало нѣ-
сколько подобныхъ казенныхъ фразъ,
которыми обыкновенно отказываются
отъ денегъ, когда положить ихъ въ кар-
манъ. Возвратимся къ Евгению.

Мы могли бы пересказать отъ слова
до слова содержаніе письма, съ которымъ
оставили его у окна, но щадя чужія
тайны, удовольствуемся сказать, что На-
дежда, къ нашему удивленію, согласи-
лась бѣжать съ Евгениемъ изъ родитель-
скаго дома и назначила пріѣхать за нею
въ двѣнадцать часовъ. Послѣ этаго, из-
вольте судить по наружности, и пола-
гаться на женскую скромность!

Вой часовъ произвелъ и на Евгения
такое же вліяніе, какъ и на горничную

Надежды. Онъ вышелъ изъ забвенія, и началъ ходить по комнатѣ, разговарывая вслухъ самъ съ собою. «Еще два часа и пламенное желаніе многихъ лѣтъ исполнится; я увижу ее подлѣ себя одну; я прижму ее къ своей груди, къ своему сердцу — къ этому сердцу, которое такъ любитъ ее, такъ страдало о ней, такъ готово для нея на мученія цѣлой вѣчности! О радость! она будетъ моя, моя навсегда! Уже никто не отниметъ ее отъ меня болѣе! Никто не разлучитъ со мною, кромѣ одной смерти!»

«Батюшка, Евгеній Ивановичъ, — сказала вошедшая въ комнату старушка — подитко ты къ Ивану Петровичу: что-то ему крѣпко нездоровится. Приказаль звать тебя къ себѣ.»

— Боже мой! Что съ нимъ случилось! — вскричалъ Евгеній, проворно побѣжалъ къ отцу.

Отецъ Евгенія съ самаго отрѣшенія

отъ должности былъ постоянно боленъ. Мѣсяца полтора онъ не вставалъ съ постели. Евгеній не жалѣлъ ничего на его пользованіе: почтенный *хирургусъ* изъ *Нѣмгинъ*, считался знаменнымъ, за тѣмъ, что былъ одинъ, бралъ весьма аккуратно деньги, но отъ этого не было легче больному; облегчался только карманъ Евгенія. Болѣзнь, по объясненію доктора, безпрестанно переходила изъ одного рода въ другой, наконецъ превратилась въ подагру въ зубахъ, хотя у бѣднаго Ассессора всего на все оставался одинъ зубъ. «Теперь будьте спокойны — говорилъ докторъ Евгенію, — она отъ меня не уйдетъ; она уже попала мнѣ въ руки. Откровенно сказать вамъ, батюшка вашъ будетъ здоровъ, и это столь же вѣрно, какъ то, что я вышелъ первымъ студентомъ изъ Геттингенскаго Университета. Откровенно сказать вамъ, сударь, мое назначеніе было высокое; но

что дѣлать, судьба! Номо пророніт, Deus
 disronit— сказалъ одинъ древній медикъ.
 Можетъ быть, для блага вашего края бы-
 ло необходимо, чтобы я изучилъ здѣш-
 ній климатъ, здѣшнюю натуру людей,
 здѣшнюю Фармакологию, Патологию, и
 откровенно сказать вамъ, сударь, я пер-
 вый открылъ вѣрнѣйшее средство про-
 тивъ всѣхъ мѣстныхъ болѣзней: aqua vi-
 tae Kislarensis. Возьмите стаканъ теплой
 воды, положите вѣсколько грановъ саха-
 ру, налейте «aqua Kislarensis» пять столо-
 выхъ ложекъ, и употребляйте каждую
 четверть часа по полстакану. Откровен-
 но сказать вамъ, сударь, я люблю ле-
 чить радикально: ablata causa, tollitur
 morbus— сказалъ одинъ древній медикъ:
 т. е., уничтожь причину, и болѣзнь ис-
 чезнетъ. Откровенно сказать вамъ, су-
 дарь, никто въ свѣтѣ не придумаетъ луч-
 шаго лѣкарства.» Прописавъ штофъ Киз-
 ларской водки, почтенный изобрѣтатель

посѣщаль пациента до тѣхъ поръ, пока не вышиваль до послѣдней капли прописаннаго лѣкарства. Въ пользованіи Евгеньева отца, геніальный медикъ нѣсколько измѣнилъ изобрѣтенную имъ систему; за всѣмъ тѣмъ леченіе шло не очень удачно, какъ сказано выше. Евгенийъ понималъ невѣжество и шарлатанство безстыднаго хвастуна; но звать другихъ не значило помочь горю; не звать никого: должно было оставить болѣзнь на своей совѣсти.

Увидѣвъ отца въ опасномъ положеніи, Евгенийъ бросился къ лекарю. Его не было дома; надлежало объѣхать нѣсколько домовъ, наконецъ Евгенийъ нашелъ его, и когда возвращался съ нимъ домой, на Спаской колокольнѣ ударило 11 часовъ. Часы, казалось, нарочно били медленнѣе, чтобы продолжить мученіе, какое каждый ударъ колокола наносилъ сердцу Евгенья; съ каждымъ звукомъ, казалось,

улетали, одна за другою, его сладостныя мечты. Въ то же время сердце его раздиралось положеніемъ отца: что могло быть ужаснѣе: потерять въ одно время, равно на вѣки, два драгоценнѣйшія существа?

Въ страхъ и опасеніи Евгенийъ вошелъ въ комнату отца. Больной лежалъ въ глубокомъ забытіи. Докторъ и здѣсь выдержалъ свой характеръ: велѣлъ больнаго тереть aqua vitae, и прописалъ микстуру: каждыя полчаса по ложкѣ. Помогло ли докторское средство или дѣйствовала природа, но больной пришелъ наконецъ въ себя, хотя былъ очень слабъ.

«Теперь начните микстуру — сказалъ съ важностію Докторъ, взявшись за шляпу, — надобно давать аккуратно: я надѣюсь къ утру припадокъ пройдетъ.

Давать лекарство, кромѣ Евгенья, было некому: старушка, ходившая за больнымъ не знала циферблата; но если бы

и знала: могъ ли Евгений, всегда почтительный и преданный сынъ, оставить отца, находящагося при смерти?

«Другъ мой! — проговорилъ больной тихимъ голосомъ — я чувствую, что жизнь моя оканчивается»

— Батюшка, милый батюшка! — повторилъ Евгений, затрепетавъ отъ ужаса.

«Я желалъ бы приготовиться къ смертному часу: позовите священника.»

— Боже мой! неужели я' васъ доженъ лишиться?

«Другъ мой! — говорилъ больной, замѣчая, что Евгений былъ въ ужасномъ отчаяніи — можетъ быть Господь и продолжитъ еще мою грѣшную жизнь; но...»

Онъ не могъ договорить рѣчи: смертная слабость опять разлилась по его тѣлу.

Евгений бросился изъ комнаты, чтобы послать за священникомъ, и когда вышелъ на дворъ: городскіе часы снова

завыли: двѣнадцать часовъ, терминъ, назначенный къ спасенію его возлюбленной. Состояніе души огорченнаго сына и разстерзаннаго любовника было не вырази-мо; онъ не понималъ, наконецъ, что съ нимъ дѣлается; звонъ часовъ казался страшнымъ голосомъ судьбы, предрѣкающимъ ему, что съ послѣднимъ ударомъ колокола счастье для него на землѣ погибнетъ на всегда. Въ отчаяніи, въ онемѣннн мысли и чувствованій, Евгенийъ возвратился къ отцу. Больной опять нѣсколько оправился.

«Сядь подлѣ меня, милый сынъ мой! — сказала онъ, протягивая къ Евгению руку. — Дай мнѣ насмотрѣться на тебя. Кто знаетъ, гдѣ и когда мы увидимся?»

Заливаясь слезами, Евгенийъ преклонилъ голову къ груди отца.

«Грустно мнѣ, милый сынъ мой! — продолжалъ слабымъ голосомъ умирающій — грустно и больно мнѣ, что въ

продолженіи жизни моей, я не могъ ничего для тебя сберечь; но дабудетъ твоимъ покровителемъ нашъ Божественный Спаситель! Благословляю тебя его образомъ, которымъ была благословлена твоя покойная мать. Храни эту святыню въ твоёмъ семействѣ, если будетъ угодно Богу, чтобы ты...»

Глубокій вздохъ невольно вырвался изъ груди Евгенія. Въ это время вошелъ священникъ. Послѣ принятія Св. Тайнъ, больной успокоился. Евгеній не отходилъ отъ него ни на минуту, не смотря на его просьбы. Давалъ лекарство, несчастный любовникъ долженъ былъ невольно наблюдать, какъ время шло впередъ, и какъ съ каждымъ полчаса онъ терялъ свою Надежду болѣе и болѣе: каждые полчаса раскаленнымъ свинцомъ капали ему на сердце; въ каждые полчаса грозная вѣчность выдвигалась непреобо-

римымъ утесомъ между нимъ и обожаемою подругою. Любовь къ милой, незабвенной Надеждѣ могущественно увлекала его душу, пожигала желаніемъ вырваться изъ стѣнъ, которыя тѣснили и удашали его, какъ безысходная могила; въ то же время, любовь къ родителю, священныя обязанности сыновняго долга, страхъ принять на себя ужасную отвѣтственность предъ Богомъ за смерть отца, который могъ бы умереть безъ его помощи: всѣ эти чувствованія то умоляющими, то грозными, привидѣніями попеременно мелькали передъ его разстроенною душею. Если съ одной стороны съ каждымъ получасомъ онъ удалялся отъ возможности спасти свою невѣсту: съ другой, съ каждымъ получасомъ возрастала надежда къ спасенію отца. Въ борьбѣ противоположныхъ ощущеній, Евгенийъ совершенно изнемогъ;

природа взяла свое: не вольный сонъ овладѣлъ его удрученнымъ тѣломъ. Онъ забылся, сидя на стулѣ. Картина мгновенно измѣнилась. Надежда вышла изъ сада; сѣла въ колеску; лошади быстро помчались изъ города; уже вдали виднѣется церковь; уже начинается вѣнчальный обрядъ; уже кончился; уже въ радости и восхищеніи восторженный женихъ напечатлѣлъ первый пламенный поцѣлуй на дѣвственныя уста прелестной невесты, и прижавши ее къ груди своей, съ жаромъ воскликнулъ: «теперь, ты моя навѣки!»

«Не пора-ли батюшка, Евгенийъ Ивановичъ, — сказала сидѣвшая подлѣ него старушка — дать лекарство?»

— Ты моя! — Повторилъ Евгенийъ, не могши опомниться.

«Что ты бредишь, Господь съ тобою! —

проговорила старушка, дернувъ его за руку.»

Евгеній очнулся. Часовая стрѣлка показывала шесть часовъ утра; уже было свѣтло.

VIII.

Евгеній, въ смертной горести о потерю Надежды, надѣлъ на себя глубокой труппы, и даже сочинилъ стихи: *Къ Ней*. Нейвинъ, врагъ не поэзи, но пустаго риемотворства, смѣялся надъ несчастнымъ любовникомъ и жестоко критиковалъ посланіе; но когда Евгеній, защищаясь противъ его сарказмовъ, проговорился о своемъ неудачномъ предпріятіи къ спасенію Надежды, взыскательный другъ его перемѣнилъ тонъ разгово-

ра, и весьма серьёзно сказалъ Евгенію: «Благодари Бога, что онъ не допустилъ тебя: это и безразсудно и преступно. Безразсудно потому, что ты вооружилъ бы противъ себя своего начальника, и, вѣроятно, былъ бы долженъ оставить службу: чѣмъ же бы сталъ содержаться? Преступно потому, что былъ бы участникомъ въ неповиновеніи дочери противъ родителей: могъ ли бы ты ожидать благословенія свыше на бракъ, совершенный съ нарушеніемъ главнѣйшаго закона?»

— Петръ Алексѣевичъ! — Вы слишкомъ строго меня судите; но если бы вы знали, какъ страдало мое сердце?

«Страданіе сердца не есть извиненіе худому дѣлу; для того мы родимся, что бы страдать.»

— Ахъ, я желалъ бы лучше не быть, нежели быть и страдать!

«Ропоть на жизнь есть первѣйшая ху-

ла на Бога. Если бы жизнь была исполнена только радостями, она оканчивалась бы землею. Но страданія суть залогъ другаго существованія, путь, къ безсмертію: земное испытаніе ручается за лучшее бытіе.»

— Однакожь, это лучше бытіе скрывается за такою оградой, изъ за которой никто не подаетъ голоса!

«Если кто не слышитъ внутренняго голоса, который говоритъ весьма ясно и понятно, что живущій въ насъ духъ есть нечто, совершенно отличное отъ грубой оболочки; если не слышитъ голоса всего человѣчества, которое ищетъ здѣсь цѣли, сгараетъ тщетными желаніями опредѣлить свое назначеніе, разрѣшить загадку здѣшняго бытія, и ни въ чемъ земномъ не находитъ себѣ удовлетворенія; если, говорю, кто бессмысленно отрываетъ одну вѣтку отъ великаго древа познаній, и думаетъ опредѣлить по ней

свойство цѣлаго: не мудрено, что не находить себѣ отвѣта, и блуждаетъ, какъ слѣпецъ. Одна идея безсмертія держитъ порядокъ общественнаго устройства, съ которымъ сопряжено не только развитіе умственныхъ силъ человѣка, но и самое существованіе его: можно ли думать, чтобы вѣчная премудрость не могла найти инаго средства къ сохраненію лучшаго своего произведенія, какъ бросивъ въ міръ обольстительную мысль, но мысль ложную?»

— Не давно — сказала Евгеній — я читала очень умное разсужденіе, въ которомъ доказывается, что мышленіе есть только дѣйствіе организаци.

«Боже великій! какъ жаль, что на тебя всякая глупость имѣетъ вліяніе; что ты готовъ вѣрить всякой неаппости перваго школьнаго вралья.»

— Однакожь, этотъ враль былъ уче-

никомъ одного изъ знаменитѣйшихъ Философовъ . . .

«Знаменитѣйшихъ философовъ ! Чтобы судить о знаменитости этихъ знаменитыхъ , съ позволенія сказать , врагѣй, надобно послушать, какъ они сами взаимно отзываются о своихъ системахъ. Недавно читалъ я въ послѣднихъ нумерахъ извѣстной Нѣмецкой газеты перебранку двухъ подобныхъ мудрецовъ, и не могъ не хохотать отъ души. Они ругались, какъ послѣднiя торговки: унижали, безславили, порочили другъ друга, едва не плевали въ глаза одинъ другому, называли себя взаимно сумасшедшими (*). Съ послѣднимъ мнѣнiемъ, я почти согласенъ: силится объяснить не объяснимое — едва ли не есть, если не сумасшествiе, по крайней мѣрѣ нѣчто подобное этому.»

(*) Подобная перебранка была между Шеллингомъ и Гегелемъ.

— Вы отвергаете Философію?

«Не отвергаю: пусть мыслить на здоровье всякой, какъ хочетъ, но надобно сознаться, что человѣку опредѣлено дойти въ этомъ мірѣ только до познанія того, что ограничивается удовлетвореніемъ земныхъ потребностей. Мы стоимъ среди неизмѣримыхъ безднъ пространства и времени: тамъ и тутъ проникаютъ только однѣ догадки. Что всѣ наши познанія природы, какъ не жалкія наведенія? Наши факты недостаточны для основательнаго заключенія. Какъ коротка наша исторія! А что сказать о исторіи наукъ? Но когда бы исторія считала жизнь человѣчества и тысячами вѣковъ: гдѣ взяли бы мы силъ, чтобы побѣдить преграды, поставленныя Всемогущею рукою? Положимъ, однакожь, что вѣками наблюдений, успѣли бы, наконецъ, собрать потребное число данныхъ: чьей достанетъ памяти, чьей жи-

зни, чтобы обнять, усвоить и употребить собранное богатство для составленія выводовъ, между тѣмъ, какъ и малѣйшая неточность рождаетъ ложное заключеніе. Потому-то Исторія философскихъ системъ есть лучшая на нихъ сатира.»

— Вы слишкомъ вооружены противъ Философіи?

«Не спору. Никто, быть можетъ, болѣе меня не увлекался обманчивымъ блескомъ системъ, особенно новѣйшаго времени, и никто болѣе не испыталъ всего вреда этой языческой религіи, которую прячуть подъ вѣвѣскою Философіи...»

— Языческой религіи?

«Да, языческой религіи! Философія возникла въ то время, когда человѣчество было погружено въ самое нелѣпое идолопоклонство; когда человѣкъ, въ образъ Бога, поклонялся своимъ страстямъ и разврату: эта религія не могла удовлетворить

людей здравомыслящихъ; важнѣйшіе вопросы для человѣка начали занимать умы. Рѣшеніе ихъ было различно: отсюда возникли разные философическіе толки. Едва начиная попадать на истинный путь, умъ человѣческій вновь впадалъ въ заблужденіе. Наконецъ приходитъ сама Истина на землю, открываетъ человѣку его Творца; изъясняетъ назначеніе здѣшней жизни, опредѣляетъ наши обязанности къ Богу и ближнему, объявляетъ будущую судьбу за гробомъ. Я спрашиваю: если мы вѣримъ ученію Откровенія, нужно ли еще тратить время въ напрасныхъ и суетныхъ изслѣдованіяхъ? Нужно ли еще вымышлять собственную религію? Здѣсь нѣтъ середины: если вѣримъ, новая религія не пужна; если нужна: мы не вѣримъ?»

— Но нельзя ли Философію согласить съ Христіанствомъ?

«Согласить? Какимъ образомъ? Если

мы свяжемъ ее узами религiи, она не будетъ Философiя; если не свяжемъ, разумъ непременно собьется съ опредѣленнаго пути. . .»

— И такъ должно остановить естественное стремленiе ума, и остаться навсегда въ одномъ положенiи. . . .

«Я сказала уже: пусть мыслятъ, если хотять, прибавлю, тратить время, чтобы ловить призраки; но я не хочу скрывать моего отвращенiя, моего презрѣнiя не къ Философамъ вообще: были изъ нихъ многiе мужи мудрые и благонамѣренные; я не терплю, не навiju гнуснаго шарлатанства, которое, прикрываясь названiемъ Философiи, гордится тѣмъ, что отвергаетъ все святое, все драгоценное для человѣка, и унижаетъ его до животныхъ, даже до машины; не могу безъ негодованiя и омерзенiя видѣть низкаго лицемѣрства, какое употребляется при этомъ случаѣ гнусными врагами че-

ловѣчества; безбожіе свое они прикрываютъ религіозною личною, и укрываясь подъ нею отъ взоровъ власти, высказываютъ крадучи свои лжи, мутятъ умы, потрясаютъ основаніе общественнаго порядка, колсблютъ вѣру, разливаютъ матеріализмъ, вырываютъ душу изъ тѣла, изгоняютъ Творца изъ творенія; отнимаютъ у человѣка всякую надежду на лучшую жизнь, всякое упованіе на справедливое возмездіе за претерпѣнныя горести и страданія; всякую возможность свиданія съ существами, которыхъ человѣкъ любитъ и которые смерть похищаетъ у него безжалостно; словомъ: святотатственно грабятъ у ближняго драгоценнѣйшее его кривище, и бросаютъ сираго посреди скелетовъ и пустыни... и для чего, всемогущій Боже! толь ужасное преступленіе? Для одного удовлетворенія пустому, суетному и жалкому тщеславію! Человѣкъ возмужалый,

конечно, можетъ противопоставить имъ свои мнѣнія; но прочтеть юноша, подобный тебѣ, прочтеть единственный сынъ отца, который полагаеть въ немъ свою надежду, который внимательно старался въ немъ насадить сѣмена добродѣтели и сдѣлать его добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ слугою Царю и отечеству!... я не могу представить ужаса, какой должно ощущать отцовское сердце, теряя вдругъ самую сладкую надежду, потому что только одна вѣра въ безсмертіе есть основаніе всякой общественной и семейной добродѣтели!

— Не ужели не лѣзя быть добродѣтельнымъ безъ увѣренности въ будущую жизнь?

«Не лѣзя! Съ той минуты, какъ человекъ теряетъ эту святую увѣренность, сердце его хладѣеть къ ближнему и любить только себя. Захотѣлъ ли бы, на примѣръ, твой отецъ сносить честную,

но тяжкую бѣдность чрезъ всю жизнь, если бы не связывалъ его законъ совѣсти; но что такое совѣсть, если не голосъ того міра, если не заря безсмертія? Замѣтимъ весьма важное обстоятельство, что ни одинъ изъ несквѣряющихъ не рѣшится воспитать своихъ дѣтей въ правилахъ собственнаго безвѣрія.»

— Кажется, новѣйшіе философы вѣрятъ въ безсмертіе?

«Но въ какое? въ то безсмертіе, которое не имѣетъ личнаго сознанія; въ безсмертіе, которые почерпнули они изъ заблужденій браминизма, и безстыдно выдаютъ бредни дикарей за свои открытія! . . . »

— По крайней мѣрѣ всѣ они признають Бога.

«Кто ихъ Богъ? кого противопоставляютъ они этому благому, истинному Отцу людей, котораго проповѣдуетъ религія? — Пустую идею, а не дѣйствитель-

ное существо, какъ у Фихте; или безусловное единство всего мыслимаго, какъ у Канта; или Божественное, въ которомъ мыслимое и вещественное доведены до безразличія, какъ у Шеллинга: названія громкія, но безсмысленныя, то дышашія все божіемъ, то совершенно безбожныя; вообще же холодныя и чуждыя сердцу— и этимъ хотятъ замѣнить кого же? — Вѣчную любовь! Отеческую любовь, которая бдитъ надо мною, заботится обо мнѣ, какъ о сынѣ, ведетъ меня, какъ нежная мать младенца, въ свою обитель, гдѣ желаетъ успокоить меня въ родныхъ объятіяхъ; хотятъ, безсмысленные, замѣнить Того, Кто произнесъ эти, божественной любви исполненныя, слова: «придите ко мнѣ всѣ опечаленные, всѣ огорченные, всѣ несчастные: я успокою васъ!»

Слезы блеснули на глазахъ Нейвина.

«Религія— говорилъ онъ въ нѣкоторомъ священномъ восторгѣ— проповѣдуетъ по-

бѣду надъ страстями, торжество вѣчнаго духа надъ временною матеріею, отдѣляетъ его отъ земли, возвышаетъ къ небу, вводитъ во Святаѣ Святыя; а мѣръ, съ его ученіемъ, разливаешь надъ чело-вѣчествомъ мракъ страстей, нечистоты сладострастія, погружаетъ его въ болото эгоизма, въ которомъ, пресмыкаясь, чело-вѣкъ не видитъ ничего далѣе земныхъ предѣловъ; духъ дремлетъ и засыпаетъ, чувственное пресыщеніе стѣсняетъ его, мертвитъ и низводитъ на степень равную съ животными. . .

— Почему же только религія можетъ возвысить чело-вѣка?

«Потому что чело-вѣкъ не имѣетъ причины вѣрить себѣ подобному въ предметахъ за-гробныхъ, и можетъ повѣрить только побѣдителю смерти. Съ Откровеніемъ, всѣ священныя вопросы для чело-вѣка разрѣшаются ясно и стройно; жизнь имѣетъ опредѣленную цѣль; ея

страданія становятся понятными и необходимыми; ея стремленія, ничѣмъ неудовлетворлемыя здѣсь, превращаются изъ мрачныхъ и лживыхъ путей загадки въ свѣтлую и прекрасную стезю — къ блаженству; словомъ: человекъ, съ Евангеліемъ въ сердцѣ, терпѣливо и спокойно идетъ посреди бурь жизни, и безъ страха вступаая въ таинственную тму могилы, весело устремляетъ свѣтлый взоръ на отрадную звѣзду надежды, горящую въ лучшемъ мірѣ?»

Подперши голову рукою, Нейвинъ погружился въ задумчивость, и потомъ, по нѣкоторомъ молчаніи, сказалъ съ нѣжностію: «Милый Евгений! я нарочно рѣшился высказать тебѣ на этотъ разъ во всей полнотѣ мои мысли: кажется, теперешняя бесѣда наша будетъ послѣднею?»

— Развѣ я прогнѣвилъ васъ своими возраженіями; я не понимаю причины.

«Меня переводятъ въ Тобольскъ» —
— Какъ! Вы ѣдете отсюда? — съ тре-
петомъ спросилъ Евгений.

«Я въ жизнь мою — продолжалъ Ней-
винъ — никого и ни о чемъ не просилъ;
но и никогда не противился призыванію
судьбы. Сколько сначала Иркутскъ ни
казался мнѣ печаленъ, я съ нимъ свык-
ся; мнѣ уже жаль оставить его; но на-
добно повиноваться.»

— И такъ, я долженъ съ вами раз-
статься! — едва проговорилъ Евгений, съ
трудомъ удерживаясь отъ слезъ.

«Признаюсь, и для меня разстаться съ
тобою не легко. Но можно еще помочь
горю: поѣдемъ вмѣстѣ; я дамъ тебѣ хо-
рошую должность и даже обещаю найти
хорошую невѣсту, которую уже не нуж-
но будетъ похищать съ опасностію, про-
снутъся безъ куска хлѣба.»

— Ничего мнѣ не нужно — сказалъ
Евгений съ чувствомъ живой горести —

ничего, кромѣ васъ однихъ. Но мой бѣд-
ный отецъ! Я не могу его оставить въ
такомъ положеніи.

«Не лзя ли устроить твоего отца такъ,
чтобы онъ не имѣлъ ни въ чемъ нужды:
я готовъ самъ отдѣлить часть моего жа-
лованья на его содержаніе.»

— Ахъ, Петръ Алексѣевичъ!—сказалъ
глубоко тронутый Евгеній—я готовъ бы
жизнь мою отдать за васъ; готовъ бы
летѣть съ вами на край свѣта; разлу-
читься съ вами для меня тягостнѣе смер-
ти; но я не воленъ въ себѣ: отецъ мой
требуетъ самаго бдительнаго присмотра;
только сыновній глазъ можетъ смотрѣть
за нимъ, какъ должно.

«Однакожъ, подумай! ты могъ бы про-
ложить себѣ хорошую дорогу: средства
будутъ въ моихъ рукахъ.»

— Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, если бы
я поѣхалъ, я поѣхалъ бы только для

вась, потому что одни вы для меня дороги!

«И такъ ты для своего отца отказываешься отъ всѣхъ будущихъ выгодъ?»

— После того, какъ я отказался даже отъ вась: прочее стѣдить ли вопроса?

«Прекрасныя, благородныя чувства! — сказала Нейвинъ, крѣпко обнявъ Евгения — да сохранить тебя Богъ навсегда при этой возвышенной чистотѣ мыслей! . . .»

Нейвинъ уѣхалъ. Прощаясь съ нимъ, Евгений плакалъ горько и неутѣшно.

Слезы, слезы, даръ печальный, но даръ высокій Неба! Вы были постоянною стихіею Евгениевой жизни. Рѣдко видали его смѣющимся, чаще — плачущимъ. Жизнь его была море слезъ, волновавшееся отъ бури бѣдствій. Но не такъва ли жизнь и каждаго изъ насъ? Слезы встрѣчаютъ насъ въ колыбели: мы плачемъ, не понимая, но какъ бы предчув-

ствуя свое печальное назначеніе. Слезы, на очахъ друзей, провожаютъ насъ въ могилу, какъ послѣдняя дань людей навсегда отошедшему собрату. Слезы облегчаютъ горечь печалей и скорбей. Слезы смываютъ съ сердца его заблужденія и пороки. Слезы суть цѣлительный бальзамъ здѣшняго бытія и божественный потокъ живой воды, текущей въ жизнь вѣчную. Обмытая, обновленная святыми струями ихъ, восторженная душа выходитъ бѣла и чиста, какъ лебедь, свѣтла, какъ духъ небесный, весела и невинна, какъ первый день творенія. О! если на землѣ есть минуты небеснаго бытія: то это минуты слезъ, возносящихъ чистую душу въ обитель вѣчнаго Бога. Несчастенъ человѣкъ, никогда неплакавшій; горе сердцу, въ которомъ знойныя страсти и томительныя бѣдствія навсегда изсушили животворные потоки слезъ!

IX.

Разставшись съ Нейвинымъ, Евгенийъ, въ часы досуга отъ службы, усердно занимался то чтеніемъ, то сочиненіемъ, то переводами: такъ текло его время, покуда онъ не былъ разлученъ съ книгами командировкою за Байкаль, для обревизованія Верхнеудинскаго уѣзда. Это было весною 1812 года.

Евгенийъ выѣзжалъ изъ Иркутска ночью; небо было завѣшено тучами. Отецъ провожалъ его до Петрушиной горы, и

когда прощался съ сыномъ, горячія слезы его обливали лице Евгенія. Во всю жизнь эта минута сохранялась въ памяти Евгенія; тогда онъ не зналъ еще, что прощается съ отцомъ своимъ на-вѣки.

Евгеній поѣхалъ съ бывшимъ своимъ учителемъ, Матвѣемъ Петровичемъ. Мы сказали выше, что Евгеній учился въ гимназій. Директоромъ былъ докторъ Правъ; мы позабыли его фамилію; помнимъ только его не Русское происхождение и огромную тучную фигуру съ большимъ краснымъ лунообразнымъ лицомъ, на которомъ грозно возвышались синеватія скалы исполинскаго носа. Образованный по Европейски, докторъ правъ находилъ слишкомъ Азіятскимъ обыкновеніемъ топить зимой печи въ гимназій, потому что, съ помощію крѣпкихъ напитковъ, ежедневно возводилъ свою Европейскую организацію до самой высшей температуры. Между тѣмъ Си-

бирская кровь учениковъ застывала въ жилахъ; бѣдные невольники дрожали отъ холода, стуча зубами; преподаватели, въ овчинныхъ шубахъ, едва могли держать тетрадки; не лзя было смотреть безъ невольной улыбки, какъ мудрецъ, въ нагольной шубѣ, сжимаясь отъ стужи, толковалъ о источникахъ народнаго богатства, или доказывалъ выгоды просвѣщенія. Противоположность идеальныхъ богатствъ и пользы науки съ печальною существенностію, не мѣшали однакожь успѣху ученія, хотя и не могли не оскорблять чувства справедливости учителей. Лучшій и ревностнѣйшій изъ преподавателей былъ Матвѣй Петровичъ. Мучительно было ему видѣть, какъ докторъ Правъ, прикрываясь на словахъ личиною патріотизма и называя себя безстыдно Русскимъ, откладываясь себя въ карманъ казенныя деньги, и морозилъ Русское просвѣщеніе. Наконецъ

Матвѣй Петровичъ вышелъ изъ терпѣнія; наговорилъ доктору Правъ много колкой правды: иностранецъ поклялся ему отмстить.

Матвѣй Петровичъ страстно влюбился въ дочь одного отставнаго Генерала, жившаго въ Верхнеудинскѣ, и поѣхалъ съ Евгеніемъ для совершенія свадьбы. Почтенный женихъ имѣлъ уже около сорока лѣтъ отъ роду; но пламенная душа его не старѣла: чувства были столько же живы и сильны, какъ у юноши. Онъ не зналъ, какъ скорѣе добхать до мѣста, чтобы насладиться небеснымъ блаженствомъ лицезрѣнія своей обожаемой невѣсты. Наконецъ, цѣль достигнута: путешественники въ Верхнеудинскѣ.

Всѣ уѣздные чиновники, рано поутру, собрались къ Евгению, какъ ревизору, на поклонъ. Первое лице былъ Городничій, за тѣмъ слѣдовали уѣздный Судья, Исправникъ и такъ далѣе. По физионо-

ми и по костюмамъ, они походили на
тѣ оригиналы, какіе превосходно обрисо-
ваны въ прелестномъ фарсѣ Гоголя;
но это подобострастіе, этотъ трепеть
уѣзднаго чиновника, эта неловкость,
столь смѣшная въ глазахъ столичнаго
обитателя, вовсе не казались смѣшными
Евгенію, частию потому, что онъ самъ
привыкъ уважать до подобострастія сво-
ихъ начальниковъ, но болѣе потому, что
зналъ истинный источникъ, откуда про-
истекаетъ смѣшная робость провинціала:
здѣсь должно скорѣе жалѣть, нежели
смѣяться. Евгенийъ старался обласкать
бѣдняковъ, развязать въ нихъ духъ и
мысли. Ревизія производилась нѣсколь-
ко дней сряду; въ заключеніе, Евгенийъ
осматривалъ градскую полицію. Двѣ по-
жарныхъ трубы, нѣсколько бочекъ для
воды, багры и другіе инструменты сто-
яли торжественно на площади. Евгенийъ,
облеченный во всеоружіе, шелъ съ Го-

родничимъ; за ними длинная процессія чиновниковъ, въ полныхъ мундирахъ. Всѣ вели себя чинно и тихо, какъ по-добаетъ въ присутствіи важнаго лица; самъ Евгенийъ, сколько ни былъ врагомъ важничанья и принужденія, также старался поддерживать роль вельможи. Уже была произведена проба заливныхъ трубъ, осмотрѣны пожарные инструменты.

«Неудобно ли-съ осмотрѣть лошадей-съ — спросилъ съ внутреннимъ самоудовольствіемъ Городничій, предлагая рукою — неудобно ли-съ?»

— Очень хорошо! — сказалъ Евгенийъ. — Но что это такое? — спросилъ онъ; указывая на огромный кусокъ желѣза, валявшійся на площади.

«Это старый-съ молотъ съ соловареннаго завода — отвѣчалъ Городничій.»

— А сколько въ немъ вѣсу? — продолжалъ Евгенийъ. Надобно сказать, что онъ имѣлъ страстную охоту пробовать силу.

«Пудовъ тринадцать есть!»

— Какъ вы думаете? — можно ли поднять его? — спросилъ Евгеній, забывая важность своей роли.

«Трудненько-съ! — отвѣчалъ Городничій съ недоумѣніемъ.»

— Мнѣ кажется — говорилъ Евгеній, принимаясь за молотъ, — мнѣ кажется, можно... правда, тяжелъ...

Всѣ присутствующіе стояли въ изумленіи и не могли повѣрить глазамъ: какимъ образомъ Ревизоръ съ высоты величія своего вдругъ низшелъ въ толикую бездну уничтоженія. Не знали, что дѣлать, пособлять ли ему, или начать дивиться его геркулесовой силѣ. Между тѣмъ, смотря на странную картину, какъ Губернскій чиновникъ со шпагою, въ треугольной шляпѣ, согнувшись въ дугу, силится въ смѣшныхъ конвульсіяхъ надъ поднятіемъ тяжести, повстиннѣ, не лзя было не хохотать отъ души. Однакожъ

чиновники крѣпились и сохраняли молчаніе, хотя по временамъ, взглядывая украдкой другъ на друга, съ замѣчательною миною мигали глазами и высовывали языки. Наконецъ Уѣздный Судья, маленькій и хитренькій старичокъ, осмѣлился сказать:

«Позвольте милостиво доложить, Евгенийъ Ивановичъ, не ровень случай, такъ сказать, сохрани Господи! напримѣръ, то есть надорваться изволите!»

— Ничего! ничего! — говорилъ Евгенийъ, едва переводя духъ.

«Подняли! — возгласили разомъ все чиновники голосомъ притворнаго удивленія.

Евгений торжествовалъ.

— Богатырская сила, такъ сказать, у васъ, Евгенийъ Ивановичъ! — говорилъ съ льстивымъ умилениемъ Уѣздный Судья, — то есть, такъ сказать, напримѣръ, Илья Муромецъ!

«Позвольте-съ мнѣ попробовать.»—сказалъ тонкій, подслеповатый засѣдатель уѣзднаго суда.

— Куда тебѣ, Евстафей Лукничъ! перебилъ Уѣздный Судья. — Глядя на тебѣ, другіе надорвутся отъ смѣха.

«Вотъ развѣ я примусь!» — перебилъ басомъ высокій и толстый Исправникъ. — Нѣтъ, тяжело! Нѣтъ, исполать вамъ, Евгенийъ Ивановичъ, — продолжалъ онъ, употребляя, какъ видно было, притворныя усилія.

— Хе, хе, хе! — лукаво засмѣялся Уѣздный Судья. — Нѣтъ, Лука Петровичъ, далеко кулику до Петрова дня. То есть, такъ сказать, напримѣръ, Евгенийъ Ивановичъ не нашего поля лгодка!

«Ба! это что за комедія!» раздалось съ громкимъ хохотомъ позади Евгенія.

Евгений обернулся: тутъ былъ Матвей Петровичъ съ своею невѣстою. — Развѣ, продолжалъ онъ — вамъ поручилъ Губер-

наторъ, между прочимъ, также испытать силу чиновниковъ?

Бѣдный Ревизоръ увидѣлъ неприличіе своего поступка; краска покрыла его лице. Смущеніе его достигло высочайшей степени, когда, взглянувши на себя, онъ увидѣлъ, что нижнее его бѣлое платье было все перемарано грязью. Матвѣй Петровичъ продолжалъ хохотать; даже невѣста его, дѣвушка очень умная и образованная, съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Евгенийъ самъ былъ готовъ захохотать; но случайно взглянувши на соседственный домъ, увидѣлъ въ окошкѣ лице, отъ котораго мгновенно холодная дрожь пробѣжала по его членамъ.

«Пора обѣдать! — сказала Матвѣй Петровичъ, прекратя смѣхъ, которому приписывалъ сильное смущеніе Евгения. — Мы нарочно пошли, чтобъ тебя звать. Въ три часа, батюшка тебя ждетъ. Сегодня будетъ обѣдать у насъ — прибавилъ

онъ на ухо Евгению—твоя отставная суженая, мадамъ Подушкина. Евгенийъ вздрогнулъ и машинально показалъ на окошко»

— Ахъ, это она! тихонько проговорилъ Матвѣй Петровичъ.

Между тѣмъ Надежда уже скрылась; Евгенийъ старался оправиться; раскланялся съ чиновниками, и идучи съ Матвѣемъ Петровичемъ, сказалъ пополамъ съ шуткою и горемъ: «да, я опять не очень удачно началъ мой дебютъ: это стоитъ концерта!»

— Ну чтожъ!— замѣтилъ Матвѣй Петровичъ — въ обоихъ случаяхъ ты показалъ своей любезной только склонность къ изящнымъ искусствамъ: тогда пѣлъ, а теперь игралъ на инструментъ: вѣдь говорятъ, молотъ былъ первый музыкальный инструментъ!

«Вамъ весело шутить — говорилъ Евгенийъ вздохнувши — когда ваше сердце расширяетъ самый пріятный дуэтъ съ

милою подругою, а мнѣ въ самомъ дѣлѣ привелось играть только съ молотомъ, который могъ бы разбить мою крѣпкую думу.»

— Но это инструментъ — возразилъ Матвѣй Петровичъ — вулкана, и я скорѣе отослалъ бы его къ «Изойте видѣть:» пусть онъ куетъ на досугъ себѣ рога; теперь его Венера въ нашихъ рукахъ, не правда ли?

«Я васъ не понимаю.»

— Какая патріархальная невинность! То собирается увести свою любовницу, то притворяется дѣвушкою. Посмотримъ, все ли будешь разыгрывать роль святоши! Я хотя не демонъ, но, чтобы имѣть удовольствіе посмѣяться, постараюсь испытать твою наслѣдственную добродѣтель отъ Ильи Маркеловича!

Разговоръ ихъ былъ прерванъ голосомъ Генерала, который, стоя на крыльцѣ своего дома, громко кричалъ Евге-

нію: «милости просимъ; мы давно васъ ждемъ.»

Отговариваться было не ловко. Евгений выпросилъ только позволенія сходить домой, чтобы снять съ себя форменное облаченіе.

Надежда была въ Верхнеудинскѣ, проезжая въ Кяхту. Встрѣтившись у Генерала съ Евгениемъ, она едва могла удержать порывъ пробудившейся любви, и сказала почти вслухъ: «Ахъ, это онъ!» Напрасно въ теченіе двухъ лѣтъ «Изойте видѣть,» поилъ ее самымъ лучшимъ ханскимъ чаемъ и кормилъ отличными Китайскими лблоками; ничто не могло разогнать ея глубокой грусти. «Изойте видѣть — говорилъ мужъ, жалудся ея родителямъ — т. е. изоите видѣть, словно мыла събла; изоите видѣть, всегда, то есть, смотреть, какъ. . . .

— Какъ смотреть? — подхватила съ гнѣвомъ мать. — Смотрить! . . . вотъ еще

выдумалъ! Да развѣ не смотрѣть моей дочери?

Мать была первая виновница несчастья Надежды; за то усердно и защищала ее противъ нападеній мужа и, наконецъ, даже перешла въ домъ зятя! Признаться сказать, положеніе «Изойте видѣть» не очень было завидно: не разъ раскаявался онъ, что — какъ говорится — «сѣлъ не въ свои сани»; каждый день продолжалось между зятемъ и тещею ужаснѣйшая война; женская сторона всегда побѣдоноснѣе: зять сдался на капитуляцію, слѣдствіемъ которой была полная свобода женѣ.

Пользуясь защитою матери, Надежда мало заботилась объ угожденіи мужу; оказывала ему явное пренебреженіе, и находила единственную отраду: мечтать о блаженствѣ, которое проскользнуло между ея пальцевъ.

Евгеній, увидѣвъ свою возлюбленную, нашель ее еще прекраснѣе, еще милѣе: утихавшее море чувствованій опять взволновалось съ прежнею силою. Во время стола, пламенный юноша почти не сводилъ съ нея глазъ. Надежда, можетъ быть, сравнивая Евгенія съ сѣдымъ и изношеннымъ «Изойте видѣть», также находила его на сей разъ едва ли не прекраснѣе самаго Аполлона Бельведерскаго.

Не знаю, замѣчали ли другіе, какъ Евгеній и Надежда упивались небесною сладостію взглядовъ; знаемъ только, что Матвѣй Петровичъ, по крайней мѣрѣ по видимому, не замѣчалъ этого: онъ самъ былъ весь погруженъ, съ головою и съ ногами, въ сладостнѣйшіе восторги счастливой любви. Но какая безконечная разность была въ чувствованіяхъ той и другой пары влюбленныхъ! Тамъ былъ вспыхнувшій вулканъ воспоминаній, ко-

торыя то услаждали, то терзали сердце; горе и радость сливались въ смутное, неопредѣленное ощущение; видѣніе превращалось то въ упоительный, то въ страдальческій сонъ, въ которомъ исчезалъ весь міръ, кромѣ двухъ существъ; здѣсь, напротивъ, горѣлъ весь пламень счастливой страсти: надежды и желанія роемъ вились около блаженствовавшихъ сердець. Ихъ любовь была стройною и сладостною мелодією, которой темою была чистая, небесная радость. Какое желѣзное сердце рѣшилось бы сказать имъ въ эти незабвенныя минуты: несчастные! ваши желанія никогда не сбудутся, ваше ечаствіе — мечта!

Послѣ обѣда, по предложенію Матвѣя Петровича, поѣхали за городъ на сѣнокосъ.

«Теперь настала минута искушенія — сказалъ Матвѣй Петровичъ, съ улыбкою, сжимая руку Евгению. — Не отослать ли

поскорѣе молотъ на кузницу изойте видѣть?»

Двѣ, три рюмки вина, выпитыхъ Егениемъ за обѣдомъ, сдѣлали его менѣе щекотливымъ къ насмѣшкамъ Матвѣя Петровича.

— Я думаю, изойте видѣть уже запасся прежде всеми нужными инструментами — отвѣчалъ Евгенийъ также съ веселою улыбкою.

День былъ ясный и жаркій. Ароматъ скошенной травы наполнялъ воздухъ. Гуляющіе расположились пить чай. Для Сибиряка пить чай въ полѣ, на берегу рѣки, посреди ароматическаго запаха цвѣтовъ, при утихающемъ дневномъ жарѣ — есть такое наслажденіе, котораго выше оны ничего вообразить не можетъ. Въ каждый ясный лѣтній день, вы увидите цѣлое населеніе Иркутска то идущее, то ѣдущее, то плывущее съ чайниками и съ самоварами за городъ. Бы-

вало, вечеромъ, по живописнымъ берегамъ Ушаковки, вездѣ раздаются пѣсни веселящихся въ полной простотѣ сердца, а молодость, любовь! *Ахъ, славное житье-то было!*

Такъ наслаждались и наши любовники, старые и новые, на роскошныхъ берегахъ *Селенги*. Сънокосцы, окончивъ дневный трудъ, собирались съ пѣснями въ балаганы. Родные звуки нашихъ пѣсенъ всегда ближе къ истинно Русскому сердцу, чѣмъ неестественныя рулады Итальянской музыки, или сладострастные напѣвы Французскихъ романсовъ, звуки, полные Русскаго чувства, всегда унылаго, но всегда открытаго и привольнаго, какъ сама мать *Русь святая*.

Ахъ ты поле, поле чистое,
 Поле чистое, широкое!
 Отчего ты поле чистое,
 Вдругъ туманами закрылося,

Темнымъ мракомъ призакуталось,
 Черной тучей приодѣлося?
 Ахъ, ты, сердце молодецкое!
 Отчего ты. . . .

Слушая отдаленные переливы унылой пѣсни, Евгений и Надежда едва удержались отъ слезъ; не говорили, но понимали ясно другъ друга. Никто не мѣшалъ имъ предаваться возгорѣвшимся чувствованіямъ.

Лѣто—самое опасное время для любви! Когда солнце дышетъ животворною теплотою, когда все въ природѣ цвѣтеть и нѣжить чувства, когда самый воздухъ вливаетъ въ грудь восхищеніе и любовь: не угодно ли вамъ прогуляться съ любезною вашему сердцу, гдѣ-нибудь подалѣе отъ людей, на примѣръ, на берегахъ Селенги, какъ это случилось съ Евгениемъ? Въ полномъ упоеніи страсти, онъ шелъ съ Надеждою — утраченной

Надеждою, но все еще драгоценною для сердца. Чѣмъ разговоръ ихъ дѣлался живѣе, тѣмъ пламень любви разгарался сильнѣе и сильнѣе. Юные любовники не думали, куда они идутъ: имъ не было ни до чего нужды во всей вселенной, кромѣ самихъ себя. То входили въ лѣсъ, то опять выходили на поле, и опять углублялись въ лѣсъ, все далѣе и далѣе; наконецъ очутились у подошвы высокой горы. На половинѣ ея былъ уступъ, окруженный яблонями и благовонными тополями. Подъ навѣсомъ ихъ сѣли наши мечтатели; предъ глазами ихъ разтихалась обширная равнина; вдали закатывалось солнце; хоры птичекъ пѣли ему прощальную пѣснь. Природа начала дремать и нѣжиться, располагая сердце къ сладостнѣйшимъ ощущеніямъ.

« О милая Надежда ! — говорилъ съ жаромъ Евгений, пламенно цѣлуя ея руку — посмотри, какъ кругомъ насъ все

прекрасно, все дышетъ такою радостію и жизнию: отъ-чего мы одни осуждены быть несчастными?»

Надежда не отвѣчала, но такъ сладостно смотрѣла на Евгенія, и такъ готова была излить въ него свою душу, что, въ забвеніи самого себя, пылкій юноша страстно прижалъ ее къ своей груди. Уста ихъ соединились и долгій, пламенный поцѣлуй былъ предвѣстникомъ, что между непорочною и преступленіемъ только одинъ шагъ, хотя этотъ шагъ чрезъ неизмѣримую бездну. Но когда преступная чувственность была готова восторжествовать надъ чистыми душами юныхъ любовниковъ; когда довольно было одного мгновенія, чтобы приготовить неизгладимое раскаяніе на цѣлую жизнь, Евгеній, какъ бы внезапно пробудившійся отъ обольстительнаго сна, вырвался изъ объятій Надежды.

«Нѣтъ! — воскликнулъ онъ — нѣтъ!

мы несчастны; но не будемъ виновны! Для страдальцевъ есть благое Провидѣніе, для преступниковъ его нѣтъ!»

Надежда залилась слезами.

«Провидѣніе — говорилъ Евгеній, устремивъ глаза на небо — назначило намъ тяжкой крестъ разлуки: должно покориться его святой волѣ.»

— Я на все готова! — отвѣчала Надежда, рыдая.

«Поклянемся — продолжалъ съ сильнымъ чувствомъ Евгеній — поклянемся не видаться болѣе на землѣ: есть вѣчность, въ которой мы нѣкогда увидимся, если будетъ на то высшая волл!»

Евгеній еще разъ прижалъ Надежду къ груди своей. — «Прощай навсегда! — говорилъ онъ, задыхаясь отъ слезъ.

— Навсегда! — повторила съ глубокою горестію Надежда.

«Что господинъ святоша! — вскричалъ издали Матвій Петровичъ, спускаясь съ

своею невѣстой съ горы, — Не говорил ли я, что къ «изоите видѣть» надобно поскорѣе отослать твой молотъ... Ба! да вы о чемъ-то плачете? — прибавилъ онъ, подойдя ближе.»

— Ахъ, Матвѣй Петровичъ! — говорилъ Евгенийъ съ тяжкимъ вздохомъ — вы наслаждаетесь счастиемъ сбывающихся надеждъ, а намъ суждено только оплакивать погибшія; вы составляете для себя планы, какъ раздѣлять взаимное блаженство, а мы составили себѣ планъ....

— Какъ провести «Изоите видѣть?» — продолжалъ съ усмѣшкою Матвѣй Петровичъ.

«Полно надъ нами шутить, милый другъ! — говорила его невѣста.»

— Мы составили планъ — продолжалъ Евгенийъ съ чувствомъ оскорбленнаго благородства — разлучиться навсегда, и поклялись предъ Тѣмъ, кто видитъ чисто...

ту нашей клятвы — поклялись никогда не видаться болѣе на землѣ!

«Благородный юноша! — воскликнул Матвѣй Петровичъ, кинувшись обнять Евгенія — прости меня: я не зналъ всей возвышенной чистоты твоихъ чувствъ!

Осѣмнадцатилѣтняя Амалія, двушка съ нѣжною душою и пламеннымъ характеромъ, могла ли равнодушно смотрѣть на эту сцену? Ова бросилась въ объятія Надежды и горько заплакала. Какъ ни говорите, а оплакивать чужое горе несравненно легче, нежели свое собственное. Къ сытному и веселому блаженству счастливой четы было нужно примѣшать нѣсколько капель какой-нибудь печали, для полнаго наслажденія. Вѣроятно, слезная драма не скоро бы кончилась, но въ кустахъ послышался шорохъ.

«Боже мой! Медвѣдь! — вскричала сквозь

слезъ Надежда, вырвавшись изъ рукъ Амаліи.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе! — отвѣчалъ старый гренадеръ, выходя изъ кустовъ — это мы! Его превосходительство даль-съ приказъ назадъ требовать всю компанію: [☉] безпокойтесь изволить.

Назадъ пошли пѣшкомъ. Ночь была удивительная: ясная, теплая, звѣздная; воздухъ ароматическій; рѣка, огромная, гладкая, катила зеркальныя струи подъ наклоненіемъ ивъ; а тамъ, изъ отдаленныхъ лѣсовъ, поднимался свѣтлый шаръ луны, бросая серебряный лучъ на поля, воды и холмы.

Евгеній и Надежда шли въ безмолвіи; сердца ихъ говорили, но уста молчали. Истинная печаль безмолвна. Напротивъ, Матвій Петровичъ и Амалія не могли наговориться. Они прокладывали себѣ въ будущемъ самую блестящую преспек-

тиву. Матвѣй Петровичъ уже уѣзжалъ въ Петербургъ; уже показывалъ своей любезной всѣ рѣдкости сѣверной Палмиры; уже они жили тамъ посреди утѣхъ, веселій и безчисленныхъ наслажденій, и снова возвращались къ родителю, и опять путешествовали.

«Ахъ, другъ мой!» — говорила Амалия, «какъ бы я желала, чтобы уже прошли двадцать пять лѣтъ: мнѣ кажется, и тогда я такъ же бы страстно тебя любила, и тогда такъ же была бы счастлива, какъ теперь.»

Матвѣй Петровичъ нѣсколько призадумался: сорокалѣтнему жениху на будущіе двадцать пять лѣтъ не очень весело по-сматривать; однакожь, сжавъ сердце, отвѣчалъ съ прежнимъ тономъ: и я тоже!

— Гдѣ мы будемъ тогда? Что тогда съ нами случится? — продолжала Амалия съ полною наивностію. — Знаешь ли

что? я желала бы имѣть небольшой домикъ, котораго окна были бы на море.. Кажется, какъ бы это было хорошо! Мы съ тобой любовались бы каждый день закатомъ. Ахъ, какъ я люблю смотрѣть на закатъ солнца на морѣ!.. Между тѣмъ около насъ рѣзвились бы... Амалія не могла договорить: она почувствовала, что заговорила; покраснѣла, какъ роза, и замолчала.

«Что же ты перестала достраивать свой прелестный замокъ, милая Амалія—говорилъ Матвей Петровичъ, прижимая къ себѣ ея руку. — Ахъ, какъ я счастливъ теперь и какъ буду счастливъ, когда назову тебя своею навсегда, навсегда!

— Я и такъ твоя навсегда! на-вѣки! Одна смерть можетъ меня разлучить съ тобою!... Но кто это въ дали!... Это батюшка; кажется, онъ кличетъ меня!.. Сейчасъ!

Генераль сердито взялъ ее за руку, посадилъ къ себѣ въ коляску и уѣхалъ, сказавъ весьма холодно Матвѣю Петровичу: «пожалуйте ко мнѣ завтра поутру; я долженъ съ вами объясниться.»

Матвѣй Петровичъ остался на мѣстѣ, какъ бы пораженный громомъ. Коляска пропала изъ виду, и съ нею скрылось въ темной дали все его мечтательное блаженство.

Х.

Матвѣй Петровичъ не смыкалъ глазъ во всю ночь, и рано поутру ушелъ къ генералу. По уходѣ его, принесли съ почты письмо. Надпись была не отцовской руки: тяжелое предчувствіе овладѣло сердцемъ Евгенія. Онъ торопливо розорвалъ конвертъ: писалъ Илья Маркеловичъ.

«Любезный другъ, Евгеній Ивановичъ! Ты, я думаю, помнишь превосходное сочиненіе Франклина, которое, бывало, въ нашихъ литературныхъ вечерахъ въ Пала-

тѣ, мы читали и перечитывали нѣсколько разъ; помнишь, онъ говоритъ: «должно ли сожалѣть о томъ, что новый младенецъ родится въ вѣчности?»

Евгеній затрепеталъ, и едва могъ прочитать еще нѣсколько строкъ, гдѣ Илья Маркеловичъ уведомлялъ его о смерти его отца. «И такъ все кончено!» — сказалъ Евгеній съ глубочайшею горестію. «Моего благодѣтеля нѣтъ; съ моею незабвенною Надеждою я разстался навсегда. Родитель мой, бѣдный родитель мой, ты одинъ былъ послѣднимъ утѣшеніемъ моей жизни — и тебя не стало! Боже великій!» Слезы облегчили его грудь; онъ продолжалъ чтеніе письма.

«Отецъ твой умеръ почти такъ, какъ умирали древніе мудрецы: ни одной жалобы, ни страданіе, ни одного слова, въ которомъ бы выражалось чувство страха и болзни. Даже, говорятъ, онъ имѣлъ стѣнко духу, что записалъ въ своемъ

журналъ собственною рукою: «17 числа смерть»; потомъ, исполнивъ обряды религии и простившись со всѣми, окружавшими его, великодушный страдалецъ ожидалъ смерти, какъ отрады, какъ избавленія, повторивъ нѣсколько разъ: «скоро ли конецъ жизни?»

«Разбойникъ этотъ иностранецъ!» вскричалъ въ отчаяніи и бѣшенствѣ вбѣжавшій въ комнату Матвѣй Петровичъ: «посмотри, что онъ пишетъ. Но и ты получилъ письмо?»

— Мой батюшка скончался!

«Скончался! Слава Богу, что есть смерти! Что было бы, если бы нѣкуда было скрыться отъ этихъ змѣй, отъ этихъ лютыхъ звѣрей, которые именуются людьми! Я готовъ бы лучше его разъ умереть, нежели...»

— Что такое случилось?

«Злодѣй иностранецъ обнесъ меня предъ Генераломъ, которому онъ давниш-

шній пріятель: ты знаешь, что Генераль ему землякъ. Глупецъ всему повѣрилъ— и мнѣ на-отрѣзъ отказалъ. Что я долженъ теперь дѣлать? Я обезславленъ, уничтоженъ, убитъ, а моя Амалія? Она не перенесетъ этого!

— Какое неожиданное несчастіе!— говорилъ Евгеній. У меня не достаетъ разсудка, что вамъ присовѣтовать....

Матвѣй Петровичъ ходилъ скорыми шагами по комнатамъ, вовсе не слушалъ Евгенія и разговаривалъ самъ съ собою: » Да, мнѣ остается одно спасеніе: умереть, умереть! А мой врагъ? — Онъ будетъ жить и смѣяться надо мною! Нѣтъ, я недопущу его до этого счастья: прежде я самъ наслажусь его мертвой хрилотою, прежде я буду съ восхищеніемъ смотрѣть, какъ онъ будетъ издыхать, въ смертныхъ судорогахъ и слышать мои проклятія; мой голосъ будетъ ему звукомъ трубы страшнаго суда....

— Не говорите такъ, Матвѣй Петровичъ — прервалъ его Евгений. — Если вы христіанинъ, вашъ долгъ прощать, а не мстить!

«Прощать, никогда! Чтобы я простилъ этому злодѣю, этому убійцѣ!...

— Но развѣ Спаситель не молился за своихъ убійцъ?...

«Спаситель!... но онъ былъ Богъ, а я червь!

— Но вмѣстѣ и Богъ! Не повторяли вы нѣкогда съ особеннымъ чувствомъ безсмертный стихъ: я Царь! я рабъ, я червь, я Богъ?

«Такъ, такъ!... но дайте мнѣ время, можетъ быть, оно меня успокоитъ когда-нибудь!... Да, оно одно, меня успокоитъ, повторилъ съ горестію Матвѣй Петровичъ, котораго бѣшеная занальчивость начала превращаться въ тихую печаль. — Смерть! о, какое благо ты, смерть!...

Матвѣй Петровичъ погрузился въ глубокую думу. Продолжительныя размышленія утишили первыя впечатлѣнія горя; остался на сердцѣ свинецъ постоянной и незлечимой скорби. Въ такомъ положеніи онъ возвратился въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Евгеніемъ.

Первый выходъ Евгенія изъ дома былъ — на кладбище, находившееся на высокой горѣ близъ города. Если увидите подлѣ старой Иерусалимской церкви на правой рукѣ три камня: тутъ лежитъ все, что было для Евгенія драгоценнаго на землѣ: отецъ, мать и братъ. Евгеній упалъ на могилу отца, и долго, долго не могъ съ нею разстаться; казалось, онъ хотѣлъ еще разъ услышать голосъ родителя; онъ взывалъ къ нему, горько рыдалъ — отвѣта не было. *Крѣпокъ сонъ мертвыхъ!* Отходя отъ могилы, Евгеній остановился на валу, которымъ обнесено кладбище. Оттуда видѣнь былъ весь

городъ. Тамъ была жизнь, здѣсь смерть; тамъ колыбель, здѣсь могила! Евгенийъ, въ глубокой думѣ, смотрѣлъ то на городъ, то на кладбище; ему казалось, что жители города непрерывною, безконечною цѣпью тянутся на гору и раскладываются по могиламъ; что предъ нимъ прошли такимъ образомъ всѣ живущіе въ это время — и городъ совершенно опустѣлъ. Нигдѣ ни звука, ни слова, ни лица человѣческаго. Владычество смерти, котораго мы не видимъ при непрерывно—возобновляющихся поколѣніяхъ, представилось ему во всемъ грозномъ величіи. Жизнь остановила свое теченіе, возобновеніе поколѣній прекратилось, и чрезъ столѣтъ вся земля представляла обширное, безмолвное кладбище, гдѣ оплакивая, погибшій родъ человѣческой, бродили дряхлые старцы, доживающіе послѣдніе дни; съ ними погибла память

людей на землѣ. Какъ смѣшно показалось Евгению суетное величіе людей, эта шумная слава, эти безсмертные памятники, эти громкія преданія, возвѣщающія о великихъ земли! Благовѣсть къ обьднѣ вывелъ его изъ мечтанія.

Въ Иркутскѣ была получена грозная вѣсть о вступленіи въ Россію Наполеона, вѣсть, потрясшая сердца Русскихъ отъ Днѣпра до Камчатки. Въ Иркутскѣ, за шесть тысячъ верстъ отъ столицы, всякая рана, всякой ударъ, наносимый отечеству, столь же живо и сильно были чувствуемы, какъ и въ самомъ сердцѣ Россіи.

Евгеній посѣщилъ въ соборѣ, гдѣ собрался почти весь городъ. Когда, послѣ литургіи, былъ прочитанъ незабвенный манифестъ о нашествіи враговъ, и когда духовенство, съ глубокимъ чувствомъ униженія и горести воспѣло: «Царю Небесный!» на глазахъ всего народа пока-

замись слезы; многіе пали на колѣна и зарыдали. Нельзя забыть вѣчно этой торжественной минуты!

Евгеній и Матвѣй Петровичъ, отъ природы чувствительные и пылкіе, были внѣ себя; самъ Илья Маркеловичъ, великій философъ и стоикъ, не могъ удержаться отъ слезъ, и скрываясь вдали отъ людей за большимъ столбомъ, утиралъ себѣ глаза полою своего длиннаго сюртука.

«Другъ мой! — Сказаль съ жаромъ Матвѣй Петровичъ, выходя изъ церкви — знаешь ли что? Мы потеряли здѣсь все, намъ на землѣ ничего не осталось драгоценнаго кромѣ отечества — идемъ умереть за него!»

— Идемъ! — повторилъ Евгеній бросаюсь въ его объятія — положимъ за него свои головы!

«Богъ да благословить ваше намѣреніе! — говорилъ со слезами Илья Марке-

ловичъ. — Теперь только я чувствую, сколь тяжка моя болѣзнь: я не могу умереть за милую отчизну; по крайней мѣрѣ счастливъ тѣмъ, что, можетъ быть, умру прежде, нежели какая нибудь злая вѣсть. . . .»

— Неужели можно думать! — возразилъ Матвѣй Петровичъ, — что Россія можетъ быть покорена? Никогда!

«Никогда! — повторилъ съ тѣмъ же чувствомъ Евгеній. — Скорѣе Русскіе лягутъ косями отъ Днѣпра до Ангары, чѣмъ отдадутъ чужестранцамъ свою независимость и свободу!»

— Да будетъ! — говорилъ съ чувствомъ глубокой молитвы Илья Маркеловичъ.

Сборы въ дорогу Евгенія и Матвѣя Петровича были не продолжительны. Илья Маркеловичъ провожалъ ихъ до берега Ангары, и когда отъѣзжающіе перѣехали чрезъ рѣку и сѣли въ повозку,

онъ еще долго смотрѣлъ въ слѣдъ за ними. Съ каждою минутою повозка терялась изъ глазъ болѣе и болѣе, наконецъ движеніе ея было замѣтно только по облаку пыли; еще нѣсколько минутъ — и Евгений сокрылся на-вѣки изъ глазъ добраго Ильи Маркеловича. Въ глубокой задумчивости долго стоялъ мудрецъ на набережной, облокотясь на перилы, и потомъ, глубоко вздохнувши, пошелъ вдоль по берегу своими мѣрными шагами.

КОНЕЦЪ I-Й ЧАСТИ.

АВТОМАТЪ.

Соч. Н. Калашникова.

Часть вторая.

САМЫЯ ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ.

—
1841.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ИОХАНСОНА.

Т
Т

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
плярѡвъ. С. Петербургъ, Октября 10 дня 1841 года.**

Ценсоръ. А. Очкинъ.

АВТОМАТЪ.

XI.

Армія вступила въ позицію при Царево-Займищѣ. Былъ вечеръ. Грустное осеннее солнце печальными своими лучами рисовало на безпредѣльномъ полѣ длинныя тѣни безчисленныхъ палатокъ. Задымились огни, но нигдѣ не было ни слышно, ни видно живой дѣятельности военнаго стана: лагерь походилъ болѣе на

часть II. 1

молчаливую толпу изгнанниковъ, чѣмъ на сильное войско могущественнѣйшей имперіи. Солдаты молча собирались около огней, и потихоньку толковали по своему о судьбѣ кампаніи.

«Эхъ, братцы!» — говорилъ старый гренадеръ, покачивая головою — «кабы теперь да нашъ отецъ Александръ Васильевичъ, вѣчная ему память (солдатъ набожно перекрестился, взглянувъ на небо), не бывать бы супостату на Русской землѣ, не смѣяться бы ему, злодѣю, надъ нашей трусостью. Вспомнить не могу, ребята; слышь, такъ мурашки по тѣлу и забѣгаютъ, какъ раздумаешься о прежнемъ. Бывало, вскрикнетъ отецъ нашъ, своимъ лебединымъ голоскомъ: » Чудо - богатыри! надѣвай вѣтры! Богъ васъ водить! Онъ ващъ командиръ! Впередъ!» Вотъ, слышь, кровь такъ и закипитъ ключемъ; такъ бы вотъ и налетѣлъ орломъ на врага: откуда храбрость берется; нѣтъ

ни страха, ни устали: смерть — копѣйка!
А теперь! . . .»

— Да, братъ Бурцовъ, — сказалъ также старый солдатъ, — теперь не то!

«Да растолкуй ты намъ, Егорычъ» — подхватили вѣсколько молодыхъ солдатъ, — «отъ чего это? Аль бояться? . . .»

— Боятся! — повторилъ Лука, мрачно нахмуривъ брови, и покачавъ головою. — Сказать просто. . . остальные слова проговорилъ онъ шопотомъ.

«Ой ли! — съ испугомъ вскричали молодые солдаты.

— Чего бояться намъ? — продолжалъ Егорычъ. — Аль наши груди не крѣпки, или штыкъ нашъ притупился? Пусть велятъ: не пожалѣемъ силъ, наточимъ его острѣе прежняго.

«Эхъ, кабы батюшка Царь» — совздохомъ сказалъ Бурцовъ — «да прислалъ бы намъ старичка Кутузова. . .»

А что? развѣ удалъ? — спросили молодые солдаты.

«Ученичекъ Александра Васильевича, покойника» — отвѣчалъ Бурцовъ. — «Русская кровь въ жилахъ, а ума не занимать стать! Слышь, самъ Александръ Васильевичъ говариваль: «хитерь Кутузовъ, не ходи близко: обманеть!» Когда, сказываютъ, Измаиль брали, такъ Кутузовъ первый взлетѣль орломъ на стѣну, а Александръ Васильевичъ назваль его *правою рукою!* А? какова честь?»

— Да что жь не пришлютъ его?

«Слыхали ли вы старинную поговорку: *сердце Царское въ рукѣ у Бога.* Царь-батюшка знаетъ, что дѣлаеть. Будеть угодно Богу — пришлютъ...»

— Когда-то пришлютъ, — съ грустію повторили молодые солдаты, — а межъ тѣмъ Москва бѣлокаменная за плечами! Ахъ, ребята! что-то будетъ?...

«Будеть, что Богъ велить,» — сказалъ

Бурцовъ. — «И грустно, да дѣлать нечего: наше дѣло служить не тужить, да умирать за вѣру и Царя православнаго. . .»

—То-то и бѣда,—возразилъ Егорычъ— что и умереть-то не даютъ за матушку Россію. Худо, ребята! добру не бывать!

«Не бывать!» — грустно прошептали всѣ солдаты, бывшіе въ кружку, и почти не замѣчали, что огонь, около котораго они стояли, едва курялся.

Изъ ближней палатки смотрѣли на эту сцену три офицера. Два изъ нихъ были наши знакомцы: Евгенийъ и Матвѣй Петровичъ.

«Слышалъ?» — спросилъ Матвѣй Петровичъ Евгенія.

— Да! — отвѣчалъ Евгенийъ со вздохомъ.

«При такомъ расположеніи войска плохая надежда на побѣду! . .»

— Вы новички, — возразилъ третій, — и потому такъ судите. Что значать пу-

стые толки солдатъ? Барклай уже показалъ свой умъ въ превосходномъ отступленіи. Чего же нельзя надѣяться отъ его генія?

«Такъ, Густавъ Ивановичь,» отвѣчалъ Матвій Петровичъ: «никто не можетъ осмѣливаться оспаривать достоинства Барклая; но согласитесь, что главная пружина побѣды есть нравственная сила войска, а теперь наша армія...»

—Искусное отступленіе есть уже половина побѣды—возразилъ съ жаромъ Густавъ Ивановичь; — здѣсь исполнился планъ, начертанный съ глубочайшимъ соображеніемъ.

«Нельзя оспаривать, что отступленіе исполнено удачно; но отступать еще не значитъ побѣждать: война еще не начиналась, и участь ея еще не рѣшена. Вспомните, что предъ нами тотъ же страшный геній Наполеона и войско, одушевленное славою побѣдъ и довѣрен-

ностию къ геніальному вождю — войско, притомъ, отлично устроенное и несравненно большее числомъ, нежели наше. О! впереди еще много работы! Одва несчастная битва можетъ уничтожить нашу армію, и Наполеонъ сдѣлается властителемъ всѣхъ путей: одинъ народъ не въ силахъ будетъ оградить отъ него наши южныя провинціи!»

— Поздравляемъ съ сраженіемъ! — сказали вошедшіе въ палатку еще два офицера.

«Съ сраженіемъ?» — съ ужасомъ спросилъ Матвѣй Петровичъ.

— Что, струсилъ? — насмѣшливо сказалъ Густавъ Ивановичъ.

«Струсилъ! — строго отвѣчалъ Матвѣй Петровичъ, нахмуривъ брови. — Густавъ Ивановичъ, я тебя люблю, какъ человека благороднаго, но я не простилъ бы тебѣ этого слова въ другое время: теперь наша жизнь принадлежитъ отече-

ству. Мы за тѣмъ прѣехали съ береговъ Ангары, чтобъ умереть за родину; но должно сознаться: побѣда не нашъ удѣлъ

— Мы того же мнѣнія, — сказали пришедшіе офицеры. — Барклай, человекъ необыкновенный, но сильное предубѣжденіе войска и упадокъ духа не даютъ никакой надежды на успѣхъ. При томъ, едвали и позиція довольно выгодна: знатоки говорятъ, что слишкомъ открыто мѣстоположеніе и не представляетъ никакихъ естественныхъ преградъ, которыя могли бы, уравновѣсить неравенство силъ.

«Мнѣ кажется, господа, — замѣтилъ Густавъ Ивановичъ—вы гораздо болѣе надѣялись бы на успѣхъ, если бы командовали...»

— Да, мы не имѣемъ причинъ скрывать свои чувства — перебилъ Матвей Петровичъ; — вы слышали желанія солдатъ...

«Слѣдовательно вы болѣе надѣялись бы на успѣхъ, если бы командовалъ какойнибудь Кутузовъ...»

— Не какойнибудь Кутузовъ—серьезно отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ, — но Кутузовъ, который первый взошелъ на приступъ Измаила, который съ тридцати-тысячнымъ корпусомъ умѣлъ проложить себѣ дорогу посреди французской арміи, и остался побѣдителемъ, Кутузовъ, который недавно взялъ въ плѣнъ все турецкое войско, и едва не захватилъ самого визиря, Кутузовъ, наконецъ....

— Что это значитъ? — вскричалъ Евгений, стоявшій въ это время у палатки, — шумъ, тревога!

Офицеры выбѣжали изъ палатки. Вдали въ халла вдоль лагерья коляска. По мѣрѣ ея движенія, шумъ и волненіе увеличивались. «Кутузовъ пріѣхалъ!»—наконецъ раздалось по всему протяженію лагерья. Орель воспарилъ надъ головою маститаго

вождя. Герой, принимая это за знаменіе победы, почтительно обнажилъ сѣдны свои — и неописанный восторгъ войска слился въ одно торжественное и безконечное: ура!

ХІІ.

Не лѣзя думать, чтобы кто либо изъ Русскихъ не зналъ подробностей Бородинской битвы — битвы, гдѣ Россія боролась съ цѣлою Европою, и устояла; гдѣ великій геній Наполеона въ первый разъ впалъ въ недоумѣніе и нерѣшимость; гдѣ кровію ста тысячъ жертвъ былъ подписанъ приговоръ его паденія; гдѣ, наконецъ, онъ явился въ послѣдній разъ съ дѣвственною славою всемірнаго

побѣдителя, съ могуществомъ, которое еще нигдѣ не встрѣчало преграды, съ волею, предъ которой смирялась цѣлая Европа — и отсюда начинается періодъ его бѣдствій и паденій, отъ которыхъ уже вся сила его генія не могла его спасти.

Бородинское поле раздѣлялось на-двое Смоленскою дорогою. Правая сторона оканчивалась рѣкою Москвою и была защищена со стороны фронта крутыми берегами ручья *Коложи*; лѣвая, между новою и старою Смоленскими дорогами, бывъ открыта, составляла, такъ сказать, дверь, въ которую Наполеонъ долженъ былъ ломиться: тутъ былъ единственный входъ въ Россію, русскіе вернопилы. Высоты близъ деревни Семеновской представляли порогъ, укрѣпленный сильнѣйшими баттареями. Наполеону необходимо предлежало перешагнуть, или погибнуть. Почти нечеловѣческая храбрость была

оказана Французами. Выходя изъ лѣсу, они строились подъ картечными выстрѣлами; ничто не могло удержать ихъ стремленія: колонны бросались на батареи и погибали, но какъ бы силою чародѣйства выходили новыя, и снова погибали. Впрочемъ, если нападеніе сопровождалось отчаянною, безумною отвагою, то и сопротивленіе было чудомъ непоколебимой твердости и мужества, чудомъ, какое можетъ произвести только пламенная любовь къ отечеству.

Около полудня усилія непріятеля ослабѣли, многократныя нападенія его были отбиты, и битва начала умолкать.

«Славный пирь!» — говорилъ Матвѣй Петровичъ Евгенію, стоя въ колоннахъ, охранявшихъ батареи: — «задали Наполеону: долго будетъ у него въ головѣ кружиться. Гости пьяны, и хозяева веселы, но пирушка что-то замолкаетъ: знать, кроваваго вина не достало!»

— Нашъ орель изъ высокой Екате-
рининской стаи, — говорилъ Евгений, —
показаль здѣсь всю свою орлиную
прозорливость.

»Да!« — отвѣчалъ Матвѣй Петровичъ.—
»Одинъ выборъ позиціи уже ручается въ
нашу пользу: Наполеону заперты все
входы, кромѣ одного. Непрiятель не мо-
жетъ развить вполнѣ превосходство сво-
ихъ силъ, и долженъ лѣзть въ одни уз-
кія ворота, гдѣ для него всегда готова
новая встрѣча. Замѣчаешь ли, какъ кор-
пуса приходятъ всегда въ пору. Все дѣ-
лается такъ легко и просто: но въ томъ
и мудрость великихъ полководцевъ. Смо-
тришь, у плохаго начальника, то прика-
заніе пришло не во время, то колонна
запоздала, то . . .«

— Однако Наполеонъ еще не усталъ.—
перебилъ Евгений, разсматривая вдали
движеніе непріятельскихъ войскъ. — Смо-
трите, какъ тамъ страшная суматоха;

войска стущаются; безпрестанно подвозят новыя орудія; вездѣ раскидываются новыя батареи. Едвали не начнется пиръ пуще прежняго? Боже милостивый!—прибавилъ со вздохомъ Евгений,— чѣмъ-то все это кончится?

» Чѣмъ ни кончится, «—отвѣчалъ Матвѣй Петровичъ, — »но мнѣ конца не видать!»

— Отчего вы такъ думаете?

» Это можно чувствовать, но не думать. «

— Предчувствіе иногда обманываетъ!

» Можетъ быть; но мое вѣрно. Впрочемъ, я съ тѣмъ и сталъ въ эти ряды, чтобы умереть за родину. «

— Такъ, ничто не можетъ быть выше, какъ умереть за своихъ братій; какъ временнымъ страданіемъ искупить вѣчное успокоеніе; какъ минутную земную жизнь принести въ даръ безсмертному бытію.

— » Вы, господа, вѣчно философствуете — подхватилъ Густавъ Ивановичъ, — но право, какъ бываетъ жить ни тошно, а умереть еще тошнѣй. Я не скрываю, у меня совсѣмъ другія цѣли; въ надеждѣ на будущую жизнь я умереть не согласенъ. Мое намѣреніе другое: худой солдатъ, который не хочетъ быть генераломъ. «

— Вы властны думать, какъ хотите, но я скажу вамъ просто: тамъ, гдѣ дѣйствуетъ эгоизмъ, не можетъ быть благороднаго самоотверженія.

» Я и не хочу отвергать удовольствій жизни, и потому совершенно не намѣренъ умереть; напротивъ, я готовъ употребить всякой способъ, чтобы избавиться отъ смерти, если только можно согласить его съ честью... «

— Это значить, что въ васъ бьется не русское сердце: когда гибнетъ отчиз-

на, можно ли думать о своемъ спасеніи?

»Моя отчизна повсюду«...

— Такъ значитъ не быть христіаниномъ — подхватилъ Евгеній, — для безсмертнаго нечего бояться смерти.

»У васъ вѣчно одна пѣсня!«

— Ахъ, какой страшный залпъ! — вскричалъ Матвѣй Петровичъ. — Чувствуете ли, какъ колеблется земля. — Еще! еще!... Вотъ началась потѣха!

»Великій Боже! — воскликнулъ Евгеній — ядро выхватило цѣлый рядъ изъ нашей колонны«...

— А смотрите здѣсь: отъ баталіона остались уже одни клочки.

»Признаюсь, страшно стоять безъ дѣла, и быть только зрителемъ этого ужаснаго пораженія. Но чу! командуютъ: впередъ! Въ штыки! Браво!«

— Ну, другъ мой Евгеній, — сказалъ съ глубокимъ чувствомъ Матвѣй Петровичъ, — прости навсегда! Тамъ ожидается

меня конецъ всѣхъ моихъ несчастій. Если останешься живъ, и увидишь мою Амалию, скажи, что послѣдній вздохъ, послѣдняя мысль были посвящены ей.

Между тѣмъ бой загорѣлся несравненно сильнѣе прежняго. Ни какими человѣческими словами нельзя изобразить ужаснаго мгновенія, когда на прострaвствѣ одной квадратной версты, грянулъ громъ семисотъ орудій; но батареи, пожиравшія вдругъ тысячи жертвъ, еще не могли остановить бѣшенаго стремленія непріятеля; нужно было противопоставить ему опору, несравненно сильнѣйшую всѣхъ батарей: русскую грудь и русскій штыкъ. Вся ливія нашихъ колоннъ двинулась ему навстрѣчу.

Мы не будемъ описывать страшнаго мгновенія, когда тысячи людей, съ устремленными другъ противъ друга стальными жалами, сшиблись однѣ съ другими. Если на землѣ нѣтъ ничего стра-

шиве смерти, то здѣсь она была въ самыхъ ужасныхъ, отвратительныхъ видахъ. Сражались не люди, дѣйствовавшіе по плану и назначенію, но тигры, съ злобою и отчаяніемъ раздиравшіе другъ друга. Войны, за минуту бодрые, сильные, мужественные, валялись растерзанвыми трупами: попярая ихъ обезображенные остатки, заступали мѣсто ихъ другіе, и также погибали въ свою очередь.

Матвѣй Петровичъ вступилъ уже въ ряды сражавшихся. Евгенийъ смотрѣлъ издали, и горѣлъ нетерпѣніемъ броситься влѣдъ за своимъ другомъ.

»Ваше благородіе«—говорилъ ему стоявшій близъ него Бурцовъ,—»не мечитесь впередъ: на штыкъ лѣзть наше дѣло.«

—Ахъ, добрый Бурцовъ! какъ мнѣ думать о себѣ, когда тысячи гибнутъ!

»Да, Ваше благородіе! жарко приходится; обѣ стороны не жалѣютъ пару: крѣп-

ко поддаются! Но посмотрите, что это тамъ? Батюшки, самъ Фельдмаршалъ взвѣхалъ вонъ на этотъ холмъ... Экъ его осыпаетъ ядрами и картечью!.. Стоитъ, старичекъ, думаетъ думу крѣпкую!.. Вонъ адъютанты хотятъ насильно заворотить его лошадь.... Знать, не позволяютъ!...»

—Боже милосердый!—невольно воскликнулъ Евгеній:—спаси его! жизнь его теперь для насъ всего дороже!

«Правда ваша, что всего дороже! Такъ бы и кинулся да загородилъ его своимъ тѣломъ... Ну, слава Богу, утѣхалъ! Смотрите, Ваше благородіе, что онъ путемъ теперь жиганетъ французовъ: не даромъ подставлялъ онъ имъ свою сѣдую голову....

— Боже мой! — вскрикнулъ внезапно Евгеній, обративъ взоры въ сторону, гдѣ сражался Матвѣй Петровичъ. — Онъ раненъ! Онъ палъ!

Въ это мгновеніе колонна двинулась

впередъ и Евгенийъ исчезъ въ общей схваткѣ.

Около шести часовъ послѣ полудня бой началъ прекращаться: только ослабѣвающая канонада продолжалась до самаго вечера: выстрѣлы слышались все рѣже и рѣже; казалось, засыпало огромное и страшное чудовище, утолившее кровожадную пасть истребленіемъ безчисленныхъ жертвъ. Сошла ночь, и на окровавленномъ полѣ битвы, гдѣ незадолго не прекращались удары грома, потрясавшаго землю, замолкло и утихло, какъ въ могилѣ. Оба войска, недавно свирѣпыя, разъяренныя, какъ львы, едва усталыми стопами добрались до мѣстъ отдохновенія, и уснули глубочайшимъ сномъ на берегу кроваваго озера, гдѣ въ потокахъ крови тонули разстертанные трупы ихъ товарищей и друзей. Печальный рогъ ущербнувшей луны поднялся изъ-за лѣса, и полусумрачнымъ

лучемъ, освѣтивъ ужасную картину сна и смерти, таинственно означилъ очерки ея страшныхъ подробностей. Тысячи разтерзанныхъ труповъ, разбитыхъ головъ, оторванныхъ членовъ — валялись кучами, источая потоки крови. Омертвѣвшіе трупы еще сохраняли выраженіе послѣдняго момента ярости, въ которомъ застала ихъ смерть: раскрытые глаза еще смотрѣли жаждою убійства, и застывшие въ крови руки еще, казалось, раздирали челюсти противника. Опирались на отвратительные остатки своихъ друзей и враговъ, умирающіе силлились приподняться изъ кровавой лужи, заливавшей имъ гортань—силлились, чтобы, можетъ быть, въ послѣдній разъ взглянуть на покрывавшее ихъ небо—лазурное, блиставшее вѣчно тихими и покойными міриадами звѣздъ—взглянуть, и закрыть на вѣки темнѣющіе взоры.

Между тѣмъ надъ кровавымъ полемъ

началъ подниматься густой туманъ, и подъ своими сѣдыми волнами сокрылъ ужасную картину истребленія. Только тутъ, индѣ, сверкали движущіея огоньки, съ которыми отыскивали раненныхъ: казалось, это былъ разливъ времени, во глубинѣ котораго погибають всѣ дѣла человѣческія, и гдѣ отъ самыхъ знаменитыхъ событій едва сохраняются тускляя искры преданій.

Въ числѣ отыскивающихъ былъ и Евгенийъ, въ сопровожденіи Бурцова. Напрасно старался онъ пересмотрѣть почти всѣ трупы на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ Матвѣй Петровичъ: его не было. Многія тѣла столько были обезображены, что не было возможности разобрать ихъ черты. По какому-то тайному предчувствію Евгенийъ остановился надъ однимъ изъ убитыхъ. Ни какое движеніе не обнаруживало въ немъ жизни. Разсматривая трупъ, Евгенийъ, хотя не могъ уз-

нать, но замѣтилъ въ немъ остатки жизни; раненый очнулся, и трепетно посмотрѣлъ вокругъ себя — и опять закрылъ взоры; видно было, что онъ не могъ понять своего положенія: гдѣ и что съ нимъ случилось. Если сонъ, то сонъ страшный, адскій, нестерпимый сонъ, видѣнїе чудовищное, тяжкое. Мало по малу грозная существенность начала предъ нимъ проясняться, и больной, изъ глубины сердца вылетѣвшій вздохъ былъ началомъ смертнаго мученія. Обломокъ штыка торчалъ въ груди умирающаго. Евгенийъ вырвалъ убійственное желѣзо. Раненый взглянулъ на него изумленными взорами, но, казалось, вѣчный мракъ уже началъ покрывать его вѣжды. »Боже Великій!« — проговорилъ едва слышнымъ голосомъ умирающій. — »Прости согрѣшенія раба твоего!... О Амаліа!... О Евгенийъ!...»..

— Боже мой! Чей голосъ, чье имя онъ

произнесъ? — вскричалъ Евгеній. — Ты ли это, другъ мой?

Евгеній поднесъ фонарь ближе къ лицу убитаго: оно было изъязвлено, растерзано и покрыто запекшеюся кровію; едва образъ человѣческой сохранился въ главныхъ очертаніяхъ. Евгеній отеръ кровь и съ трудомъ могъ отыскать знакомыя черты. Между тѣмъ открытые глаза томно смотрѣли, какъ бы изъ вратъ другаго міра, и какъ будто выражали невозмущаемое спокойствіе вѣчности. Долго, въ скорбномъ оцѣпѣннн глядѣлъ Евгеній на эти неземные взоры, и казалось, хотѣлъ проникнуть чрезъ нихъ въ неисповѣдимую тайну грядущаго. Гаданіе будущаго и воспоминаніе прошедшаго сливались въ его душѣ въ нестройное цѣлое; минувшая повѣсть мелькнувшаго дѣтства и юности, со всѣми милыми образами, летѣла предъ его памятью и сердцемъ.

— «Ваше благородіе!» — сказала Бур-

цовъ — теперь дѣлать нечего: не воскресишь. Позвольте мнѣ взять тѣло, и отнести на тотъ вонъ холмикъ; тамъ зароемъ его съ солдатскою молитвою, а потомъ Священникъ споетъ всѣхъ вмѣстѣ: кто здѣсь умеръ, тотъ и безъ того наслѣдуетъ царствіе Божіе.

«Завидна судьба твоя — говорилъ Евгеній, въ сильномъ волненіи чувствъ, не обращая вниманія на рѣчь Бурцова — завидна твоя судьба, мой благородный другъ! Ты принесъ жизнь въ даръ земному отечеству, чтобы приобрѣсть небесное, а я еще осужденъ влечить мою горькую жизнь — и какой еще жребій готовится мнѣ впереди кто знаетъ?»

— Пойдемте, Ваше благородіе! — повторилъ Бурцовъ, взявши на плеча трупъ Матвѣя Петровича. — Вамъ надобно подумать о себѣ: вы сами ранены; смотрите-ка, перевязка сбилась, и начала показываться кровь.

Евгеній съ душою, отягченною думами, почти механически пошелъ въ слѣдъ за Бурцовымъ, утомленный трудами дня, изнуренный раною и потерею крови, и пораженный смертію друга. На берегахъ *Войны* Бурцовъ зарылъ тѣло Матвѣя Петровича. Некогда было ставить памятника: ничто не служило напоми- ніемъ, что тутъ скоронено сердце, любив- шее отечество; сокрытъ человекъ, умер- шій за спасеніе своихъ собратій. На слѣ- дующую весну могила заросла травою, покрылась цвѣтами — и любопытный путешественникъ, можетъ быть, обозрѣ- вая поле битвы, попиралъ ее своими ногами. Ни исторія, ни преданія не со- храняютъ имени, ничѣмъ незамѣтнаго въ толпѣ многихъ; ни современники не знали, ни потомки не будутъ знать не только затерянной могилы, но и самаго сущест- вованія безвѣстнаго защитника отчизны.

Такова - то судьба война, судьба,

служащая образцемъ великаго, святаго
самоотверженія!

ХІІ.

Когда - то Дарій Истаспъ, говорятъ ,
вздумалъ зайти въ наши южныя степи ,
и растерялъ свое войско, гоняясь за Ски-
ѳами. Не одно тысячелѣтіе прошло съ
того времени, а когда новый Дарій при-
шелъ въ тѣ же страны, въ народѣ пробу-
дилось опять старое чувствованіе: пылкая
любовь къ свободѣ выше всѣхъ привя-
занностей къ собственности. Бросили
дома, истребили города, и потянулись
толпами, куда не знали сами, только не

встрѣчать завоевателя съ хлѣбомъ и со-
лью, какъ встрѣчали его по всей Европѣ.

Москва пылала. Зрѣлище московскаго
пожара выше всякаго человѣческаго изо-
браженія. Пусть сгорить одинъ изъ вели-
чайшихъ городовъ въ свѣтѣ — найдется
перо, кисть, которые могутъ удовлетво-
рить самому взыскательному любопыт-
ству. Но здѣсь, въ этомъ грозномъ шумѣ
и разливѣ пламени, въ этомъ громѣ и
трескѣ падающихъ зданій, въ этихъ клу-
бахъ огня и тучахъ дыма — было слы-
шно и видно присутствіе чего-то не-
видимаго, невыразимаго, но поражаю-
щаго душу своимъ страшнымъ величіемъ:
видѣлось, какъ ужасный призракъ, чув-
ствованіе непримиримой ненависти оскор-
бленнаго народа, слышался голосъ гроз-
ной клятвы на вѣчное мщеніе разо-
рителю отчизны!

Въ одной изъ отдаленныхъ частей Мо-
сквы, не имѣя возможности слѣдовать за

армією, оставився Евгений. Не столько раны, какъ сильная потеря крови и душевныя страданія истощили его силы. Съ чувствованіемъ глубокой горести о судьбѣ отечества, и отчаяннаго равнодушія къ собственному положенію, больной и измученный Евгений, лежа подлѣ окна, смотрѣлъ на свирѣпѣвшее въ отдаленіи пламя. Наступила ночь. Все продолженіе улицы освѣтилось заревомъ; вдали слышались звуки барабана, крики людей, но улица была пуста: казалось, все умерло, или притановило дыханіе, въ ожиданіи грядущаго бѣдствія. Отдаленное пламя расширялось и поднималось выше и выше: наконецъ покрытое тучами небо вспыхнуло на семь пространствъ горизонта, и настала страшная, таинственная день безъ ночи, безъ утра, безъ вечера, ночь безъ дня и разсвѣта: время слилось въ одно ужасное явленіе гнѣва Божія на беззаконнаго

угнѣтателя народовъ. Разлившееся море пламени раскалило атмосферу: удушливый зной распространился въ воздухъ. Казалось, огромный вулканъ разверзся въ срединѣ Москвы, и скоро поглотить оконечности города своимъ огнедышущимъ жерломъ. Огненные столпы поднялись до высоты тучъ, и подперли небо своими пламенными челами. Уже ничто не въ силахъ было остановить владычество огня, который мгновенно пожиралъ зданія, выстроенныя въ ками. Наконецъ пожаръ превратился въ пламенную бурю: огненное море взволновалось, пылающіе вихри закружились въ воздухъ, и въ нѣсколько часовъ почти весь городъ слился въ одну горящую массу, въ одно море раскаленной лавы!

Съ каждымъ часомъ огонь подходилъ ближе и ближе къ дому, гдѣ находился Евгеній. Оконечность проспекта уже горѣла. Густой дымъ растилался по

домамъ, пробиваясь во внутренность комнатъ.

Евгеній чувствовалъ приближеніе опасности, но помощи ожидать было не отъ кого: во всемъ домѣ не слышно было ни какого звука человѣческаго. Собравъ послѣднія силы, Евгеній кое-какъ дотащился до сѣней. Ему послышалось, что калитка у воротъ съ шумомъ распахнулась, и кто-то съ величайшею поспѣшностію вбѣжалъ на крыльцо. Евгеній приготовилъ бывшіе при немъ пистолеты.

« Спасите, спасите, ради Бога! » — говорилъ вбѣжавшій въ сѣни незнакомецъ, блѣдный и дрожащій всеми членами. — « Французы, изойте видѣть... »

— Боже мой! Это вы! — вскричалъ изумленный Евгеній.

« Я, я, изойте видѣть! Французы, изойте видѣть, гонятся за мною, чуть не застрѣлили, изойде видѣть... »

— Но чѣмъ могу я вамъ помочь? —

отвѣчалъ Евгеній. — Вы сами видите, что скрыться некуда: домъ скоро загорится!

» Какъ нибудь, Христа ради, — говорилъ въ смертномъ страхѣ купецъ »изойте видѣть« умоляющимъ голосомъ, со слезами на глазахъ.

— Хорошо, возьмите пистолеть!..

» Нѣтъ, нѣтъ! я боюсь его: никогда, изойте видѣть, не бралъ въ руки...«

— Сколько гналось за вами французъ?

» Четверо.«

— Но у страха глаза велики: не показалось ли вамъ вдвое?

» Быть можетъ, изойте видѣть!«

Евгеній, взведя курки, сталъ у воротъ; «изойте видѣть» спрятался за угломъ сарая и изрѣдка выглядывалъ испуганными глазами. Прошло нѣсколько секундъ въ ожиданіи. Страшныя мысли, какъ адская молнія, пробѣжали въ душѣ Евгенія. Ему

представилась горькая минута вѣчной разлуки съ Надеждою, между тѣмъ какъ одна вспышка не многихъ зеренъ пороха могла опять соединить ихъ навсегда. Евгений мрачно посмотрѣлъ на пистолеть, и бросилъ убійственный взглядъ на виновника своего несчастія. Кромѣ Бога и совѣсти, свидѣтелей не было: никто никогда на землѣ не могъ бы открыть свершеннаго преступленія; ни малѣйшее подозрѣніе не имѣло бы здѣсь мѣста, ни какого слѣда не могло быть посреди общаго разрушенія и убійства. Что жъ удерживало руку, готовую подняться?

Евгений внезапно очнулся отъ преступнаго обаянія: грозная вѣчность представала ему съ своимъ неумолимымъ приговоромъ; слабый звукъ пистолетнаго выстрѣла, казалось, превращался въ неумолкаемые вѣчные громы, чтобы свидѣтельствовать предъ лицомъ вселенныя о свер-

шенномъ въ тайнѣ злодѣяніе. Евгений задрожалъ отъ ужаса, что могъ на мгновеніе допустить столь грѣшную мысль.

О Боже! — воскликнулъ онъ съ глубочайшимъ вздохомъ. — Избавь меня отъ искушенія, и даруй, чтобы я...

Начавшійся на улицѣ крикъ отвлекъ его вниманіе. »Отворите! — кричали по Французски — не то, выломимъ ворота!»

— Ломай! — отвѣчалъ Евгений. — Мы встрѣтимъ гостей!

Нѣсколькими ударами прикладовъ вѣхія ворота были сбиты съ петель, съ шумомъ упали, и двое французовъ, вооруженные саблями, вбѣжали во дворъ.

«Теперь все наше — кричали они съ бѣшенствомъ — никому и ничему нѣтъ пощады! Бей, руби, рѣжь! Vive l'Empereur!»

Евгений выстрѣлилъ изъ пистолета, и одного изъ грабителей положилъ на мѣстѣ. Другой выстрѣлъ не былъ столько

удаченъ: пуля прошибла только фуражку на головѣ Француза. Непріятель напалъ на Евгенія, съ саблею въ рукѣ. Евгеній, схвативъ его за руку, удержалъ ударъ, но слабыя силы начинали ему измѣнять. Французъ нападалъ съ яростію: смерть была неизбѣжна.

« Помогите! » — вскричалъ Евгеній, обратясь къ Подушкину; но слабодушный трусъ, забывъ защитника, думалъ только о своемъ спасеніи и перелѣзалъ въ сосѣдній дворъ: « Боже сохрани, изойте видѣть! » — прошепталъ онъ, махнувъ рукою, и скрылся за заборомъ. Еще въ-сколько секундъ Евгеній удерживалъ стремленіе врага, но наконецъ силы его истощились, и онъ упалъ на землю. « Meurs toi! » — вскричалъ въ бѣшенствѣ Французъ, занеся саблю на его грудь. « Боже! умилосердись! » — воскликнулъ Евгеній — и вдругъ невидимая рука, вооруженная оглоблею, нанесла смертельный ударъ по

головѣ торжествующаго непріятеля: облившись кровію, Французъ упалъ безъ чувствъ.

—Кто это?—спросилъ съ изумленіемъ Евгений, поднимаясь съ земли.

«Я, Ваше благородіе!» — отвѣчалъ дворникъ.—Я, вишь, притаился въ сараишкѣ, да и припасъ гостинецъ для нежданныхъ гостей; только выжидалъ времени, какъ бы надежнѣе изловчиться. Теперь надобно прибрать подалше эту некрестъ, да, благословясь, выждать другихъ. Вонъ, въ этомъ домѣ, Гараська, мой племянникъ, ужъ съ пятокъ ихъ окалѣчилъ. Ну вставайте, дьяволы, пойдѣте въ погребъ: тамъ перезимуйте. Окаянные черти! Вишь, въ Москву ползли: вотъ вамъ и Москва!

Счастливо отдѣлавшись отъ нападенія Французовъ, Евгений долженъ былъ спастись отъ пожара, и поспѣшно вышелъ за ворота. По обѣимъ сторонамъ улицы,

дома, объятые огнемъ, въ безконечной перспективѣ, дышали пламенемъ изъ оконъ и дверей, или извергали огненные потоки сквозь провалившіяся кровли: страшная иллюминація, приготовленная для встрѣчи всемірнаго завоевателя! Евгенийъ съ величайшею опасностію долженъ былъ пробираться среди пылающихъ зданій. Чѣмъ далѣе проходилъ онъ, тѣмъ картина дѣлалась ужаснѣе: пламенные вихри рвали кровли съ домовъ, кресты съ храмовъ Божіихъ. Раскаленные металлы текли лавою по улицамъ. Но вънцѣмъ ужасовъ и гибели были злодѣйства неистовыхъ непріятелей. Пьяные и освирѣцѣвшіе, они грабили дома, стрѣляли въ окна, все разрушали и похищали, убивали отцовъ и мужей, безчестили дочерей и женъ. Пораженный ужасомъ, раздираемый жалостію, пылающій мщеніемъ, Евгенийъ забылъ свою бользнь, и страдалъ только

за погибающихъ соотечественниковъ. Зрѣлище общаго бѣдствія, убійства и насилія, затушили въ немъ чувства собственной безопасности. Евгенийъ спѣшилъ, не думая самъ, куда идетъ. Въ такомъ положеніи души, онъ приблизился къ каменному мосту. Пронзительный, раздирающій сердце крикъ поразилъ его слухъ. Евгенийъ бросился на мостъ, гдѣ, убѣленный сѣдинами Священникъ защищалъ, противъ двухъ злодѣевъ, двухъ молодыхъ и прекрасныхъ дѣвушекъ. Кровь лилась съ его чела, но, готовый пасть, онъ еще употреблялъ послѣднія усилія, чтобы удержать изверговъ. «Любезныя дѣти мои!» — вопіялъ старикъ: — «я умираю; спасайте свою честь; о жизни забудьте!» Дѣвушки, въ отчаяніи бросились на разбойниковъ, стараясь помочь отцу, но однимъ движеніемъ руки одного изъ нихъ были съ силою отброшены.

— Боже нашъ! Боже нашъ! — вопили

несчастныя изступленнымъ голосомъ. —
Что намъ дѣлать!

«Умереть!» — вскричалъ отецъ, впившись судорожно сжатыми руками въ лицо одного изъ злодѣевъ.

— Да что съ нимъ возиться! — вскричалъ его товарищъ, выхвативъ саблю изъ ноженъ и ударивъ ею по рукамъ Священника. — Такъ будетъ скорѣе.

Обѣ руки старца отлетѣли отъ туловища; онъ упалъ на мостъ; но едва сохраняя признаки жизни, еще обратилъ глаза на погибающихъ дѣтей. Ихъ уже на мосту не было: видя гибель отца, они съ воплемъ бросились въ рѣку. «Благодарю тебя, Боже!» — прошепталъ старикъ. — «Честь дѣтей моихъ спасена: я умираю спокойно!»

Евгеній слышалъ послѣднія слова страдальца: помощь была уже поздна. Въ изступленіи гнѣва и мщенія, юный воинъ, въ мгновеніе ока, брошена на

одного изъ Французовъ, выхватилъ у него саблю, и раздвоилъ ему голову; другой бѣжалъ: трусость нераздѣльна съ злодѣйствомъ.

Евгеній кинулся къ Священнику, чтобы оказать ему возможное пособіе, но мученикъ уже былъ выше человѣческихъ пособій. Евгеній хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, прибрать окровавленный трупъ, и склонясь къ нему, усмивался поднять его и отнести въ сторону. «Прочь съ дороги!»—раздалось нѣсколько голосовъ на французскомъ языкѣ. Евгеній приподнял голову. Ъхала толпа всадниковъ. Позади ихъ, въ сопровожденіи другой группы, скакалъ на арабской лошади небольшой человѣчекъ, въ капральскомъ мундирѣ времяя революціи. Взоръ его былъ взоромъ ястреба, гонимаго отъ добычи: быстрый и прозительный, но нахмуренный, мрачный, разливающий холодъ и ужасъ. Пламенные бури и ви-

хри гнались за нимъ въ слѣдъ, и осыпали его тучами искръ и застилали облаками дыма. Проскакавъ быстро мимо Евгенія, страшный всадникъ мгновенно окинулъ его своимъ ястребинымъ взоромъ съ ногъ до головы. На Евгеніи былъ военный сюртукъ. «Взять его!» — вскричалъ всадникъ слѣдовавшей за нимъ толпѣ, и бѣшено проскакалъ впередъ.

Евгеній былъ представленъ къ Губернатору Москвы, Мортье.

«Вы русскій офицеръ?» — спросилъ Губернаторъ.

— Да, Ваше превосходительство.

«Для чего вы остались въ столицѣ?»

— За ранами, не могъ слѣдовать за арміею.

«Скажите лучше, что вы остались, чтобы руководить толпою зажигателей?»

— Я сказалъ правду; скажу еще и другую: въ Москвѣ только одинъ зажигатель!

« Кто жъ этотъ злодѣй? »

— Вы его знаете, Генераль!

« Я? »

— Такъ.

« Но кто жъ онъ? »

— Вашъ Императоръ!

« Дерзкій человекъ! Развѣ вы не знаете, что можете лишиться за это головы! »

— Но не чести. Я искалъ уже смерти отъ руки враговъ.

« Я вижу, вы фанатикъ. Вы Русскіе все изступленные. Признайтесь, что жечь свою столицу, жечь прекраснѣйшій городъ въ свѣтъ, есть способъ войны дикой, варварской, давно оставленной въ просвѣщенныхъ націяхъ. Ваши соотечественники все еще — Скифы, какъ замѣтилъ Императоръ.

— Генераль! Независимость отечества для насъ дороже всѣхъ благъ въ мірѣ: скорѣе вся Россія будетъ представлять огромное пожарище, чѣмъ хотѣ одинъ

Русскій преклонить добровольно колѣна предъ врагами отчизны.

Французъ закусилъ губы, и, казалось, думалъ: «завелъ же насъ нашъ великій Наполеонъ въ порядочный омутъ; не скоро выдерешься отъ этихъ чертей.» Однако жъ опять прежняя спокойная мина появилась на лицѣ Губернатора.

«Изъ вашихъ словъ ясно видно» — сказалъ Губернаторъ значительно, — «что и вы въ числѣ зажигателей: вы раздѣляете ихъ чувства; по крайней мѣрѣ готовы при первомъ случаѣ не только одобрить ихъ злодѣйство. . . .»

— Ненависть къ врагамъ и любовь къ отечеству, хотите вы сказать? Не отрицаюсь!

«Послѣ этого признанія участь ваша рѣшена: вы будете разстрѣляны, въ примѣръ прочимъ: такова воля Императора.

— Воля вашего Императора надо мною невластна: приговоръ его есть приговоръ

разбойника, силою ворвавшася въ домъ. Но если угодно было Провидѣнію отдать меня въ ваши руки: я умираю съ охотою за любезную отчизну; вѣрьте, Генералъ, и увѣрьте вашего повелителя, что такъ мыслить каждый Русскій, отъ Царя до послѣдняго крестьянина, и что подобный народъ никогда побѣжденъ быть не можетъ. Въ то время, когда вы, враги наши, произносите намъ смертный приговоръ, судьба уже произнесла приговоръ надъ вами; изъ Россіи выхода болѣе вамъ нѣтъ!

— «Вы въ жару, офицеръ, и потому я прощаю вамъ вашъ бредъ: предъ смертію это простиительно. Но если вы хотите спастись отъ смерти, есть средство.

— Не хочу!

«Подумайте. Дѣло идетъ о благомъ собственнo вашихъ соотечественниковъ.»

— Если это правда, я готовъ васъ выслушать.

«Императоръ не для того пришелъ въ Россію, чтобы ее разорять: онъ принесъ ей миръ и благоденствіе.»

Евгеній захохоталъ язвительнымъ смѣхомъ.

«Слушайте со вниманіемъ. Императоръ, видя, что война принимаетъ варварскій характеръ, разорительный для Россіи, и болѣя сердцемъ о русскомъ народѣ...»

—Генералы! — вскричалъ Евгеній—ради Бога, окончите ваши сожалѣнія, или я умру отъ смѣха.

«Слушайте и молчите. Если хотите умереть: еще успеете. Императоръ»—продолжалъ Мортъе—«душевно желаетъ прекратить это всеобщее разореніе и гибель, столь противныя его милосердому и нѣжному сердцу.»

— Чего желаетъ онъ? Не поджечь ли остальные города Россіи?

« Читайте. Вотъ прокламація къ рус-

скому народу, въ которой ясно сказано, чего хочетъ великій Наполеонъ.»

Евгеній пробѣжалъ глазами поданный ему лоскутъ бумаги. — «Разбойники!» — проговорилъ онъ шепотомъ, стиснувъ зубы. Генераль показывалъ видъ, что не замѣтилъ его негодованія.

«Если вы хотите сберечь жизнь вашу» — сказалъ Мортъе — «жизнь, которая можетъ быть еще полезна для отечества, и въ то же время спасти вашихъ соотечественниковъ отъ напрасной гибели: вы должны перевести эту бумагу на русскій языкъ.»

— Какъ! Вы предлагаете мнѣ за жизнь измѣну!

« Не измѣну, но благо вашихъ Русскихъ.»

— Прикажите вести скорѣе меня на казнь!

«Что вы дѣлаете? Одумайтесь!»

— Ведите!

«Дьявольскія сердца!»—невольно вскрикнулъ Французъ. — «Попались же мы въ логовище медвѣдямъ!»—прибавилъ онъ потихоньку.—«Сумасшедшій Наполеонъ!»

— Ведите меня! — повторилъ Евгений.

Мортъе подалъ знакъ, и благородный юноша былъ уведень, чтобы кончить жизнь отъ рукъ палачей.

Идучи на казнь посреди конвоя солдатъ, Евгений былъ совершенно чуждъ страха смерти: неизъяснимое, небесное чувство самонаслажденія наполняло его восторженную душу; слезы не горести, но умиленія лились изъ его глазъ: «Благодарю Тебя, Творецъ!» — говорилъ онъ съ чувствомъ живой преданности воле Божіей, — «благодарю, что Ты сподобилъ меня умереть за моихъ соотечественниковъ: смерть не страшна мнѣ, потому что Ты пролилъ въ душу мою живую надежду на вѣчное бытіе въ царствіи Твоемъ; тамъ опять я соединюсь съ мо-

имъ добрымъ отцемъ, съ моею милою матерью, которая оставила меня въ самомъ младенчествѣ; со всѣми любезными сердцу, которыхъ оно любило и съ которыми обстоятельства здѣшной жизни меня разлучили...»

Евгеній совершенно погрузился въ область минувшаго: милые образы, незабвенныя минуты дѣтства, неизгладимыя картины родины неслись предъ его воображеніемъ, и мечтательный юноша почти забылъ, какая участь его ожидаетъ чрезъ нѣсколько минутъ... «Спасайтесь!» раздался голосъ посреди конвоя. Огромное обгорѣвшее зданіе съ трескомъ валилось на улицу, и тучи пыли покрыли жертву и ея палачей.

XIV.

Между событіями, описанными въ предыдущей главѣ и происшествіями настоящей, прошло нѣсколько лѣтъ: обстоятельства жизни Евгеніевой въ этомъ промежуткѣ намъ неизвѣстны. Нашъ разсказъ встрѣчаетъ его на пути въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни и бѣдствій отечественной войны, Евгенийъ поѣхалъ, по совѣту Нейвина, искать фортуны: на родинѣ уже для него не было ничего лестнаго. Нейвинъ прислалъ

ему рекомендательное письмо къ одному изъ старыхъ его пріятелей въ Петербургъ.

Евгеній ходилъ съ письмомъ нѣсколь-
ко разъ. Любомова не случилось дома.
Евгеній рѣшился еще побывать однаж-
ды. «Кончено» — сказалъ онъ съ досадою,
получивъ снова отказъ, — «болѣе ни ра-
зу!» — Отойдя далеко отъ дома, Евгеній
вдругъ слышитъ голосъ: «постойте, по-
стойте! Приказали просить!» Легко мо-
гло случиться, что Евгеній пріѣхалъ бы
на лошади: тогда лакей не догналъ бы
его; множество другихъ, обстоятельствъ
могло воспрепятствовать Евгенію въ его
новомъ знакомствѣ, — и отсюда жизнь на-
шего героя потекла бы совершенно дру-
гимъ путемъ. Такимъ образомъ маловаж-
ный случай часто рѣшаетъ судьбу че-
ловѣка!

Любимовъ имѣлъ огромный домъ на Не-
вѣ. Прочитавъ письмо Нейвина, онъ

охотно предложилъ Евгенію квартиру въ своемъ домѣ, и пригласилъ его къ обѣду.

Любимовъ имѣлъ дочь, дѣвушку лѣтъ семнадцати, прекрасную, умную, образованную. Скромность безъ жеманства, благородная свобода безъ вольности, просвѣщенный и точный умъ безъ педантической учености, были отличительными свойствами Ольги. При видимомъ богатствѣ Любимова, многіе, весьма выгодные женихи предлагали ей руку: сердце удерживало Ольгу, и искатели отходили безъ успѣха. Ольга имѣла склонность къ мечтательности. Однажды сказали ей, что пришелъ старикъ, предсказывающій будущее. Высокій, сѣдовласый, съ таинственнымъ взоромъ, колдунъ поразилъ ея воображеніе. Ольга невольно смутилась, хотя по наружности и силилась сохранить спокойствіе. Старикъ значительно посмотрѣлъ ей на руку, провелъ

нѣсколько разъ пальцемъ по своему морщиниватому лбу, и таинственно покачалъ головою. «Ты гадаешь о суженомъ, дитя мое?»—прошепталъ онъ гробовымъ голосомъ.—«Твой суженый прїдетъ изъ далека, волосы русые, лицомъ бѣль, человекъ хорошій и добрый; но будете ли вы счастливы, одному Богу извѣстно»—прибавилъ колдунъ съ глубокимъ вздохомъ.—«Молись, дитя мое, все отъ Бога происходитъ!»

Съ этихъ поръ сердце Ольги наполнилось ожиданіями таинственнаго пришельца; воображеніе разрисовывало его чудесными красками и создало прелестный идеаль, который Ольга уже любила со всею нѣжностію юнаго сердца. Во снѣ и наяву, волшебный призракъ бѣль всегда ея неразлучнымъ спутникомъ.

Въ такомъ состояніи находилась душа Ольги, когда Любимовъ, въ присутствіи ея, объявилъ своей женѣ, что прїехалъ

изъ Сибири воспитанникъ Нейвина, что онъ звалъ его обѣдать, и обѣщала квартиру въ своемъ домѣ Ольга вспыхнула и невольно затрепетала. «Что съ тобой дѣлается?»—спросилъ отецъ, удивленный ея переменною.

— Признаюсь, батюшка, — говорила смущенная Ольга: признаюсь, неприятно каждую минуту встрѣчать сторонняго человека...

«Вздоръ ты говоришь!»—сказалъ серьезно Любимовъ. — «Надобно всегда такъ себя вести, какъ будто цѣлый свѣтъ насъ видитъ.»

Наступило время обѣда. Ольга чувствовала невольное смятеніе, которое не въ состояніи была прогнать ни какими размышленіями. «Что за пустяки!»—говорила она сама себѣ. — «Чего я боюсь? Мало ли къ намъ пріѣзжало, мало ли жило у насъ людей? Развѣ и этотъ не также можетъ пріѣхать и опять уѣхать?

Развѣ непременно онъ долженъ быть моимъ женихомъ? Развѣ непременно мы должны одинъ другому понравиться? Развѣ не можетъ быть, что пріѣхалъ какойнибудь уродъ, на котораго мнѣ не захочется и взглянуть? Словомъ, пустяки, вздоръ; не буду болѣе объ немъ думать! Что за сумасшествіе бояться и робѣть? Богъ знаетъ чего и кого?... Рѣшено! Пойду лучше займусь работою!... Чу! колокольчикъ! Это долженъ быть онъ!» — вскричала Ольга въ смятеніи, и побѣжала будить отца, который имѣлъ обыкновеніе спать передъ оѣвдомъ. — «Батюш...!» Но она опомнилась. — «Что я дѣлаю? Съ чего я взяла, что это пришелъ онъ?»

Между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ пришелъ Евгений. Смятеніе Ольги достигло до высочайшей степени; она перебѣгала изъ комнаты въ комнату безъ всякой цѣли; бралась за то и за другое, совершенно

безъ всякаго намѣренія. Лице ея горѣло; сердце пылало. Едва, мелькомъ, осмѣлилась она взглянуть на Евгенія: но этого было достаточно, чтобы участь ея рѣшилась. Благородная, задумчивая физіономія Евгенія твердо вѣззалась въ ея воображеніе. «Это онъ!» — сказала ей сердце, и чуть не сказали уста. Не бывъ въ силахъ скрыть невольный трепеть, во все продолженіе обѣда Ольга не смѣла болѣе взглянуть на Евгенія: ей казалось, что предъ нею явился могущественный духъ, который подавилъ, уничтожилъ ея слабое существо.

Но что дѣлалось въ это время съ Евгеніемъ? Не почувствовалъ ли онъ также какой нибудь перемены въ своемъ сердцѣ? И на него не сдѣлала ли Ольга какого либо впечатлѣнія? Неужели вѣчная любовь, въ которой онъ клялся своей Надеждѣ, вдругъ исчезла? Неужели пламень ея, столь ярко и сильно горѣв-

шій въ душѣ его, потухъ мгновенно? Къ несчастію, мы живемъ въ такія времена, когда самый длинный срокъ вѣчной любви два, три года — и то еще слава Богу! Иногда мѣсяць, два! Пламень любви не есть уже тотъ постоянный, неугасаемый, пламень плавильныхъ печей, какимъ во времена оны пылали Роланды и Донъ-Кихоты! Увы, это минутный потѣшный огонь, мгновенный метеоръ, который столь же скоро потухаетъ, какъ и загорается! Правда, къ сердцу Евгенія нельзя было вполнѣ приложить этого правила; но кто жъ, скажите, изъ сыновъ Адамовыхъ можетъ похвалиться рѣшительною побѣдою надъ страстями? Сверхъ того войдите благосклонно въ положеніе бѣднаго молодого человѣка: уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ обожаемая имъ дѣвушка вышла за другаго: гдѣ же взять постоянства на столь продолжительное время? Ска-

зять откровенно, потерявъ Надежду, Евгений чувствовалъ несносную пустоту въ своемъ сердцѣ: тутъ остались одни рамки, а портретъ выпалъ; надобно было непременно вставить чей нибудь ликъ; до сего времени ничье лице не приходило въ мѣру, а теперь, пусть не прогнѣвается Надежда Алексѣевна: ея вакансія уже почти замѣщена!

Съ каждымъ обѣдомъ Ольга дѣлалась смѣлѣе; почаще взглядывала на своего могущественнаго духа и ясно разсмотрѣла, что онъ былъ плоть и кровь, или, лучше сказать, кровь съ молокомъ. Въ свою очередь Евгений съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обращалъ вниманія на Ольгу. Сперва было умничалъ, не хотѣлъ видѣть, что происходило въ его сердцѣ, таился отъ себя, и стараясь быть правымъ предъ собственной совѣстью, въ то же время допускалъ въ своемъ сердцѣ новое чувство, украдкою наслаждался его

восторгами и старался скрыть отъ себя и отъ людей, какъ величайшую святиню.

Евгеній познакомился съ домою Любимова въ Великій постъ. Во все продолженіе семи недѣль, семейство Любимова сохраняло самое строгое благочиніе: пѣсни и танцы были запрещены подъ строжайшимъ взысканіемъ; даже фортепіано запиралось крѣпко на-крѣпко, и ключъ хранился у самого хозяина. За то, когда наступалъ первый день Пасхи, въ благочестивомъ семействѣ Любимова было истинное торжество: религіозная радость смѣшивалась съ удовольствіемъ разрѣшенія многихъ наслажденій, запрещенныхъ во время поста. Въ вечеру съѣзжались родственники и коротко знакомые раздѣлить общій праздникъ добрыхъ христіанъ. Въ чистотѣ сердца, пожилые радостно поздравляли другъ друга, обнимались, веселились, пѣли; мо-

лодые рѣзвились, танцовали. Арестованные звуки музыки весело и шумно вылетали изъ заключенія, и разливались по освѣщеннымъ и убраннымъ комнатамъ. Всѣ были довольны и счастливы; на всѣхъ лицахъ были написаны умиле- ніе и восторгъ. Такъ-то праздновали Пасху наши отцы и дѣды, а мы, мы-то что? Увы! Иностранные обычаи охлади- ли въ насъ соблюденіе наружныхъ обра- довъ благочестія, а съ ними потеряли мы и внутреннія наслажденія, приобретаемыя токмо необходимыми лишеніями. Веселясь и роскошествуя цѣлый постъ, мы уже не радуемся празднику свѣтлому, какъ бывало встарь: для насъ круглый годъ — праздникъ, но праздникъ темный, чувственный, сопровождаемый охлажде- ніемъ сердца и тайною тоскою души!

Въ первый день Пасхи гости никогда не сидѣли долго. По разѣздѣ ихъ, въ гостиной осталась одна Ольга, играя лю-
часть II. 6

бимый свой польскій, Огинскаго. Фантастически-унылые звуки, извлекаемые прекрасною дѣвушкою, казалось, изъ глубины души ея, таинственно лились прямо въ сердце молодаго мечтателя: все минувшее предстало, въ полной жизни, его глазамъ. Евгенийъ видѣлъ ясно картины милаго дѣтства, когда встрѣчалъ Пасху подъ кровомъ родительскаго дома. Длинный рядъ событій послѣдственно развивался предъ его памятью. Отецъ, Надежда, Нейвинъ постепенно проходили предъ его воображеніемъ. Но что сдѣлалось съ Ольгой? Отъ чего лице ея такъ же подернулось печальною думой? Отъ чего на ея рѣсницѣ повисла чистая, какъ кристалъ, блестящая, какъ алмазъ, одинокая слеза? «Онъ несчастливъ!»—думала Ольга, замѣтивъ горесть Евгения.—«Онъ здѣсь одинъ: все милое сердцу отъ него далеко; никто не придетъ разделить съ нимъ его горести, утѣшить его печали.

О если бы я могла..!» Взоры ихъ встрѣтились: сколько краснорѣчія, сколько сладости, сколько жизни было въ этихъ встрѣтившихся взорахъ! Евгенийъ видѣлъ открывавшееся небо, видѣлъ на мгновение, но мгновение небеснаго блаженства не дороже ли печальной вѣчности? Пламенный юноша готовъ былъ броситься на колѣна предъ своимъ божествомъ, но вы знаете, что на колѣна бросаются только въ романахъ. За то съ этой минуты, всѣ мысли, всѣ чувствованія Евгения, каждое мгновение жизни были посвящены Ольгѣ. Если по временамъ еще возникали въ душѣ его воспоминанія о Надеждѣ, то онѣ были уже тусклые, безотчетные очерки, исчезающіе въ блескѣ настоящихъ чувствованій. Евгенийъ видѣлъ здѣсь явное предопредѣленіе Неба, можетъ быть потому, что человекъ всегда хочетъ увидѣть тамъ высшую волю, куда стремятся его собственныя желанія.

Въ Маѣ, семейство Любимова перешло на дачу, бывшую на р. Карповкѣ. Хорошая Карповка! ты была свидѣтельницею лучшихъ годовъ жизни незабвенной Ольги! Въ младенчествѣ ея, ты забавляла ее своими разливами, весело втекала во дворъ мирною, ласковою струею, въ которой беззаботный ребенокъ любилъ полоскать свои руки. Въ отрочествѣ Ольги, ты берегла ее на своемъ дружескомъ лонѣ, когда въ утломъ челнокѣ, рѣзвая дѣвочка, въ кругу подругъ, спускалась въ тѣ волшебныя мѣста, гдѣ, протекая мимо обширныхъ садовъ, подъ тѣнистымъ навѣсомъ ивъ, ты не охотно расстаешься съ своими тихими берегами, чтобы слиться съ шумною Невою. Въ юности нашей красавицы, ты, о Карповка! была единственною свидѣтельницею: первыхъ чувствованій, первыхъ трепетаній молодого сердца; сладостѣйшія ощущенія юной души раскрылись при твоихъ скуд-

ныхъ водахъ, когда, освѣщенная луною, ты катила ихъ украдкою отъ жестокосердыхъ дровяниковъ, безжалостно запруживающихъ твое живописное ложе!

Дача Любимова была старинной русской постройки: во всю длину деревяннаго двухъ-этажнаго дома, сгорбившагося отъ лѣтъ и непогоды, проходила узкая галлерей, съ двумя крыльцами, на дворъ, чистый, довольно обширный и покрытый по мѣстамъ травою. Садъ былъ также довольно большой, густо заросшій деревьями. Въ числѣ ихъ были особенно замѣчательны высокія березы, свидѣтели многихъ поколѣній семейства Любимова. Подъ навѣсомъ ихъ молодые выросли и состарѣлись, старики отжили и отошли подъ вѣчныя сѣни смерти. Сладкое и горькое вмѣстѣ чувствоваіе возставало въ душѣ Ольги, когда въ послѣдующіе годы, съ сердцемъ грустнымъ, утратившимъ много милыхъ и незабвенныхъ

существо, приходила сюда печальная сирота сътовать въ кругу молчаливыхъ друзей прежняго времени, сътовать о быломъ и вѣчно-пмятномъ сердцу!

Зима загоняетъ людей въ дома, а лѣто выводитъ ихъ, такъ сказать, на свѣжую воду. Не только дома, но и сердца, съ наступленіемъ тепла, дѣлаются откровеннѣе: жизнь, разливающаяся въ воздухъ, магически проникаетъ въ существо души: сердце пламеннѣе любитъ, воображеніе живѣе предается впечатлѣніямъ, разумокъ менѣе имѣетъ твердости удерживать порывы, страстей. Такимъ образомъ, по перевѣздѣ на дачу, Евгенийъ и Ольга съ одной стороны имѣли болѣе случаевъ встрѣчаться: на галларей, на дворъ, въ саду; съ другой, менѣе могли скрывать взаимныя чувствованія. Любовь ихъ становилась жарче съ каждымъ приблизительнымъ движеніемъ солнца: въ Іюль она была уже въ сво-

емъ периферіи. Между тѣмъ, кто не знаетъ стариннаго замѣчанія, изъ сокровищъ мудрости приснопамятнаго письмовника, что любовь и кашель суть двѣ вещи, которыхъ невозможно скрыть отъ другихъ? И потому-то всѣ почти въ домѣ Ольги, не исключая и самихъ родителей, замѣчали ея любовь къ Евгению и привязанность къ ней молодого гостя; но можно было также замѣтить, что привязанность Ольги къ Евгению не была противна ея родителямъ, хотя благо-разуміе и приличіе заставляли ихъ молчать и предоставить развязку времени. Лѣта научаютъ терпѣнію; безпокойная торопливость есть свойство юности, свойство кипучей крови и трепещущаго сердца. Сейчасъ мы увидимъ доказательство.

Ольга имѣла брата. Хорошо образованный, добрый сердцемъ, пылкій душой—Леонидъ нашель въ Евгениѣ отпечатокъ

собственныхъ свойствъ, и полюбилъ его искренно съ перваго свиданія. Леонидъ также страдалъ объ одномъ небесномъ существѣ. Вы знаете, любовь слѣпа; потому было простиительно Леониду не замѣтить, что его небожитель и ангель красоты былъ выше своего обожателя тремя вершками, и что передніе зубы... но что о зубахъ! Не въ зубахъ дѣло! Зубы, носъ, губы — дѣло побочное въ любовныхъ казусахъ; одни глаза! Ахъ дайте намъ глаза, глаза — зеркало души и органъ любви! Къ сожалѣнію, прекрасные глаза достопоклоняемаго божества Леонидъ видалъ одинъ разъ въ году — за Пасхальной заутреней. Предчувствуя годовой актъ свиданія, Леонидъ всегда надевалъ мундиръ, и являлся къ владычицѣ сердца, чинъ чиномъ, въ полной формѣ! Ахъ годы, годы юности — смѣшные годы, невозвратные, незабвенные годы!...

По переездѣ Евгенія въ домъ Любимова,

Леонидъ въ первую вечернюю бесѣду ввелъ Евгенія во всѣ тайнства своей страсти. Евгеній, какъ уже мы знаемъ, былъ и самъ въ любовныхъ дѣлахъ не послѣднимъ чудакомъ, но видѣлъ, что непорочность любви Леонидовой была доведена до нес plus ultra. Довольно сказать, что Леонидъ боялся даже пройти по улицѣ, гдѣ обиталъ его идолъ. Евгеній, рѣшась помочь горю своего друга, едва однажды силою протащилъ робкаго любовника мимо дома его возлюбленной. Леонидъ не шелъ, упирался: точно страшился, чтобы перуны Неба не поразили его за страшное святотатство. Много было забавнаго въ младенческомъ страхѣ Леонида; за всѣмъ тѣмъ, минута рѣшимости была одна изъ прекраснѣйшихъ въ его жизни, до самыхъ позднихъ лѣтъ. Подите же толкуйте послѣ этого: что такое счастье!

Откровенность за откровенность. Лео-

нидъ, разказавъ Евгению свои любовныя тайны, естественно долженъ былъ ожидать равнаго признанія. Старые казусы Евгениевой жизни не удовлетворяли его любопытства: Леонидъ видѣлъ новый пламень въ груди своего знакомца, и хотѣлъ раскрытія настоящихъ чувствъ его сердца. Для Евгенія это не легко было сдѣлать: здѣсь была самая чувствительная струна его судьбы. Евгенийъ зналъ, что аккордъ ея, однажды раздавшійся, могъ умолкнуть только съ послѣднимъ звукомъ его жизни. Евгенийъ отмалчивался, покуда сердце было еще въ его распоряженіи; но пришла весна, *пора любви, пора страстей*: сердце сбросило узду разсудка, и жребій Евгенія рѣшился.

Въ одинъ воскресный день, въ Июль послѣ обѣда, Евгенийъ и Леонидъ прогуливались по саду. Погода была ясная и жаркая, но садъ былъ тѣнистъ и про-

хладенъ: благорастворенная теплота воздуха располагала сердце къ изліянію нѣжныхъ чувствованій. Леонидъ опять повторилъ краткую исторію своей любви, раздѣлявшуюся на нѣсколько пасхальныхъ эпохъ; Евгенийъ въ свою очередь потѣшилъ его нѣсколькими періодами изъ своего стараго романа.

«Послушай, Евгенийъ!» — сказалъ весьма серьезно замѣтно огорчившійся Леонидъ. — «Я тебѣ раскрылъ все свое сердце, всѣ сокровеннѣйшіе помыслы своей души, а ты не такъ!»

— Боже мой! что я могу еще тебѣ прибавить, — отвѣчалъ смутившійся Евгенийъ. — Кажется, съ самаго перваго вечера я тебѣ пересказалъ всѣ до послѣдней, съ позволенія сказать, глупости.

«Но это все старое!»

— Если нѣтъ новаго, такъ по неволѣ должно довольствоваться старымъ дурничествомъ!

«Нѣтъ новаго!» возразилъ Леонидъ, пристально взглянувши въ глаза Евгению.
«А если есть?»

Надобно предупредить читателя, что аллея, по которой прогуливались молодые пріятели, кругомъ обходила по всему саду, касаясь бокомъ площадки, на которой красовались знаменитыя березы, выше нами описанныя. Слова: «если есть» были произнесены вблизи березовой рощицы. Отвѣтъ Евгениа былъ сказанъ, когда разговаривающіе прошли далѣе. Площадка подъ березами была любимымъ мѣстомъ уединенія Ольги. На ближнемъ заборѣ давнымъ давно домашній Рафаэль изобразилъ гулянье на Крестовскомъ острову. Толстый Нѣмецъ, съ двумя стаканами въ рукѣ, отчаянно наполнялъ пивомъ свой огромный желудокъ. Смотря на Нѣмца, стоялъ съ видомъ изумленія разнощикъ. Въ сторонѣ русскіе мужички пѣли веселыя пѣсни, подъ кото-

рыя два полупьяные купца плясали въ присядку. На дальнѣйшемъ планѣ охотникъ подстрѣлилъ журавля; далье... Но, кажется, этого уже довольно, чтобы судить объ игривомъ и плодовитомъ воображеніи затѣливаго живописца.

Ольга выросла при глазахъ толстаго Нѣмца, пѣсенниковъ и плясуновъ: всѣ они были ей знакомы съ младенчества, и дѣтское воображеніе придавало имъ бытіе и существенность; ребенку казалось, что всѣ они были живые: Нѣмецъ вѣчно пьетъ пиво; разнощикъ вѣчно дивится; другіе вѣчно поютъ и пляшутъ. Бывало, когда Ольга, въ лѣтахъ дѣтства, переѣзжала на дачу, то первая ея забота была сбѣгать въ садъ посмотрѣть: что дѣлаютъ ея любезные знакомцы; по прежнему ли здоровы и веселы. Впечатлѣнія дѣтства съ годами стали измѣняться и тускнеть; фигуры болѣе и болѣе теряли дѣйствительность жизни; оча-

рованіе, наконецъ, исчезло: за то Ольга смотрѣла, потомъ, на знакомыя изображенія, какъ на драгоценныя памятники беззаботнаго младенчества, когда сердце было еще чуждо тревожныхъ чувствованій любви; не было знакомо съ недугами отчаянія и надежды; не страдало мучительнѣйшею болѣзнію ожиданій и опасеній. «Да!» — думала Ольга, безотчетно смотря на постоянную веселость давнишнихъ пріятелей: — «вы все по прежнему довольны и радостны, а я?... Боже Великій! Что дѣлается съ моимъ сердцемъ? Куда дѣвалось спокойствіе дѣтства? Зачѣмъ я допустила вкрасться въ мою душу этому безумству?... Чего могу я ожидать? Почему я льщу себя надеждою, что Евгенийъ меня любитъ? Нѣсколько взглядовъ, въ которыхъ, можетъ быть, мое собственное воображеніе замѣтило небывалые признаки сердечной страсти, нѣсколько взглядовъ —

и я уже увѣрилась.... Безумная!... увѣрилась въ его ко мнѣ любви. А онъ, можетъ быть, вовсе не думаетъ обо мнѣ; можетъ быть любить другую; можетъ быть, втайнѣ смѣется надъ моею глупостію.... Боже мой! Боже мой! Грудь моя тѣснится; сердце дрожить!..»

Ольга сидѣла въ раздумьи, механически вперивъ взоры на описанныя изображенія. Дума ея заключилась въ самой себѣ, сосредоточилась въ одну мысль, въ одинъ роковой вопросъ: «любить или не любить?» Шумъ шаговъ вывелъ ее изъ забытъя. Услышавъ голосъ брата и Евгенія, Ольга невольно вздрогнула: казалось, они застали въ распахъ ея мысли, казалось подсмотрѣли тайну ея сердца. Ольга не знала, что дѣлать. Идти ли на встрѣчу имъ или остаться на прежнемъ мѣстѣ. Пока мѣстѣ колебалась ея рѣшимость, Леонидъ и Евгеній прошли мимо. По робости ли влюбленнаго сердца

по врожденному ли женщинамъ любопытству — не скажу навѣрное, но Ольга осталась за березами, и отъ времени до времени слышала отрывки разговора. Она повяла, о чемъ шло дѣло, и послѣдній вопросъ брата возбудиль въ высочайшей степени ея любопытство. Вся она, говоря языкомъ нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, превратилась въ слухъ и вниманіе: горѣла желаніемъ услышать роковой отвѣтъ, и страшилась его услышать. Отвѣтъ исчезъ вдали; но Ольга видѣла, что Евгенийъ, въ сильномъ смущеніи, схватилъ руку Леонида и крѣпко, крѣпко сжалъ ее. Съ этимъ вмѣстѣ молодые пріятели вышли изъ сада; Ольга, устремивъ взоры влѣдъ за ними, осталась нѣсколько минутъ неподвижною: туда скрылась ея будущая участь, жизнь сердца, роковой вопросъ: «быть или не быть?» Быть, быть! — говорило сердце — жалкое, чудное сердце,

которое часто въ самое послѣднее мгновеніе казни, когда поднята надъ головою смертная сѣкира, еще обольщаетъ себя ложными надеждами. «Быть!» — говорило сердце. — «Онъ тебя любитъ, Ольга, горячо любитъ. Если бы не любилъ, то что же бы значило его смущеніе? Отъ чего бы онъ схватилъ руку Леонида? Любитъ, разувѣлся, любитъ! О какъ счастлива я!» — думала Ольга. — «Какое блаженство любить, и быть любимымъ! Какое небесное наслажденіе!... Въ это время Евгенийъ и Леонидъ опять вошли въ садъ съ трубками во рту, пуская густые клубы дыма. Проваль возьми Америку, Коломба, всѣхъ табачныхъ и сигарочныхъ фабрикантовъ: вотъ истинные враги всякой поэзіи, всякаго нѣжнаго чувства, всякихъ восторговъ и изступленій! Въ тучахъ табачнаго смрада угасаетъ дѣятельность ума и сердца; лица вытягиваются, физиономія дере-

нѣтъ; самое слово, живое слово, небесный даръ и неоцѣненное сокровище челоуѣка, мертвѣеть и умолкаетъ; разумъ тупѣеть и останавливается; понятія гаснутъ, и безжизненная беспечность овладѣваетъ тѣломъ; на языкѣ Христіанскомъ нѣтъ выраженія этому безсмысленному состоянію души, кромѣ слова, перенятаго у варваровъ, бусурманскаго слова: *кейфъ!*

Дѣлая кейфъ, Евгенийъ и Леонидъ сидѣли, какъ нарочно, предъ глазами Ольги. Сначала, вмѣстѣ съ клубами дыма, вылѣтало изъ устъ ихъ, по нѣскольку односложныхъ словъ, перемѣшанныхъ съ пуфами, а потомъ разговоръ вовсе прекратился, языкъ и чувства ихъ онемѣли. Жестокосердые молчали, какъ гробы, молчали, когда душа Ольги готова была излиться въ море словъ и вопросовъ; когда въ сердцѣ ея бушевала страшная буря разнородныхъ чувствованій; когда

наступила роковая минута рѣшенія судьбы: жизнь или смерть? О варвары! они продолжали нѣмотствовать, какъ могла, какъ вѣчная ночь. Что оставалось сдѣлать Ольгѣ! Бѣжать, бѣжать на край земли, въ дикую Аравійскую пустыню, бѣжать отъ коварнаго свѣта и злобныхъ людей! Обиженная дѣвушка, въ полной рѣшимости оставить ненавистный міръ, съ досадою вышла изъ-за березъ, холодно поклонилась Евгению, и прошла прямо въ свою комнату, чтобы излить тамъ на просторѣ справедливое свое негодованіе на брата и на любовника. Къ счастью Евгенія, Ольга не умѣла долго сердиться: сердце ея было мягко, какъ воскъ; да и кто изъ насъ, скажите по совѣсти, кто могъ долго сердиться на того, кого сердце единожды полюбило навсегда?

Весь день, однако жъ, Ольга старалась держать Евгенія въ почтительномъ отдаленіи: во все продолженіе обѣда не толь-

ко не сказала ему ласковаго слова, но даже не взглянула, на него. Каково? не взглянула, тогда какъ Евгеній, забывая всякое приличіе (когда бѣда надъ головою, некогда думать о приличіяхъ), забывая всякую благопристойность, глядѣлъ на жестокосердную, какъ помѣшанный, глядѣлъ во всё глаза, не смѣя мигнуть, чтобы не пропустить какъ нибудь божественнаго луча, истекающаго изъ очей возлюбленной — изъ очей неизчерпаемаго источника наслажденія! А она — о бездна злополучія и бѣды! — а она хоть бы нарочно мелькнула своимъ взоромъ — мелькнула, чтобы сколько нибудь прояснить глубокую и вѣчную ночь, которая начала сгущаться около несчастнаго любовника. Съ грустнымъ сердцемъ побрелъ онъ домой, и почти рѣшился не ходить болѣе на дачу: «въ любви мнѣ нѣтъ счастья!» — думалъ Евгеній. — «Да и какъ любить Ольгу бѣд-

няка, который, по милости отца ея, пользуется уголкомъ въ его домъ? Съ моей стороны вся эта любовь — глупость, отъ которой пора бы мнѣ уже излѣчиться. Рѣшено! Не стану болѣе ходить на Карповку, и переѣду на свою квартиру; запрусь, какъ монахъ; загражу сердце отъ всякихъ обманчивыхъ впечатлѣній, и посвящу жизнь свою только службѣ и Богу.» Но покаместъ Евгений отыскивалъ квартиру, чтобы запереться въ ней отъ непостоянства людей и страстей собственного сердца, случилось съ нимъ одно важное происшествіе, которое опять возвратило свѣту отчаяннаго отшельника.

XV.

Евгеній занималъ въ домѣ Любимова маленькую комнату, въ нижнемъ этажѣ. Въ одинъ день прѣѣхала Ольга съ матерью въ свою городскую квартиру, бывшую въ верхнемъ этажѣ. Между тѣмъ, какъ мать оставалась вверху, Ольга сошла внизъ. Невидимая сила остановила ее передъ дверью, гдѣ жилъ Евгеній. Странное дѣло, дверь была ни сколько не любопытна, не бронзовая, не позолоченная, тѣмъ болѣе не магнитическая,

самая простая деревянная дверь, весьма обыкновенной столярной работы, а, вотъ подите, Ольга стояла передъ нею, какъ вкопаная: не могла двинуться ни на шагъ въ сторону, ни даже отвести глазъ отъ очарованнаго ключа: что-то невидимое и могучее побуждало ее взяться за волшебную ручку; что-то сверхъестественное и чудное шептало ей въ уши: «отвори дверь, загляни въ комнату;» что-то сладкое и обольстительное твердило сердцу: «тамъ живетъ твой другъ, твой любовникъ; тамъ сирота проводитъ одинокій свои печальные дни; груститъ о минувшемъ; и, быть можетъ, страдаетъ и мучится огорченный твоею безразсудною жестокостію.» Мы не окончили бы, если бы стали рассказывать все, что происходило въ душѣ Ольги. Мысли и чувствованія били ключемъ, сердце трепетало, какъ подстрѣленный голубь, грудь стѣснялась; взоры пламенѣли; волшебная

дверь покрылась всеми прелестями очарованія: блистала, какъ алмазь, свети-лась, какъ лучъ солнца. Можно ли было не войти во святилище, гдѣ обитало неизреченное блаженство; въ святилище, гдѣ.... Ольга, наконецъ, протянула неволью ручку, повернула заколдованный ключъ, отворила волшебныя врата, и вошла въ свѣтлую область любви: земной рай былъ не великъ, состоялъ изъ одной комнаты едва болѣе квадратной сажени; два плохихъ стула и некрашенный кухонной столъ составляли все украшеніе этого эдема! «Да!» — подумала неволью Ольга. — «Не роскошно живетъ мой возлюбленный. Но тѣмъ лучше» — прибавила она «— тѣмъ лучше: онъ бережливъ, благоразуменъ.» На столъ былъ поставленъ приборъ, и на блюдечкѣ лежали два огурца, приготовленные къ обѣду. Какъ не посидѣть на стулѣ, гдѣ удостоиваетъ иногда возсѣдать божество сердца,

радость очей и утѣшеніе жизни? Ольга съѣла подлѣ стола. Пріятно, очень пріятно! Ольга съ умиленіемъ глядитъ на огурцы. «Не съѣсть ли одинъ изъ нихъ?» — подумала Ольга, какъ истинная дочь праматери Еввы. — «Не съѣсть ли? а? Ахъ, Боже милосердый! какъ долженъ быть сладокъ этотъ огурецъ! Онъ приготовленъ для моего милаго, драгоценнаго Евгенія! Съѣмъ, такъ и быть съѣмъ!...» Нѣтъ, не ѣшь, Ольга — шепталь разсудокъ — не ѣшь: ты вступаешь тѣмъ въ близкую связь съ постороннимъ молодымъ человѣкомъ; подаешь ему право самому на фамилярность въ обращеніи съ тобою; разрушаешь преграду приличія, толь крѣпко ограждающую твою честь и добродѣтель: не ѣшь, Ольга! — повтораль разсудокъ. «Вздоръ, вздоръ» — напѣвало сердце. — «Отвѣдай, какъ сладокъ этотъ огурецъ, какъ пріятенъ для вкуса и обонанія, онъ приправленъ не-

бесными сладостями нѣжнѣйшей любви. Съѣшь, Ольга! ты заключишь этимъ неразрывную связь съ существомъ, преданнымъ тебѣ навѣки!...» Кого изъ двухъ послушала Ольга? — Сердца. Съѣла таинственный огурецъ, вкусила отъ древа познанія добра и зла; съѣла, и тогда только почувствовала, что поступила безразсудно; вспыхнула, и стремглавъ выбѣжала изъ комнаты. Вдругъ ей представилась во всей ясности мысль, по свойству своему весьма естественная, но которая, однако жъ, до того времени, какъ нарочно скрывалась гдѣ-то, мысль: «а что если узнаетъ о моемъ поступкѣ Евгений? Что онъ подумаетъ обо мнѣ?» Ольга стыдилась самой себя, страшилась взглянуть на мать, какъ будто опасаясь, чтобы она не прочитала на лицѣ сдѣланной ею глупости, во всю дорогу не сказала ни слова, и оставалась въ ужасномъ безпокойствѣ и смущеніи, по-

камѣсть Евгеній опять не явился на дачу.

По приходѣ его, Ольга долго не рѣшалась выйти: ненавистный огурецъ безпрестанно представлялся ея воображенію. «Ахъ, Боже мой! — думала Ольга — что, если Евгеній узналъ о моемъ дурачествѣ? Какими глазами будетъ на меня смотреть? Какъ осмѣлюсь я сама взглянуть на него? Что мнѣ дѣлать? Нѣ притвориться ли больной?»

— Олинька? — послышался голосъ Любимова. — Поди сюда!

«Я...» — хотѣла сказать Ольга: — «я не такъ здорова,» но не рѣшалась выговорить этого, запиналась, медлила.

— Олинька! — повторилъ Любимовъ нѣсколько строгимъ голосомъ.

«Сей-часъ, Папенька!» — вскрикнула Ольга, совершенно растерявшись.

Любимовъ сидѣлъ съ Евгеніемъ. Ольга вышла: лице ея горѣло, какъ вечерняя

заря; глаза блистали безпокойнымъ огнемъ. Кланяясь Евгению, бѣдная дѣвушка невольно взглянула на него, но не видала ничего, кромѣ убійственнаго огурца. Евгенийъ догадывался о шалости Ольги, но еще колебался вѣрить словамъ своего лакея: смущеніе Ольги увѣрило его въ истинѣ. Евгенийъ воскресъ духомъ, и за небесную радость, разлившуюся въ его сердце, готовъ бы былъ отдать всѣ огуречные огороды цѣлаго міра.

« Прикажи подать намъ позавтракать, — сказалъ Любимовъ. — Да, что ты, здорова ли?»

— Здорова Папечка! — наскоро проговорила Ольга, и проворно ускользнула въ двери.

« И такъ она меня любитъ! — думалъ Евгенийъ, разсѣянно отвѣчая на вопросы Любимова.

— Какая прекрасная погода стоитъ у насъ! — говорилъ Любимовъ.

«Да-съ! немного сыровата!» — отвѣчалъ Евгений. — «О какъ я теперь счастливъ!» — думалъ онъ.

— Помилуйте, Евгений Ивановичъ, какъ сыровата: цѣлый мѣсяцъ *засуха!*

«Ахъ, Боже мой, я не то хотѣлъ сказать. Все нынѣшнее лѣто стоитъ постоянный жаръ... (Какъ она мила! Какъ прелестна! Могъ ли я подумать...?)»

— Нельзя сказать: все; развѣ вы забыли, какіе холодные вѣтры дули въ Маѣ, а Іюнь былъ почти весь дождливый.»

— Точно такъ, но я хотѣлъ...

«Я замѣчаю, Евгений Ивановичъ, вы сегодня не въ своей тарелкѣ. Пойдемте въ кабинетъ: авось либо мнѣ удастся разогнать ваше разсѣяніе.»

Любимовъ и Евгений ушли въ кабинетъ, и заперли дверь на замокъ; говорили очень долго, большею частию шопотомъ. О чемъ? Ольга отдала бы поло-

вину жизни за одно слово: живое предчувствіе говорило ей, что рѣшается ея судьба. Мы не беремъ описывать состояніе ея души: положеніе влюбленной дѣвушки, въ минуту просвѣтлѣнія, выше нашего искусства.

Ольга безъ мысли, чуть не безъ дыханія сидѣла, устремивъ глаза на таинственную дверь кабинета. Наконецъ, въ кабинетъ послышался шорохъ стульевъ: Ольга вздрогнула, опомнилась и отвернулась къ окошку. Но когда Любимовъ и Евгенийъ вышли изъ кабинета, не скрылось отъ ея вниманія, что на глазахъ ихъ были слезы, и Евгенийъ взглянулъ на нее, съ такою нѣжностію, съ такою сладостію, что во взорахъ его было ясно выражено: «теперь ты моя!»

Въ самомъ дѣлѣ Любимовъ имѣлъ объясненіе съ Евгениемъ объ Ольгѣ. Любимовъ, какъ мы сказали выше, видѣлъ его расположеніе къ своей дочери, и за-

мѣчая, что взаимная привязанность молодыхъ людей съ каждымъ днемъ идетъ далѣе, рѣшился, какъ благоразумный отецъ, положить предѣлъ усиленію страсти. Мысль его была: если Евгенийъ не изъявитъ рѣшительнаго намѣренія жениться на Ольгѣ, то отдалить его отъ своего дома. Евгенийъ съ восторгомъ предложилъ свою руку; но Любимовъ хотѣлъ, чтобы онъ прежде посоветовался съ Нейвиннымъ, а до полученія отъ него отвѣта, ни дѣломъ, ни словомъ не высказывалъ Ольгѣ своей любви. Евгенийъ далъ твердое обѣщаніе, и мы знаемъ уже, какъ сдержалъ его при первомъ выходѣ изъ кабинета. Что жъ дѣлать? Люди поважнѣе Евгениа поступали также: помните Галилея?

Въ вечеру Ольга, въ сопровожденіи родныхъ, пошла на Каменный островъ слушать музыки. Тамъ обитало еще тогда то кроткое, добродѣтельное, небесное

существо, которое, разливая около себя тихій свѣтъ благодѣяній, не ослѣпляло глаза блескомъ своихъ дѣлъ, но наполняло сердца глубокимъ благоговѣніемъ.

Было начало Августа. Скоро ночь спустилась на землю, не лѣтняя, безпокойная, прозрачная ночь, но осенняя, меланхолическая темнота, освѣщаемая только таинственнымъ свѣтомъ звѣздъ. Ольга остановилась передъ дворцемъ: музыка играла на яхтѣ. Нева, обильная водами, почтительно катила гладкія, тихія струи свои, лобызая подножіе дворца, и обнямая его двумя огромными рукавами. Вокругъ ея густѣли сады, сливавшіе зелень свою съ лазурью небосъ. Глубокая тишина господствовала въ воздухѣ и въ водѣ: не было слышно ни трепетанія листа; не было видно ни малѣйшей струйки на обширномъ зеркалѣ воды. Казалось, природа, въ глубокомъ молчаніи, внимала унылымъ, величественнымъ зву-

комъ, и не дерзала прервать ихъ своимъ движеніемъ.

Евгеній, не смотря на запрещеніе Любимова, былъ подлѣ Ольги. Оба они знали, что предназначены одинъ для другаго; что навсегда принадлежать другъ другу; что жизнь ихъ отнынѣ сливается въ одно теченіе, одно цѣлое: тутъ не нужно словъ; есть другой языкъ: выраженіе сердца, высказывающеся во взорахъ, въ тонѣ голоса, въ мимикѣ лица, во всѣхъ движеніяхъ, въ каждомъ мановеніи влюбленнаго; этотъ таинственный языкъ можно чувствовать, но не объяснить. Евгеній и Ольга, съ величайшимъ вниманіемъ слушала, какъ разливались волшебные звуки музыки, казалось, молчали, даже не глядѣли одинъ на другаго; между тѣмъ ясно, живо ощущали близость другъ друга; чувствовали взаимное бѣненіе сердець; сливались въ одну сферу, проникнутую теплотою любви; говори-

ли, ясно говорили другъ съ другомъ, но между тѣмъ ни одинъ звукъ не сорвался съ ихъ молчаливыхъ устъ: слово любви не есть слово земное, чувственное, но слово небесное, выше всякаго физическаго средства и человѣческихъ опасеній.

Вдали, изъ-за темныхъ рощей, раскинутыхъ по другому берегу Невы, началъ выходить полный мѣсяцъ; выше, выше, и вотъ сребристый лучъ упалъ на воду, и разсыпался въ милліонахъ яхонтовъ и алмазовъ. Евгенийъ и Ольга смотрѣли на прекрасное, благородное и кроткое свѣтило, и не могли насмотрѣться. Съ каждымъ лучемъ лилась въ души ихъ небесная отрада, спокойствіе, сладость. «Великій Боже! — думалъ Евгенийъ — сколько Ты милостивъ ко мнѣ, сколько благи! Ты даешь мнѣ въ спутницы жизни милого ангела...» Евгенийъ невольно схватилъ руку Ольги; невольно проговорилъ ей: «я счастливъ, Ольга: ты отдана мнѣ. Оль-

га не отвѣчала, но не имѣла силъ отнять руки. Звуки музыки, свѣтъ луны, небо, звѣзды, Евгений—все сливалось въ одинъ невыразимый сладостный аккордъ, въ которомъ душа ея умолкла, сердце нѣмѣло, слово умерло на устахъ: вся она была одинъ восторгъ и любовь.

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ.

АВТОМАТЪ.

Соч. И. Каламшикова.

Часть третья.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1841.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОХАНСОНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С.Петербургъ; Ноября 10 дня 1841 года.**

Ценсоръ. П. Корсаковъ.

АВТОМАТЪ.

XVI.

Грустенъ и тягостенъ переходъ отъ поэтическихъ, сладостныхъ мечтаній о будущемъ блаженствѣ супружеской любви къ печальной существенности женатой жизни. Евгенийъ переходъ этотъ сдѣлалъ. Съ нимъ должны и мы пройти самую неприятную и скучную перспективу жизни бѣднаго чиновника.

Евгеній содержался однимъ жалованьемъ. Тестъ его разорился и умеръ едва не въ нищеть. Евгеній, оставивъ его домъ, былъ принужденъ нанять квартиру, въ отдаленной части города, на цѣлую вѣчность отъ канцеляріи, и зимой, въ трескучіе морозы ходилъ къ должности въ ватномъ скортукѣ: шубы завести не было возможности; осенью, въ слякоть, таскался пѣшкомъ: нанимать всякой разъ извозчика не было средствъ. Справедливо сказано: служба не безъ нужды. Но Евгеній не о себѣ грустилъ и заботился: милая, добрая Ольга была предметомъ его безпредѣльной любви и безмѣрной скорби. Ольга, умная и добрая жена и нѣжная мать, была необыкновенно умеренна въ своихъ желаніяхъ: довольствовалась малымъ; нельзя сказать, чтобы не любила наряжаться, но умѣла обходиться безъ нарядовъ; воспитанная у богатыхъ родителей, любила быть въ со-

браніяхъ , но умѣла ограничить свои склонности, и посвятить дни свои семейному уединенію. Не смотря, однако жъ, на всю умѣренность и экономію Ольги, съ умноженіемъ дѣтей, разныя нужды насильно врывались въ семейство Евгенія, и отравляли жизнь добрыхъ нашихъ супруговъ, которые въ другихъ обстоятельствахъ были бы совершенно счастливы.

Отецъ семейства, достающій трудами хлѣбъ насущный, оставляя домъ, ежедневно выходить на битву съ людьми и происшествіями: каждый кусокъ достается ему съ бою и обмакивается въ чашу огорченій. Но пусть внѣ дома своего человекъ ведетъ брань съ обстоятельствами; надобно, чтобы по крайней мѣрѣ домъ нашъ былъ мѣстомъ нашего успокоенія, мѣстомъ приюта огорченной души: неприятности внѣшнія большою частію скользятъ по сердцу и рѣдко на-

носить чувствительныя раны; но огорченія домашнія ударяють прямо въ душу и раны ихъ почти всегда опасны.

Быль Декабрь мѣсяць. Весьма холодное утро. Въ квартирѣ Евгенія термометръ стоялъ чуть не на точкѣ замерзанія. Ольга, боясь огорчить мужа, старалась казаться спокойною, хотя едва не дрожала отъ стужи. «Прикажи поскорѣе, другъ мой,»—говорилъ Евгеній своей женѣ—«затопить печку.»

Ольга не отвѣчала, но печально взглянула на мужа.

«Развѣ нѣтъ дровъ?»—заботливо спросилъ Евгеній.

— Я говорила, мой милый, тебѣ вчера, что дрова послѣднія.

«Ахъ, Боже мой!»—сказалъ со вздохомъ Евгеній, медленно отворяя конторку и отдавая женѣ десятирублевую ассигнацію:— «вотъ купи!»

— Но, другъ мой,—говорила Ольга— не дашь ли что нибудь на провизию?

«Ахъ, Боже мой!»—повторилъ Евгений, судорожно сжавъ зубы.—«Не знаю, что мнѣ дѣлать. За этотъ мѣсяцъ жалованье уже все взялъ: болѣе просить и стыдно и не дадутъ.»

— Не заложить ли намъ серьги?—говорила Ольга.

«Не говори мнѣ этого, другъ мой: я и безъ того не могу вспомнить, что всё почти твои вещи въ закладѣ»

— Какіе пустяки!—прервала Ольга.— Есть о чемъ и думать. Авось, Богъ дастъ, настанетъ лучшее время, выкупимъ.

«Да, настанетъ когда нибудь»—со вздохомъ отвѣчалъ Евгений.— Нѣтъ, милая Ольга, я самъ чувствую, что я не для этого міра; что я слишкомъ прямодушень, слишкомъ, можно сказать, глупъ для здѣшней жизни. Чтобы достигать

здѣсь богатствѣ и почестей, надобно поклониться сатанѣ: миѣ преданы, говоритъ онъ, слава, величіе и богатство.»

— Сказано однакожь—возразила Ольга, — что просите и дастся вамъ, и если мы, будучи злы, печемся о дѣтяхъ своихъ, то кольми паче Отецъ Небный заботится объ насъ.

«Такъ, но мы не для земли сотворены: заботу объ насъ Небснаго Отца не должно принимать въ земномъ смыслѣ. Величайшій страдалецъ всегда бываетъ самымъ любимымъ его сыномъ. Ты помнишь, когда Пилать вывелъ Христа, изъязвленнаго, окровавленнаго, увѣнчанаго терновымъ вѣнцемъ и поруганнаго одеждою багрянницы: онъ сказалъ — сказалъ не отъ себя, но голосомъ тайной судьбы: Се человекъ! т. е. вотъ каковъ жребій человека на землѣ! Онъ царь здѣсь, но царь, увѣнчанный вѣнцомъ терновымъ!»

— Твои мысли, Евгений — замѣтила Ольга — прекрасны, возвышенны, но мнѣ кажется, взгляды на здѣшнюю жизнь уже слишкомъ мраченъ: и здѣсь мы вкушаемъ самыя сладкія минуты. Скажи, развѣ ты не находишь наслажденія обнимать своихъ дѣтей? Колянька! здоровайся съ папенькой!

Евгений схватилъ сына на руки, прижалъ къ своей груди, и вскричалъ: Ахъ, другъ мой, Ольга, конечно, если я бываю когда нибудь счастливъ, то только тогда, какъ.... Но что это? Кажется онъ не совсѣмъ здоровъ. Какіе мутные глаза! У него жаръ....

Ольга съ заботливостію и опасеніемъ начала осматривать сына. Не болитъ ли у тебя горлышко? — спросила она съ примѣтнымъ испугомъ: тогда ходилъ сильный скарлатинъ. — Посмотри, пожалуйста, Евгений, кажется, у него распухло горло».

— Да! въ самомъ дѣлѣ — говорилъ Евгений, замѣтно испугавшись.

«Ахъ, Боже мой! надобно бы сейчасъ позвать доктора....»

— Да! Но какъ? кого? Мы почти всемъ докторамъ должны. Ты помнишь, съ какимъ неудовольствіемъ пріѣхалъ Карлъ Ивановичъ въ послѣдній разъ, а потомъ я нѣсколько разъ писалъ къ нему, но онъ не былъ ни разу....»

«О Творецъ Небесный! — говорила Ольга, обнимая сына. — Что жъ намъ дѣлать?»

«Лавочникъ-съ пришелъ за долгомъ» — сказала вошедшая въ комнату служанка, — старая и кривая дѣвка, которая за особенное удовольствіе поставляла докладывать господамъ все для нихъ неприятное.

— Скажи, чтобы подождать: на слѣдующей недѣли отдамъ....»

«Да онъ просить безпремѣнно: хочетъ идти жаловаться въ департаментъ...»

— О, проклятая жизнь! Возьми! — сказала Евгеній, снимая со стѣны серебряные часы. — Отдай ему въ залогъ: дня черезъ два выкуплю.

«Наврядъ ли согласится: вѣдь часы-то не стоятъ пятидесяти.

— Дѣлай что велятъ.

«Я отдамъ; только лучше бы вамъ хоть повемножку расплачиваться: вѣдь во всемъ околodкѣ надъ нами смѣются: въ лавочку глазъ показать нельзя.»

— Поди вонъ, болтуня! — съ гнѣвомъ сказала Евгеній.

«Я-то чѣмъ же виновата!» — съ злобою заворчала дѣвка. — За что браниться изволите?»

— Поди къ чорту! — вскричала Евгеній.

«Ужъ и къ чорту посылаете? Нѣтъ-съ, безъ денегъ не пойду!» — съ сердцемъ отвѣчала служанка. — «Расчитайте прежде, да и гоните.»

— Вонь! — въ бѣшенствѣ вскричалъ Евгений, вскочивъ со стула, и вытолкая служанку.

«Что толкаться изволите!» — вопила дѣвка за дверями. — «И сама бы вышла! Господь съ вами, живите! Не думала я, чтобы дослужилась до этого, не думала!

Ахъ, другъ мой! — говорила Ольга. — Зачѣмъ ты горячишься всегда: тебѣ это вредно.

«Можно ли не горячиться съ этимъ проклятымъ народомъ? Я давно говорилъ тебѣ, чтобы отпустить эту скверную колдунью....»

— Я давно бы отпустила, если бы...

«Такъ! я у васъ у всѣхъ виноватъ! Я одинъ....»

— Перестань, другъ мой! О чемъ же тутъ сердиться?

«Какъ не сердиться! — отвѣчалъ съ гнѣвомъ Евгений. — Помилуй! Просто мнѣ житья нѣтъ! Просто, надо бѣжать изъ дому!»

Въ самомъ дѣлѣ Евгеній надѣлъ проворно сюртукъ, схватилъ картузь, и ушелъ къ должности. Ольга залилась слезами. «Боже, Боже мой!»—говорила она сама съ собою.—Вотъ до чего довели его недостатки! Подлинно ничто не мило, когда проклятая нужда!..»

«Маминька!»—говоришь, ласкаясь къ ней Николинька. —«я не могу глотать.»

— Авдотья! — вскричала Ольга съ ужаснымъ испугомъ: — Авдотья!

«Выгнали, такъ что еще спрашиваете»—говорила съ злобою вошедшая служанка.—«Послѣ этакого срама да чтобъ я стала еще жить: Боже меня сохрани! Расчитайте, да и дѣлу конецъ!»

— Ахъ, Авдотья! — отвѣчала кротко Ольга. — Ради Бога, не оскорбляй меня теперь; я и безъ того огорчена. Мы разсчитаемъ тебя: потерпи день, два.

«Да докудова же мнѣ терпѣть, Го-

споди твоя воля! рукъ не покладываю, а все недовольны....»

— Ахъ! перестань, ради Бога!—говорила Ольга, писавши наскоро записку.— Отнеси скорѣе къ лѣкарю. Я боюсь, что Колинъка....

«Воля ваша, не понесу: и въ тотъ разъ Карлъ Ивановичъ меня почти выгналъ. «Мой де безъ денегъ лѣчить не любить»

— Можетъ быть, въ этотъ разъ онъ будетъ снисходительнѣе.

«Я сказала не пойду; такъ и не пойду!»

— Пожалѣй хоть ребенка: если мы не подадимъ ему тотчасъ помощи, онъ можетъ умереть.

«Божья воля! Всѣ подъ Богомъ ходимъ! Евгенийъ Ивановичъ больно гордъ: Богъ не любить гордости; не на немъ, такъ на дѣтяхъ вымѣститъ»

— Злодѣйка! — невольно вскричала Ольга.— Обижай насъ, но оставь моихъ дѣтей!

«И давнымъ бы давно оставила всѣхъ васъ, какъ бы рассчитали!»—проворчала служанка, выходя изъ комнаты и хлопнувъ дверью.

— Боже милостивый! — горько зарыдала Ольга. — За что Ты такъ насъ караешь? Что мнѣ дѣлать теперь? Если идти самой къ лекарю: съ кѣмъ оставить ребенка? Если не пойду.... Слезы прервали ея голосъ.

Между тѣмъ Евгеній сидѣлъ у должности только тѣломъ: душа его была погружена въ домашнія событія утра. — «Какъ я сталъ малодушенъ!»—думалъ онъ. — Какъ эти вздорныя вещи меня разстроиваютъ! Не ходилъ ли я безъ страха на неприятельскія батареи, не ставилъ ли съ твердою рѣшимостію груди противъ ядеръ, а теперь всякая мелочь выводитъ меня изъ себя.... И я огорчаю!... Боже мой! не могу я этого вспомнить.... За что я огорчаю этого ангела, котораго вся вина состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ великодуш-

но соединилъ свою судьбу съ моею.... А мой Коля? Можетъ быть, онъ сдѣлается боленъ! Лекаря позвать не начто! Денегъ нѣтъ! Впередъ взять нельзя! О Владыко, милосердый!»

Въ самомъ дѣлѣ болѣзнь ребенка увеличивалась. Ольга рѣшилась поставить пиявки; но за всѣмъ тѣмъ помощь лекаря была необходима. Возвратясь домой, Евгенийъ нашелъ сына въ большой опасности. Ольга была въ отчаяніи. Состояніе души ся можетъ представить только тотъ во всей живости, кто самъ испытывалъ подобное положеніе: видѣть самое драгоценное сердцу существо погибающимъ, и не имѣть возможности подать ему помощи!

«Пришелъ повѣренный Княгини Сутягиной» — сказала вошедшая служанка.

— Ахъ, Боже мой! Что ему надобно? — вскричалъ Евгенийъ. — Скажи, что нѣтъ дома....

«Слышу, что дома!» — говорилъ съ улыбкою, отворя дверь и уставля лысину пожилой мужчина, въ сѣромъ фракѣ и сѣрыхъ короткихъ панталонахъ, съ медалью въ петлицѣ. На лицѣ его ясно изобразалась печать наглости и долговременнаго плутовства. — «Скрываться изволите Евгений Ивановичъ!»

— Извините, ради Бога, Петръ Петровичъ! Совсѣмъ нѣтъ времени....

«Я не болѣе, какъ на два слова.»

— Что вамъ угодно?

«О дѣльцѣ-то хлопочу: Княгиня особенно велѣла просить васъ.»

— Благодаренъ Княгинѣ за вниманіе; но я сказалъ вамъ, что сдѣлать для нея ничего нельзя. Княгиня, какъ видно, не знаетъ сама положенія своей тяжбы.

«Княгини не знаетъ! Хе, хе, хе! Нѣтъ, батюшка Евгений Ивановичъ, дай Богъ, чтобы мы съ вами такъ хорошо знали

приказные крючки: все дѣло отъ доски до доски сама прочитать изволила.»

— Это меня удивляет!

«Да, Евгений Ивановичъ, можно сказать, умнѣйшая женщина!»

— Вы не поняли меня, Петръ Петровичъ! Меня удивляетъ не то, что Квѣгня читала, но то, что прочитавши, не велѣла тотчасъ бросить всё свои бумаги въ огонь и сейчасъ же окончить тяжбу вы не можете не сознаться, что искъ крестьянъ совершенно справедливъ.

«Евгений Ивановичъ!»—прервалъ повѣренный—«я принесъ вамъ записочку, въ которой дѣло, можетъ быть, вы яснѣе увидите.»—Говоря это, повѣренный подалъ большую пачку ассигнацій, завернутую въ бумагу.

— За кого вы меня принимаете?—гнѣвно спросилъ Евгений, вставъ со стула.

«Евгений Ивановичъ!»—значительно сказалъ повѣренный, также ставъ на ноги.—

«Я скажу вамъ прямо. Здѣсь на первый разъ пять тысячъ. Если кончится дѣло въ пользу Княгини: она прибавитъ еще столько же. Княгиня не имѣетъ намѣренія подкупить васъ; не обязываетъ васъ непременно рѣшать въ ея пользу: дѣйствуйте, какъ хотите; но она знаетъ ваше положеніе, и прислала эти деньги просто вамъ въ помощь... Если въ послѣдствіи обстоятельства ваши улучшатся, вы можете ей возвратить.»

Въ это время въ другой комнатѣ слышалось глухое стenanіе: Евгеній задрожалъ, схватилъ рукою за голову, въ умѣ его толпились безотчетно и путались разныя мысли: докторъ, деньги, болѣзнь, сынъ, смерть, и опять докторъ, опять деньги, опять сынъ.

«Евгеній!» — говорила тихо Ольга изъ другой комнаты. — «Колинькѣ очень худо.»

Что было въ душѣ страдальца въ сіе мгновеніе, высказать не возможно: страш-

ная борьба, смертный бой мыслей и чувствований, цѣлая вѣчность адскихъ мученій, и если изъ этой жестокой брани нравственныхъ началъ съ нуждами и бѣдствіями житейскими, мученикъ обстоятельство выйдесть побѣдителемъ: какой вѣнецъ полководства можетъ сравняться въ величій съ вѣнцемъ его побѣды? Евгенийъ побѣдилъ. Онъ взглянулъ на образъ, и внутренно сказавъ: «предаю Тебѣ мою судьбу,» съ необыкновеннымъ благородствомъ отдалъ пакетъ повѣренному. «Возьмите, и скажите вашей Княгинѣ: я служу одному Государю, и ни отъ кого болѣе не принимаю подаваній. Прощайте!»

Бываютъ положенія, когда добродѣтель, въ самомъ величайшемъ униженіи, торжествуетъ надъ порокомъ. Повѣренный Княгини, изворотливый, какъ змѣя, во всѣхъ труднѣйшихъ казусахъ, пораженъ былъ благородствомъ Евгения, и не могъ найти въ приказномъ умѣ

своемъ ни одной фразы, употребляемой лиходейцами. Онъ взялъ невольно пакетъ, и хотѣвши что-то сказать, остался въ этомъ положеніи. Евгеній ушелъ въ другую комнату, и заперъ за собою дверь.

XVII.

Пробилъ третій часъ ночи: Евгеній еще сидѣлъ за дѣломъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ. вмѣстѣ съ нимъ служило много чиновниковъ, но большая часть изъ нихъ были люди девятнадцатаго вѣка: гордились высокими идеями, Европейскими взглядами на вещи, высшимъ образованіемъ, даромъ творчества, и — не умѣли связать правильной фразы, были чужды постоянному труду, рѣдко являлись къ должности и составляли одинъ

баластъ канцеляріи. Евгенийъ былъ изъ числа чернорабочихъ: имѣлъ здравый смыслъ, чистый слогъ, большую опытность. Не думайте, однако жъ, чтобы достоинства его были ручательствомъ за успѣхъ его по службѣ: напротивъ, въ то время, какъ Евгенийъ корпѣлъ надъ работою, его товарищи — Европейцы, вертѣлись около начальника, старались оказывать ему разныя личныя услуги, дѣлались его домашними людьми, и унижали въ глазахъ его достоинство Евгениа.

Мы сказали, что было три часа ночи, а Евгенийъ еще сидѣлъ за дѣломъ. Не смотря на все вниманіе Евгениа къ своему дѣлу, мысли его невольно сбѣгались на главнѣйшій вопросъ его положенія: дадутъ ли ему впередъ жалованье.

«Ты еще сидишь? — тихо спросила Ольга, разбуженная боемъ стѣновыхъ часовъ.

— Да, другъ мой! спѣшу оканчивать дѣло княгини....

«Проклятое это дѣло! Вотъ ужъ мѣсяць, какъ ты сидишь за нимъ каждую ночь. Неужели оно непременно нужно завтра?»

— Нужно или не нужно; но Лука Григорьевичъ приказалъ завтра доложить: къ тому же ты знаешь, что я хочу его завтра попросить....

«Ахъ, если бы Лука Григорьевичъ столько же охотно награждалъ, какъ охотно даетъ работу!»

— Надобно умѣть служить безъ награды: мы даемъ клятву служить, не щадя своей жизни, и должны ее сдержать: мы не говорили, что будемъ усердно работать только тогда, когда будутъ насъ награждать.

«Такъ! Но кто бы и подумалъ о наградѣ, если бы дѣло шло объ удовольствіи какое нибудь честолюбія; мы

желаемъ собственно не награды, но помощи, куска хлѣба.»

— Будемъ ждать: за царемъ служба не пропадаетъ. Прекрасно сказалъ мой благодѣтель Нейвинъ: «есть Око, которое рано или поздно откроетъ глаза тѣмъ, которымъ надобно видѣть.» Будемъ надѣяться, и надѣясь, работать по прежнему.

Ольга тяжело вздохнула. «Ахъ! Боже мой, Боже мой! — говорила она. — Сколько ты для насъ переносишь! Мы виною твоего страданія! Безъ насъ ты былъ бы совершенно счастливъ...»

— Перестань, другъ мой! — отвѣчалъ Евгений, подойдя къ постели Ольги и прижавшись къ ея груди. — Если бы не было тебя и дѣтей: для чего же бы мнѣ и жить на свѣтѣ? Мнѣ теперь-то и весело трудиться, потому что у меня есть ты, есть дѣти, есть существа, которыя меня любятъ, и для которыхъ я дорогъ.

Евгеній опять сѣлъ за дѣло, и не вставалъ до разсвѣта. Глаза его были красны; голова пылала. Но необходимо было идти: приказанія начальника Евгеній, подобно отцу своему, исполнялъ свято. Къ несчастію, даровитая скромность въ нашемъ вѣкѣ не имѣеть должнаго уваженія: кто болѣе кричитъ о себѣ, болѣе успѣваетъ. Евгеній работалъ молча.

«Что, сударь, наконецъ привесли!» — сухо спросилъ Лука Григорьевичъ, сдѣлавъ недовольную мину. Скажемъ кстати, Лука Григорьевичъ не могъ похвалиться своею наружностію! имѣлъ не большой ростъ, но огромное брюхо и отвисшую нижнюю губу, которая еще болѣе опускалась книзу, когда Лука Григорьевичъ изъявлялъ неудовольствіе подчиненнымъ. — Я ужъ думалъ, что и конца не будетъ вашей работѣ.

— Помилуйте, Ваше Превосходительство, я долженъ былъ прочитать цѣлыя

семь сотъ листовъ ; едва не потерялъ глазъ: вы знаете шочерки въ нижнихъ инстанціяхъ.

«Вы вѣчно хвалитесь своею работою: трудно работать, можете подать прошеніе: я никого не держу; мнѣ никого не надобно. Я готовъ все дѣлать одинъ.

Евгеній молчалъ, а Лука Григорьевичъ перебиралъ тетради. Онъ видѣлъ, что дѣло разобрано съ большимъ искусствомъ, но имѣлъ прекрасное правило: держать подчиненныхъ въ черномъ тѣлѣ.

«Это что?» — сказалъ онъ, качая головою. — «Сущія галиматья!»

— Позвольте доложить Вашему Превосходительству: я здѣсь нарочно выпи-салъ точныя слова.

«Чортъ возьми эти точныя слова! Мнѣ, сударь, надобенъ смыслъ, а не слова.»

— Однако жь....

«Молчите, сударь! Вы вѣчно оправды-

ваетесь. Надобно умѣть дѣло дѣлать, а не оправдываться.»

— По крайнсей мѣрѣ, я думаю, что мой долгъ обязываетъ меня сказать въ мое оправданіе....

Лука Григорьевичъ, не обращая вниманія на Евгенія, продолжалъ читать про себя; Евгенийъ, не докончивъ рѣчи, замолчалъ.

«Фу чортъ!» — воскликнулъ Лука Григорьевичъ. — «Совершенная нелѣпость! Все перепутано!»

— Позвольте доложить Вашему Превосходительству: я въ точности следовалъ плану, который вы изволили мнѣ назначить.

«Моему плану!» — повторилъ Лука Григорьевичъ съ злобою. — «Выходите, я всему виноватъ! Вы-то что же, сударь? Ваше дѣло набирать слова, а мысли, видно, не по вашей части? Такъ! не ошибся сказать Яковъ Андреевичъ, что....»

— Ваше Превосходительство! будьте справедливы: если я въ самомъ дѣлѣ подбираю только слова, все же что нибудь дѣлаю, а Яковъ Андреевичъ и этого не дѣлаетъ.

«Вамъ равняться съ нимъ, сударь, нельзя: онъ человекъ съ состояніемъ; отъ службы не зависитъ....»

— Неужели же я тѣмъ только и виновать, что служилъ всегда честно и не нажилъ себѣ состоянія? Если Ваше Превосходительство удостоите прочесть и настоящее дѣло, вы изволите увидѣть....

«Удостоите прочесть! Я долженъ читать его галиматью отъ доски до доски....»

— Вы увидите, Ваше Превосходительство....

«Я ужъ вижу, сударь, что вы все перепутали, перемѣшали, переврали....»

— Мнѣ кажется, не нарушая справедливости, не лъзя....

«Да убирайтесь вы съ своимъ враньемъ!» — въ бѣшенствѣ вскрикнулъ Лука Григорьевичъ, бросивъ на столъ бумаги. — Вы умѣете, сударь, видно, только проповѣдывать мораль, а не дѣло дѣлать!»

— Боже милостивый! — говорилъ тихонько Евгенийъ, съ трудомъ удерживая слезы. — Цѣлый мѣсяцъ постояннаго труда — и вотъ какія послѣдствія!

«Вы, сударь, ворчите!» — кричалъ Лука Григорьевичъ. — «Кто вамъ далъ право ворчать на Начальника. Подите вонъ! вонъ, сударь!»

Евгенийъ, оскорбленный несправедливою грубостію Луки Григорьевича, и удрученный, между тѣмъ, мыслию о домашнихъ недостаткахъ, стоялъ въ нерѣшимости: просить ли о деньгахъ; боялся встрѣтить отказъ и новое оскорбленіе, но еще болѣе страшился воротиться домой безъ денегъ. Счастливъ тотъ, кто не

знаетъ: что значить просить денегъ подъ росписки.

«Чего же еще ждете, сударь?»

— Ваше Превосходительство — сказалъ Евгеній съ самымъ подобострастнымъ видомъ грѣшника, вынимая изъ кармана приготовленную росписку. — Позвольте попросить....

«Вы, сударь, только и умѣете» — говорилъ Лука Григорьевичъ, передразнивая Евгенія: — «позвольте попросить.» я ужь вамъ сказалъ въ тотъ разъ, что больше не дамъ.»

— Но я имѣю крайнюю нужду: у меня сынъ боленъ.

«Что мнѣ до вашихъ нуждъ, до вашихъ дѣтей: не я, сударь, вамъ присоветовалъ жениться. Сами женились, сами и живите, какъ умѣете....»

— Но гдѣ же мнѣ просить помощи, если Ваше Превосходительство....

«Гдѣ хотите! Служба не богадѣльня!

— Ваше Превосходительство, сдѣлайте милость...

«Не дамъ, сударь, я сказалъ....»

Выходя въ отчаяніи отъ Луки Григорьевича, Евгений встрѣтилъ на крыльцѣ Якова Андреевича. Яковъ Андреевичъ ничѣмъ не занимался болѣе, какъ таскался по городу и собиралъ вѣсти; между тѣмъ вездѣ кричалъ, что сидитъ въ дѣлѣ по уши; имѣлъ страшную претензію на Европеизмъ, потому что осмотрѣлъ всю Европу, такъ сказать, съ задняго двора; любилъ молодиться и крайне заботился о свѣей красотѣ: бѣлился и румянился.

«Здравствуйте, почтеннѣйшій! — съ самодовольствіемъ сказалъ онъ Евгению. — Что это у васъ? Въ законъ твоемъ поучахуся день и ночь? Не бось, въ театрѣ ни ногой. Видѣли ли, по крайней мѣрѣ, этотъ превосходный водевиль: Мужъ

четырёхъ женъ; жена четырёхъ мужей! а?»

Евгеній прошель, не отвѣтивъ ни слова, и, кажется, не слыхаль, что говорилъ Европейецъ. Яковъ Андреевичъ презрительно посмотрѣлъ въ слѣдъ его: «сумасшедшій!» — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — «Вѣчно роется, какъ кротъ, въ бумагахъ, и совершенно отсталъ отъ вѣка.

«Мое глубочайшее почтеніе» — говорилъ онъ, входя бодро въ кабинетъ Луки Григорьевича, съ полною увѣренностію на его расположеніе.

— А, Яковъ Андреевичъ! Ну что? какъ твои дѣла идутъ? Что новаго?

«Все хорошо, Ваше Превосходительство, все прекрасно!»

— Былъ во Французскомъ театрѣ вчера?...

«Съ Графомъ Селедкинымъ.»

— Ну что?

«Чудесно! Прелестъ!»

— Въ Русской ни ногой!

«Помилуйте, Ваше Превосходительство! объѣздивъ всю Европу, бывъ на знаменитыхъ Европейскихъ театрахъ...»

— Въдь ты, кажется, съ какого-то изъ этихъ знаменитѣйшихъ театровъ привезъ живую ролю?...»

«Грѣшный человекъ: люблю прекрасное!»

— Да и кто жъ его не любить? Я самъ, братъ, старый холостякъ!

«Чудесное состояніе, Ваше Превосходительство! вѣчно свободенъ, весель...»

— Признаюсь, если гдѣ женатые всего болѣе несносны, то въ службѣ... Передъ тобой только былъ у меня плакса Судьбинъ!

«И вѣрно: подъ росписочку!»

— Угадаль! Не понимаю, къ чему эти люди женятся?...

«Для того, кажется, чтобы быть всѣмъ»

недовольнымъ, и вѣчно роптать на начальство, что мало награждаютъ....

— А что, Судьбинъ развѣ....

«Помилуйте! только и разговоровъ, что не цѣнять его способностей, что не отдають ему справедливости, что присваиваютъ его труды.

— Бездѣльникъ!

«Не дальше, какъ вчера, въ присутствіи, говорятъ, всей канцеляріи.... Я самъ тутъ не былъ, но слышалъ навѣрное.»

— Чего другаго ожидать отъ этого человѣка? Ну что онъ говорилъ?

«Признаюсь, Ваше Превосходительство, мнѣ не хотѣлось бы васъ огорчать неприятными свѣдѣніями»

— Говори!

«Поносилъ васъ самымъ чернымъ образомъ, называлъ человѣкомъ холоднымъ, эгоистомъ....»

— Довольно! давно хотѣлъ его сбить

съ рукъ: онъ слишкомъ много о себѣ задумалъ, а между тѣмъ, ты знаешь...

«Помилуйте, ни болѣе ни менѣе, какъ редакторъ чужихъ мыслей: собственнаго ни на волосъ!»

— Ну да! да!

«И быть такъ дерзкимъ, чтобы осмѣлиться...»

— Отъ него всего ожидать можно...

«Ваше Превосходительство, и забылъ, между тѣмъ, Вамъ представить письмо отъ Князя Перепелкина»

Лука Григорьевичъ пробѣжалъ наскоро письмо.

— Князь просить—говорилъ онъ съ замѣтнымъ самодовольствіемъ—дать тебѣ мѣсто...

«Сдѣлайте милость, Ваше Превосходительство; мнѣ необходимо мѣсто для чина.»

— Да вотъ, кстати, займи, братецъ, мѣсто этого плаксы Судьбина, подьяци.

себѣ хорошаго помощника, и я надѣюсь, дѣло пойдетъ.

«Ваше Превосходительство, вы увидите на дѣлѣ, какъ я умѣю цѣнить Ваше благодѣяніе.

—Если ты прежде моего увидишься съ Княземъ: то скажи ему, что я всегда и все готовъ сдѣлать для Его Сіятельства.

Между тѣмъ Евгеній, удрученный душою о своихъ нуждахъ, шелъ почти механически къ дому казначея, — въ чаши, что, быть можетъ, удастся ему выпросить хотя сколько нибудь денегъ. Казначей былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, отставной Ротмистръ Цибулкинъ, прошедшій, какъ говорятъ, сквозь огонь и воду, не держался въ строгости правилъ нравственности и смотрѣлъ на многія вещи такъ называемыми философскими глазами. Зная нерасположеніе Луки Григорьевича къ Евгенію, Цибулкинъ позволялъ себѣ въ разговорахъ съ Евге-

ніемъ разнаго рода дерзости, и вообще обходился безъ уваженія.

«Садитесь-ка, почтеннѣйшій Евгенийъ Ивановичъ» — говорилъ онъ вошедшему къ нему Евгению, развалился на волтеровскихъ креслахъ, въ шафорѣ, съ трубкою во рту. — Что скажете новенькаго?

— Пришелъ попросить у васъ, Терентій Ѳомичъ, въ счетъ жалованья.

«Да вѣдь ужъ вы и такъ позабрались порядкомъ.»

— Что дѣлать? Крайняя нужда. Сынъ нездоровъ.

«Вотъ то-то же, Евгенийъ Ивановичъ» — замѣтилъ Ротмистръ съ наглостію, чувствуя свое вліяніе на Евгения, — «что значить жениться! А сколько у васъ дѣтей?»

— Пятеро!

«Эге Пора и перестать!»

— Какъ быть — говорилъ Евгенийъ, стараясь скрѣпить сердце. — Божія воля!

«Божія воля!»—со смѣхомъ повторилъ Ротмистръ:—ха! ха! ха! Я чай, тутъ есть нѣсколько и вашей собственной.»

Евгеній готовъ былъ вспыхнуть отъ негодованія; но нужда въ деньгахъ перемогла его огорченіе.

«Бракъ» — продолжалъ Ротмистръ, съ видомъ опытнаго прощлца:—»бракъ бѣднаго чиновника въ наше время есть просто глупость. То ли дѣло жизнь холостяка! Вотъ я, на примѣръ! люблю! Одинъ какъ перстъ!»

Въ это время послышался въ другой комнатѣ крикъ ребенка: Ротмистръ вспыхнулъ, и невольно проговорилъ въ полголоса: «Ахъ чортъ возьми этого несноснаго крикуна! Сколько я разъ говорилъ, чтобы его сбить поскорѣе!»

—Позвольте спросить васъ — сказала Евгеній съ замѣтнымъ жаромъ, зная домашнія обстоятельства Ротмистра—ужели-лучше поступать такимъ образомъ, нежели...

»Что жъ? Не прикажете ли мнѣ жениться» — съ досадою отвѣчалъ Цыдулкинъ» — подобно вамъ, на какойнибудь нищей, чтобы потомъ также просить каждый мѣсяцъ впередъ жалованья?»

— Такъ, сударь, лучше рѣшиться на униженіе, нежели обречь на несчастіе бѣдныхъ дѣтей своихъ при самомъ ихъ рожденіи, осуждать ихъ на вѣчное сиротство, предавать равнодушію и холодности чужихъ людей и осуждать на безславіе и укоризну....

»Фразы, почтеннѣйшій, фразы, и ничего болѣе! Надобно соббразяться съ обстоятельствами: по мнѣнію западныхъ мыслителей, бракъ есть договоръ, а всякій договоръ долженъ быть выгоденъ. Жениться должно для того, чтобы составить состояніе: такъ всѣ теперь поступаютъ благоразумные люди.»

— Если и цѣлый свѣтъ такъ поступаетъ: и цѣлому свѣту не будетъ пощады.

« О! да вы, сударь, мистикъ!»

—Здѣсь—продолжалъ Евгеній, не обращающаго вниманія на Ротмистра, —здѣсь нарушается главнѣйшій законъ природы: самые хищные звѣри, незнающіе никакихъ высшихъ законовъ, заботятся о сохраненіи своихъ птенцовъ, пропитываютъ и защищаютъ ихъ, доколѣ не укрѣпятся ихъ собственныя силы, а человекъ, одаренный разумомъ и познаниемъ своихъ отношеній къ Богу и ближнему, равнодушно бросаетъ своихъ дѣтей, свою плоть и кровь, какъ вещь негодную для употребленія!

« Вы, кажется, уже браниться начинаете»—сердито сказалъ Ротмистръ: — «вы забываетесь, сударь! Кто далъ вамъ право говорить такимъ образомъ?»

«Я говорю, какъ ходатай за собственныхъ вашихъ дѣтей, какъ защитникъ правъ человечества, которое въ нихъ оскорбляется. Представьте, что сынъ вашъ,

несчастный вашъ сынъ, воспитанный въ чужихъ рукахъ, отъ небреженія воспитателей, сдѣлался крѣпкою, что онъ не имѣеть возможности доставать себѣ хлѣбъ трудами, и изнеможенный, слѣпой, покрытый рубищами, приходитъ къ вашему окну просить подаенія. Слышите ли—сказалъ Евгенийъ съ нѣкоторымъ изступленіемъ—слышите ли голосъ проклятiя, которымъ онъ осуждаетъ виновниковъ своихъ дней, обрекшихъ его, для одной забавы своей, на жизнь, исполненную страданія и горести?

Смущенный Цидулкинъ невольно взглянулъ на окошко съ ужасомъ.

«Для забавы!»—повторилъ онъ, прива-
завшись къ этому слову: — «Вотъ какъ
люди разсуждаютъ! Не для забавы, су-
дарь; тутъ есть потребность природы.»

— Да, природа, или лучше скажемъ,
Богъ, Всемогущій Богъ, Который потре-
буетъ, рано или поздно отчета въ на-

шихъ дѣйствіяхъ, установилъ священное таинство брѣва, какъ залогъ сохраненія сотворенныхъ имъ тварей; но развращеніе людей сдѣлало изъ этого великаго таинства ужасную игру, провело его чрезъ всѣ степени нравственнаго паденія, и открыло бездну нечестія и мерзости....

«Вы сущій проповѣдникъ!»—говорилъ съ усмѣшкою Ротмистръ, хотя начиналъ смущаться отъ словъ Евгенія.

— Но если вы съ такимъ равнодушіемъ отрекаетесь отъ дѣтей своихъ: то неужели и несчастная мать съ такою же холодностію отторгаетъ отъ груди своей невинное твореніе, которое отъ нея одной ожидало на землѣ любви, нѣжности и защиты?

Въ другой комнатѣ, во все продолженіе разговора, слышны были постепенно увеличивающіяся воздыханія; наконецъ, при послѣднихъ словахъ Евгенія,

явственно раздались рыданія. Евгений продолжалъ.

— Неужели не раздирается грудь ея отъ укоризны и воплей совѣсти, когда бѣдное дитя ея съ младенческою улыбкою устремляетъ на нее свои ангельскіе взоры—на нсе, которая обрекаетъ его въ тоже время на вѣчное отъ себя отчужденіе! Неужели не трепещетъ ея сердце, когда то, что девять мѣсяцевъ питалось его кровію, согрѣвалось его теплотою, жило его жизнію, вдругъ отторгается отъ него безъ жалости, безъ милосердія, безъ пощады?

Рыданія дѣлались громче и громче. Цидулкинь ужасно встревожился.

« Ради Бога!» — говорилъ онъ шепотомъ, махая обѣими руками — ради Бога! уймись! Слышишь!»

— Если вѣчный судъ—продолжалъ Евгений,—если вѣчный судъ далекъ: есть другой судъ, ближайшій—на земль. Ког-

да страсти пройдутъ вмѣстѣ съ крѣпостію тѣла, когда неумолимая старость будетъ погашать постепенно ложные огни, освѣщающіе мракъ земныхъ наслажденій; когда холодная рука приближающейся смерти будетъ снимать обольстительную завѣсу, сокрывавшую отъ васъ міръ, и покажетъ его вашимъ глазамъ во всей ужасной его пустотѣ и мерзости: тогда вы вспомните, несчастные родители, что у васъ есть жертвы вашего преступленія, есть обреченные на страданіе дѣти, но напрасно будете умолять ихъ о прощеніи, старать смертельною жаждою ихъ одного отраднаго слова, одного взгляда. Нѣтъ! Они уже не придутъ утѣшать послѣднихъ вашихъ минутъ, не придутъ закрыть вашихъ мертвѣющихъ взоровъ, не придутъ.....

Слова Евгенія были прерваны страшнымъ воплемъ.

«Нѣтъ, я въ силахъ сносить болѣе этой

адской муки!»—вскричала вбѣжавшая въ кабинетъ молодая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ.— «Злодѣй!»—говорила она, обратясь къ Цибулкину—я умоляла тебя на колѣнахъ со слезами пощадить нашихъ бѣдныхъ дѣтей: ты былъ холоденъ, какъ ледь, какъ камень; ты, мучитель, съ холодностію и смѣхомъ отвергъ мои молебны и рыданія. Но теперь я рѣшилась!... Я пойду лучше просить милостыню, съ моимъ дитятею, нежели....

— Помилуй, Катя, что ты дѣлаешь! ты съ ума сошла!

«Нѣтъ, я была безумною, когда слушала твои обольщенія: ты ложными клятвами погубилъ мою невинность; ты заставилъ меня быть убійцею собственныхъ своихъ дѣтей: извергъ! отдай мнѣ ихъ назадъ, отдай дѣтей моихъ!... О Боже Всемогущій! Я умираю....»

— «Люди! люди!»—закричалъ во все горло Цибулкинъ—помогите Катеринѣ

Ивановнѣ! — Вотъ, сударь » — прибавилъ онъ, обратясь съ гнѣвомъ къ Евгению — плоды вашего краснорѣчія: можетъ быть, женщина отъ этого умереть должна будетъ. Нѣтъ вамъ денегъ! Ищите, сударь, для вашихъ законныхъ дѣтей денегъ, гдѣ хотите: я не банкиръ вашъ!»

Въ другое время Евгений, конечно, не перенесъ бы грубостей наглаго Ротмистра, но внезапно упавъ съ облаковъ вышшаго міра въ житейскую юдоль, бѣдный проповѣдникъ правды вспомнилъ о больномъ сынѣ, о женѣ, оставшейся безъ копѣйки, и едва самъ не лишился силъ. Въ груди его не буря бушевала, но кипѣла раскаленная лава горести и отчаянія. «Боже мой! Боже мой!» — думалъ онъ, выходя отъ Цидулкина. — «Сколько я ни вооружаюсь противъ этихъ проклятыхъ мнѣній и системъ вѣка, сколько ни сражаюсь съ этими безнравственными и безбожными людьми, но какъ не позавидуешь имъ, когда въ чести, въ

довольствѣ и роскоши, развратные плотугодники, они только думаютъ о томъ, куда бы еще бросить деньги, чтобы испустить новыя забавы и наслажденія, а между тѣмъ, ты, рабъ долга и религіи—ты не знаешь.... «При сихъ словахъ Евгенийъ горько зарыдалъ, закрывъ рукою лицо,— «не знаешь, гдѣ достать нѣсколько рублей, чтобы помочь умирающему сыну....» Въ это время Евгенийъ поравнялся съ церковію. Слышно было пѣніе. Не столько по внутреннему сознанию, какъ по влеченію темнаго инстинкта, Евгенийъ зашелъ въ церковь. Отпѣвали покойника. Если въ счастливыхъ обстоятельствахъ жизни видъ смерти и гроба ужасенъ: то, напротивъ, посреди жгущихъ горестей, могила есть единственное убѣжище и отрада. Видно было, что отпѣвали небогатаго человѣка: гробъ былъ скуденъ; вокругъ стоящіе были одѣты весьма скромно; никто не плакалъ. Можно было лег-

ко догадаться, что умершій былъ одинокъ. На вопросъ Евгенія, одинъ изъ бывшихъ въ церкви отвѣчалъ: «это Надворный Совѣтникъ Грустинъ, былъ бѣдный чиновникъ, давно лишился жены и дѣтей, и кое-какъ, больной, ложивалъ остатки жизни, почти въ нищетѣ, смерти ждалъ, какъ отрады, и умеръ съ замѣтною радостію.» Разсказъ этотъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на душу Евгенія. Между тѣмъ началась трогательная и высокая пѣснь: «житейское море»....

И такъ—думалъ Евгеній, смотря на умершаго, какъ бы съ завистію—ты уже достигнулъ этого тихаго и мрачнаго пристанища, гдѣ ни нужда, ни бѣдность, ни сила, ни власть для тебя не страшны; ты совершилъ свое назначеніе, и уже постигнулъ великую тайну смерти; скинулъ съ себя это тяжелое и тѣсное рубище, которое мы привыкли называть тѣломъ, и улетѣлъ съ темной

и печальной земли. Счастливецъ!... Но ты счастливъ — прибавилъ Евгений, подумавши — если въ своемъ временномъ странствованіи исполнилъ свой долгъ, къ которому былъ призванъ; если ты былъ честный гражданинъ, ревностный сынъ отечества, попечительный глава семейства, вѣрныи мужъ, добрый отецъ.... Такъ! — говорилъ Евгений самъ съ собою — только тогда мы заслужимъ успокоенія, когда здѣсь выполнимъ свои обязанности; иначе не было бы вѣчнаго правосудія.... О Спаситель! — воскликнулъ онъ, устремивъ глаза на образъ — даруй мнѣ силу и возможность перенести безъ роптанія всѣ мои горести и нужды, укрѣпи ослабѣвающій духъ мой; утверди волю мою Твоею благою волею, дабы и я могъ составить счастье моей милой супруги, воспитать дѣтей моихъ, сдѣлать ихъ добрыми христіанами, людьми полезными для общества, вѣрными слугами Царя и

отечества—и тогда.... о! тогда я съ полною надеждою и упованіемъ устремлю къ Тебѣ мои послѣдніе взоры, и приду искать у Тебя этого пристанища, куда уже не достигаютъ волны мятежнаго житейскаго моря!»

XVIII.

Назавтра Евгений опять, съ растерзанною душею, сидѣлъ въ канцеляріи. Чиновники постепенно собирались. Раздался звонъ колокола. «Самъ пріѣхалъ!» — вскричалъ курьеръ. Чиновники схватились за перья. Лука Григорьевичъ, кивая на право и на лѣво, проворно прошелъ въ свою комнату. Первое дѣло его было просматривать записку Экзекутора.

«Позвать Бездомнаго и Омина!» —

вскричалъ онъ курьеру. Вошли два чиновника, довольно худо одѣтые, смиренныя видомъ и духомъ.

«Поздненько вы пожаловать изволили, милостивый государь,» — сказалъ Лука Григорьевичъ, обратясь къ Бездомному.

— Виноватъ, Ваше Превосходительство, — отвѣчалъ Бездомный, смутившись: — живу у Триумфальныхъ: не малое разстояніе!

«Ну это еще нельзя сказать.. А вы, милостивый государь, еще позже прибыть соизволили...»

— Вамъ извѣстно, Ваше Превосходительство, что я только въ первый разъ опоздалъ, а живу еще подалѣе Триумфальныхъ.

«Да куда жъ это вы забились?»

— Нужда забила, Ваше Превосходительство; нанимать квартиры не на что, а тамъ я имѣю ее даромъ...

«Да гдѣ же ваша квартира?»

— На Александровской Мануфактурѣ.
«Какъ, на Мануфактурѣ?»

— Да-съ, на Мануфактурѣ-съ.

«Двѣнадцать верстъ отъ города?»

— Двѣнадцать верстъ отъ города-съ.

«Не совѣтоваль бы вамъ, батюшка, тамъ оставаться: службой нельзя манкировать.»

— Я и самъ бы радъ бы душею жить ближе, но имѣю жену, дѣтей...

«Ахъ, эти мнѣ жены и дѣти!.. Я давно твержу: служба, сударь, не богадѣльня! Не можете служить, такъ выходите вонъ! Держать не стану!»

Чиновники вышли едва не со слезами.

«Зачѣмъ призываль васъ Лука Григорьевичъ?» — спросилъ Евгений у Оми-на и Бездомнаго, которые служили подъ его ближайшимъ начальствомъ.

— Спрашивать извоили, отъ чего опоздали? — отвѣчали чиновники.

«И что жъ потомъ?»

— Изволили стращать, что выгонять изъ службы.

«Хорошо» — сказалъ съ жаромъ Евгений — «мой долгъ оправдать васъ предъ Лукою Григорьевичемъ: вы исправностию и усердіемъ своимъ заслуживаете не выворовъ, а похвалы.»

— Мы чувствуемъ вполне вашу доброту, Евгений Ивановичъ, — говорили чиновники; — но чего намъ ожидать здѣсь хорошаго, когда и противъ васъ, при всемъ томъ, сколько вы трудитесь, не стыдится интриговать самымъ неблагодарнымъ образомъ.

«Что такое? — съ безпокойствомъ спросить Евгений?»

— Вчера я — говорилъ одинъ изъ чиновниковъ — переписывалъ, подъ великимъ секретомъ, представленіе о опредѣленіи на мѣсто ваше Якова Андреевича..

Перо выпало изъ рукъ Евгения: весь ужасъ положенія его представился его

воображенію; несчастный едва не упал со стула.

Между тѣмъ чернорабочіе усѣлись на своихъ мѣстахъ, началась фабрикація отношеній, записокъ и представленій: глубокая тишина водворилась въ канцеляріи; только перелистываніе дѣлъ и скрипы перьевъ нарушали канцелярское безмолвіе, да изрѣдка доносились несвязныя слова разговаривающихъ въ другой комнатѣ Европейцевъ.

«Каково?» — съ смѣшною важностію, пріосанясь и притопнувъ ногою, говорилъ маленькій чиновникъ по особымъ порученіямъ Коллежскій Секретарь Задиркинъ, большою частію остававшійся безъ всякаго дѣла. — «Въ три года четыре награды! Вотъ это служба!»

— Кажется, и у насъ пишутъ списки — замѣгилъ Коллежскій Ассесоръ Болоболкинъ, также составлявшій одинъ балластъ канцеляріи.

«Да-съ! да-съ! и я это слышалаъ.

— Вы надѣетесь схватить, я чай, еще сюда (показываетъ на петлицу). Въ прошлое лѣто вы таки довольно поработали.

«За то три мѣсяца уже ничего не дѣлается» — думалаъ Губернскій Секретарь Трусковъ.

— Да-съ! Труда было много: разомъ три слѣдствія о корчемствѣ. Согласитесь, тутъ нужно знаніе! Но сказать откровенно: я о знакахъ отличія не забочусь. Что они?

«Однакожь, вы своего Станислава» — замѣтилъ Трусковъ — «и день и ночь не снимаете, носите по точнымъ словамъ Статута.

— Что до меня касается — говорилъ Болоболкинъ: — такъ мнѣ бы чинишка; вотъ ужъ два года ничего не получалаъ!

«Жаль, что вы часто бываете больны» — сказалаъ въ улыбку Трусковъ.

— И больны-то службой нажилъ: гем-

морой, сильнѣйшій гемморой! Да и глаза начинаютъ слабѣть...

«Вѣрно прежде вы работали много. Судя по нынѣшнимъ занятіямъ, кажется нельзя бы...»

— Всякъ дѣлаетъ свое — съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Болоболкинъ.

«Твое дѣло ушничать!» — подумалъ Трусковъ.

— Если будутъ составлять списки — съ важностію продолжалъ Болоболкинъ, — то первое слово съ Лукою Григорьевичемъ будетъ за васъ. Совѣтовалъ бы вамъ только, хотя на это время, не манкировать...

«Вы хотите, чтобы я совершенно зарылся въ бумаги, какъ Судьбинъ; помните, отъ этого можно одурѣть; голову непременно нужно освѣжать. За то иногда одна свѣтлая мысль стоитъ цѣлой кипы пустаго вранья. Судьбинъ работаетъ много, но вы согласитесь: что

въ его работѣ? Только съ философическимъ взглядомъ на вещи, можно оказать истинную услугу. Я не сомнѣваюсь, что Лука Григорьевичъ отличить меня отъ толпы.»

— А что бы вы желали получить?

«Я о крестахъ не думаю; мнѣ они не нужны: деньги — вотъ награда въ духѣ времени.»

— Кажется, вы довольно получаете отъ батюшки.

«Такъ, но...»

— Правда, молодость! О я самъ въ ваше время! Впрочемъ, что думать вамъ о деньгахъ: *заря деньгу дастъ*. Карлъ Егоровичъ, чай, довольно наставилъ васъ по сему предмету.

«Я никого не наставляю и ни отъ кого не получаю наставлений — возразилъ холодно Коллежскій Ассесоръ Карлъ Егоровичъ Габбе, молодой старикъ, въ тридцать лѣтъ, прошедшій всю школу раз-

врата, успѣвшій охладѣть сердцемъ ко всему, что обыкновенный человекъ привыкъ любить въ здѣшней жизни и равнодушно рассказывавшій о самыхъ поносныхъ своихъ дѣяніяхъ. Лице его было блѣдно и сухо: на немъ ярко отпечатывались продолжительныя и сильныя страсти; на глазахъ золотыя очки; мина презрительная и гордая.

«Чудесную вещь вы сдѣлали въ послѣдній разъ» — говорилъ Трусковъ, обратясь къ Габбе — я едва не умеръ отъ смѣха, когда вы сорвали послѣднюю карту: банкoмeтъ посинѣлъ, затрясся и *такую скорилъ рожу, какъ будто бы съ него сдирать собирались кожу.*»

— «Такихъ сценъ въ жизни моей было такъ много, что я пересталъ давно обращать на нихъ вниманіе.»

— Однако жъ, — возразилъ Болоболкинъ — вы болѣе бы обратили на нее

вниманія, если бы могли знать послѣдствіе вашей игры...

«Что жъ такое?»

— Онъ проигралъ казенныя деньги.

«Казенныя деньги, говорите вы?»—воскликнулъ со смѣхомъ Трусковъ. — Ха, ха, ха!»

— И отъ отчаянія — продолжалъ Болоболкинъ — рѣшился, говорятъ, на другой день сдѣлать неискусный сальтоморталь изъ третьяго этажа.

«Что вы говорите?»—воскликнули разомъ всѣ бесѣдовавшіе.

— Конечно, не лѣзя не пожалѣть — сказалъ равнодушно Гиббе. — Но игра есть игра!

«Да-съ, да-съ!» — подхватилъ маленькій чиновникъ по особымъ порученіямъ. — «Игра есть игра!»

— Однако жъ! — значительно сказалъ Болоболкинъ. — челоуѣколюбіе...

«Надобно думать о себѣ» — хладнокров-

но замѣтилъ Габбе, — ка не о другихъ жизнь на задъ не возвращается! *Даръ случайный, даръ напрасный....*

«Человѣкъ есть цѣль самъ для себя и по себѣ — съ важностію произнесъ Трусковъ, любившій говорить тирадами, выдернутыми изъ книгъ, безъ сознанія ихъ смысла. — «Онъ....»

«Да-съ! да-съ! — перебилъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

«Онъ есть особность» — продолжалъ Трусковъ — и естественно видить въ другихъ особностяхъ нѣчто враждебное своей особности; словомъ: любовь къ себѣ есть условіе всякой индивидуальности.»

— Я признаюсь, не понимаю вашихъ особностей и индивидуальностей — говорилъ Болоболкинъ, — но, по моему мнѣнію, нравственность....

«Человѣкъ» — подхватилъ Трусковъ — «замкнуть въ своей индивидуальности и бессознательно слѣдуетъ данному ин-

стинкту; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи; будучи напряженіемъ міроваго субъекта, онъ объективно и субъективно...»

—Фу, чортъ!—вскричала Болоболкинъ, —что за дьявольскій языкъ! Хоть бы одно слово было понятно! Ну что вы скажете, если я вамъ прибавлю, что бѣднякъ только что женился, и оставилъ молодую жену въ совершенной нищетѣ!

«А! ваши слова надобно принять къ надлежащему свѣдѣнію!—говорилъ Габбе.

— Какъ веужели вы рѣшились бы: погубивъ мужа, бывъ нѣкоторымъ образомъ, причиною его смерти, и....

«Ха, ха, ха!»—холодно засмѣялся Габбе—«Что жъ тутъ находите вы удивительнаго? Если въ самомъ дѣлѣ я былъ хотя и невинною причиною смерти ея мужа: то не моя ли обязанность, самая священная обязанность...»

— Развратить его жену!—перебилъ

часть III. 6

съ досадою Болоболкинъ. — Безподобно!
Да вы настоящій Донъ-Жуанъ!

«Ахъ, кстати!» — бессмысленно воскликнулъ маленькій Чиновникъ по особымъ порученіямъ. — «Мнѣ часто въ голову приходитъ вопросъ....»

— Вы уже нѣсколько разъ предлагали этотъ вопросъ — перебилъ Болоболкинъ: — и конечно не забыли моего мнѣнія.....

«То есть, вы почитаете смертнымъ грѣхомъ, если порядочный молодой человекъ (Задиркинъ при этомъ словъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ взянулъ на себя), успѣтъ одержать побѣду надъ дамою. Такъ?»

«Это пахнетъ стариной!» — презрительно перебилъ Габбе. — «Кто не слѣдуетъ за вѣкомъ, тому конечно простительно подобное мнѣніе. Байронъ давно рѣшилъ этотъ вопросъ положительно.

«Что же говорить Байронъ?» — спросилъ Трусковъ.

— «Онъ рѣшительно отдаетъ преимущество дамамъ! — съ важностію произнесъ Европейецъ. — «Толи дѣло дама! — говорить онъ.»

«Великій человекъ!» — воскликнулъ Трусковъ. — «Какъ онъ звалъ человѣческое сердце! Сколько опытной мудрости въ его бессмертныхъ твореніяхъ!»

— Особенно въ этомъ пресловутомъ правилѣ — подхватилъ Болоболкинъ — развращать чужихъ женъ!

»Да! если вы ввикнете ближе въ это превосходное изрѣченіе — возразилъ Габбе — то согласитесь, что.....»

— А мужъ? — прервалъ Болоболкинъ. — А мужъ? Что скажете? Мужъ иногда можетъ быть вещь не совсѣмъ безопасна....

«То есть не безопасная потому, что рогагая» — замѣтилъ послѣдователь Байрона,

взглянувши съ язвительною улыбкою на голову своего собесѣдника.

— Нѣтъ! и потому — возразилъ Болоболкинъ.... О я видалъ въ своей жизни ужаснѣйшія послѣдствія!

«Лишь бы побѣдить: когда побѣдитель думаетъ о послѣдствіяхъ?»

— Дасъ, дасъ!—подхватилъ чиновникъ особыхъ порученіи — я совершенно съ вами согласенъ: когда побѣдитель думаетъ о послѣдствіяхъ?

«Однажды мой пріятель Еремей Ѳомичъ— продолжалъ Болоболкинъ, — замѣтивши, что одинъ молодой Франтъ слишкомъ началъ увиваться около его жены, знаете ли что съ нимъ сдѣлалъ?»

— Вѣроятно, ударилъ его рогами— замѣтилъ Габбе....

«Дасъ, дасъ, ударилъ рогами?» — повторилъ смѣясь Чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— Это было бы еще сносно—отвѣчалъ Болоболкинъ.— Нѣтъ, покойный Оома Лукичъ..... Его родной отецъ сказывалъ мнѣ лично, что Еремей Оомичъ сдѣлалъ гораздо замысловатѣе; велѣлъ схватить своего соперника, и...

«Что такое?»—вскричали въ одинъ голосъ оба молодые Чиновники.

— Велѣлъ его раздѣть и... Остальное Болоболкинъ проговорилъ шепотомъ.

«Вандалъ!»—мрачно проговорилъ Габбе.— Такъ поступать въ девятнадцатомъ вѣкѣ!»

«Незнаніе приличій большаго свѣта!»—замѣтилъ Трусковъ, который имѣлъ слабость выдавать себя за свѣтскаго челоуѣка.

«Варварство»—замѣтилъ съ важностію Габбе—«не можетъ остановить внутреннихъ влеченій. Если Татаринъ - мужъ не въ силахъ постичь достоинства женщины; если онъ стѣсняетъ ея свободу

своими предрасудками; если, напротивъ другой лучше умѣль ее оцѣнить: то я не знаю, на чьей сторонѣ справедливость.»

«Женщина сотворена свободною!» — сказалъ Трусковъ. — «Накладывать узы на свободное твореніе!..»

«Что у васъ за правила, господа?» — вскричалъ съ негодованіемъ Болоболкинъ.

«Правила, за нарушеніе которыхъ мужья платятъ весьма дорого — замѣтилъ Габбе. — Не далѣе, какъ на этихъ дняхъ одинъ молодой человѣкъ освободилъ одну несчастную женщину. Девять лѣтъ она страдала, и къ несчастію своему, должна была сносить любовь грубаго Вандала, даже имѣла съ нимъ трехъ дѣтей...»

«Вы называете несчастіемъ любовь къ ней мужа — чортъ знаетъ, что за философія!... Да вотъ кстати нашъ проповѣдникъ!»

Между тѣмъ Евгений, задумавшись, про-

ходилъ по комнатѣ, гдѣ происходилъ разговоръ.

«Разрѣшите споръ нашъ, батинька: вѣдь вы славитесь краснорѣчіемъ. Карлъ Егоровичъ утверждаетъ, что весьма похвально отбивать чужихъ женъ.... Да вы не слушаете меня!... Постоите на минуточку.

— Что вамъ надобно? — спросилъ Евгений, выйдя изъ задумчивости.

«Вѣдь я сказалъ вамъ, Евгений Ивановичъ, что Карлъ Егоровичъ....

— Позвольте я скажу самъ въ чемъ дѣло—перебилъ Габе. — Я рассказывалъ имъ, какъ одинъ мой пріятель недавно освободилъ одну даму отъ....

«Освободилъ? Откуда и какъ?»

—Т. е. сказать по просту—подхватилъ Болоболкинъ— пріятель Карла Егоровича увезъ чужую жену.

«Чужую жену, говорите вы?—сказалъ Евгений, внезапно воспламенившись.—«И вы не разорвали съ нимъ вашей дружбы,

не сказали ему въ глаза, что онъ низкій человекъ, что онъ...?»

— Пошла писать! — съ усмѣшкою говорилъ про себя Болоболкинъ. — Онъ его отваяетъ!

«Не горячитесь, Евгений Ивановичъ, — важно замѣтилъ Габбе, — вы можете на себя накликать большую неприятность. Этотъ пріятель, о которомъ я говорилъ..

«Подлецъ, хотите вы сказать?» — перебилъ Евгений.

«Милостивый государь! вы забываете, что....

«Отнимать чужую жену» — продолжалъ Евгений, — разстроивать семейное спокойствіе, лишать дѣтей матери, мужа любимой имъ жены, дѣлать несчастнымъ перваго, обезславить навсегда послѣднюю, и потомъ бросить ее на вѣчное раскаяніе.... О! кто бы ни былъ вашъ пріятель, я не остановился бы сказать ему, что онъ хуже всякаго разбой-

ника. Разбойникъ нападаетъ на васъ открыто, а развратитель вашей жены входитъ въ вашъ домъ подъ личиною друга, увивается около васъ, какъ змѣя, приобрѣтаетъ вашу довѣренность, и когда вы думаете повергнуться въ его искреннія объятія, онъ вонзаетъ вамъ кинжалъ въ сердце....»

«Да-съ! да-съ! — бессмысленно повторялъ Чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— Устарѣвшія идеи! — повторяли потихоньку другъ другу Чиновники, пожимая плечами.

— Да позвольте спросить васъ — говорилъ Габбе, принявъ серьезную мину — развѣ меньше зла вскружить голову дѣвушкѣ, отнять у нея навсегда доброе имя, отравить жизнь отца и матери....

« Кто вамъ говорить, что и это не есть величайшее преступленіе? Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь бываютъ случаи,

когда можно уменьшить тягость вины бракомъ, а обольстивъ жену, похитивъ мать у дѣтей, нравственно убивъ ихъ всѣхъ вдругъ на всю жизнь, чѣмъ и когда вы можете прикрыть нанесенное имъ безчестіе?»

— Все, что вы ни говорили, есть, просто сказать, плоды Китайской нравственности, и чтобы показать, какъ мало они дѣйствуютъ на меня, я скажу вамъ прямо, что этотъ злодѣй, противъ котораго вы такъ вооружились; я самъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? — вскрикнули разомъ всѣ бесѣдовавшіе.

«Я! — повторилъ Габбе съ невѣроятною наглостію.

«Верхъ развращенія!» — со вздохомъ сказалъ Евгений.

— Вѣкъ, сударь, идетъ впередъ, а не назадъ — важно говорилъ Габбе.

— Высокая истина! — повторилъ Трушковъ.

— Да-съ! да-съ! вѣкъ идетъ впередъ! — подхватилъ Чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— Ваши понятія—продолжалъ Габбе—отстали отъ духа времени: кто нынѣ въ Европѣ думаетъ о бракѣ, о вѣчныхъ связяхъ? Знаменитѣйшіе Европейскіе политики давно рѣшили, что умноженіе народа вредно для Государства...

« Законъ природы неизмѣненъ: какъ бы ни умничали ваши политики»—возразилъ Евгений:—«природа не перемѣнитъ своего хода. Но какъ человѣку предоставлено естественныя потребности подчинять высшему нравственному закону: то развращеніе людей можетъ только нарушить святость этого закона, и въ удовлетвореніи инстинктовъ сравнять его вообще съ животными...»

— Впрочемъ, новѣйшая философія и не полагаетъ — замѣтилъ Габбе — особенной разности между человѣкомъ и животнымъ:

не все ли одушевляетъ общая міровая сила? не все ли опять возвращается къ своему началу?

«Такъ, повашему, нѣтъ разности между душою челоуѣка и душою животнаго?»

— Ха, ха, ха! — захохоталъ дикимъ смѣхомъ Габбе. — Кто жь въ девятнадцатомъ вѣкѣ еще думаетъ объ этой разности? Все земля и все въ землю пойдеть: «вотъ вамъ девизъ здѣшней жизни. «Наслаждение должно быть нашею цѣлю, а правиломъ: старайся жить сколько можно счастливѣе, не разбирая средствъ.»

« Ужасное правило!

— Однако жь, ему слѣдуютъ нынѣ во всей Европѣ.

« Богъ долготерпѣливъ, но наставеть страшный день!....»

— Нынѣ прѣхалъ сюда — продолжалъ Габбе — одинъ весьма ученый и глубокомысленный Нѣмецкій Профессоръ, къ сожалѣнію, профессоръ безъ

каедръ. Я совѣтую вамъ послушать его: вы съ одной лекціи излѣчитесь отъ всѣхъ вашихъ предрасудковъ....

«Что вы осмѣливаетесь называть предрасудками? Правственный законъ, добродѣтель, послѣдній судъ: не здѣсь ли основаніе вѣры въ Бога?»

— Да знаете ли, милостивый государь, — съ демонскою уемъшкою, сверкая бѣлыми глазами, произнесъ Габбе: — знаете ли, кто Богъ сего вѣка?

»Кто же?»

Габбе вынулъ туго набитый ассигнаціями бумажникъ, и развернувъ его, съ дерзостію произнесъ: »вотъ боги, которымъ поклоняется нынѣ родъ человѣчскій!»

— Правда, правда! вскричалъ внезапно пробѣжавшій по комнатѣ Яковъ Андреевичъ. Въ Европѣ нынѣ такъ всѣ мыслятъ!

«Нашъ вѣкъ» — съ важностію замѣтилъ Трусковъ — «есть вѣкъ индустріальный»

часть III.

— Дась! дась!—подхватилъ Чиновникъ по особымъ порученіямъ—нашъ вѣкъ есть вѣкъ.....

Между тѣмъ, при видѣ туго набитаго бумажника, Евгенийъ внезапно вспомнилъ ужасы своего положенія. Предъ глазами его предстали: умирающій сынъ, жена, оставленная въ отчаяніи, дѣти, лишенная самаго необходимаго. Будущее еще представлялось ужаснѣе. Съ увольненіемъ отъ должности соединялось совершенное лишеніе средствъ пропитанія, преслѣдованіе займодавцевъ, мученія тюрьмы. Бѣдный страдалецъ совершенно растерялся, и позабылъ самое содержаніе разговора. Голова его внезапно наполнилась одною мыслию: «нельзя ли у него занять скольконибудь?» «Позвольте, Карль Егоровичъ»—говорилъ онъ Габбе—«сказать вамъ нѣсколько словъ?»

— Что вамъ угодно, Евгенийъ Ивано-

вичъ? — спросилъ Габбе, выйдя въ другую комнату.

«Не можете ли вы меня одолжить мѣсяца на два сто рублями?» — говорилъ, покраснѣвшій, Евгеній.

Занимать деньги прежде было самое жестокое мученіе для Евгенія, но продолжительная нужда пріучила его выпрашивать ссуды безъ особеннаго затрудненія, даже назначать ближайшіе сроки платежа, безъ всякой увѣренности въ выполненіи даннаго слова. Текуція надобности поглощали весь его составъ, какъ самая мучительная пытка: чтобы на время отдалить смертельную муку чего не наговаривали на себя люди?

— Съ большимъ удовольствіемъ! — отвѣчалъ Габбе, съ радостію, внезапно блеснувшею въ глазахъ. Надобно сказать, что увидѣвъ однажды Ольгу, развратникъ давно имѣлъ адскую мысль сблизиться съ Евгеніемъ; но Евгеній, зная его без-

нравственность, всегда старался уклоняться от его знакомства—Съ большимъ удовольствіемъ, но только условіе....

»Какое?»

— Изъ этихъ денегъ я дать не могу: я долженъ ихъ теперь же отнести моей Луизѣ, за которую вы такъ на меня вооружились....

Евгеній не сказалъ ни слова: въ эту минуту ему уже ни до кого не было дѣла, кромѣ своихъ нуждъ.

Послѣ обѣда, если вамъ угодно будетъ, часу въ седьмомъ—продолжалъ Габбе—ко мнѣ зайти: вы можете отъ меня получить. Я постараюсь васъ познакомить съ тѣмъ замѣчательнымъ человекомъ, о которомъ я вамъ говорилъ. О, вы услышите великія истины!...

Евгеній не смѣлъ даже противорѣчить.
«Очень хорошо»—говорилъ онъ совер-

шенно машинально—«я приду и готовъ слушать»

Габбе посмотрѣлъ на часы: «Ба! уже половина втораго. Мнѣ пора: Луиза ждетъ меня давно. Вы остаетесь до четырехъ?»

Евгеній сдѣлалъ подтверждательный знакъ, и они разстались.

XIX.

Идучи домой, Евгеній съ горестію говорилъ самъ съ собою: «вотъ, до какого униженія довели меня нужды! Я принужденъ одолжаться... Кому же? Развратному нѣгодю, который готовъ каждую минуту вонзить кинжалъ въ мое сердце, отравить мое семейное счастье, похитить разомъ все, что ни есть для меня драгоценнаго на землѣ; я принужденъ идти въ его адское жилище, гдѣ обитаетъ развратъ и вольнодумство, гдѣ я долженъ

буду выслушивать, можетъ быть, самыя гнусныя богохульства, подъ названіемъ мнимой философіи... Что дѣлать? Гдѣ искать помощи? Я долженъ выбирать одно изъ двухъ: или видѣть семейство мое умирающимъ съ голода, или перенести всѣ роды нравственнаго уничтоженія... Я рѣшился: пусть погибну я; пусть буду я страдать и здѣсь и тамъ; но, по крайней мѣрѣ, хоть сколько вибудь облегчу участь моеѣ Ольги, моихъ милыхъ малютокъ! О если бы они знали, что происходитъ въ моемъ сердцѣ!»..

«Посторонись!—кричали сзади. Евгений оборотился. Мчалась коляска, запряженная парой лихихъ лошадей. Въ ней сидѣлъ извѣстный портной.» Боже мой!» — думалъ Евгений — этотъ человѣкъ разбогатѣлъ на моихъ глазахъ. Когда я пріѣхалъ сюда, онъ начиналъ только заниматься своимъ мастерствомъ. Теперь онъ имѣетъ каменный домъ въ Милліонной, а

я едва укрываюсь отъ холода въ отдаленной части города; онъ лезаетъ въ модныхъ экипажахъ, а я часто не могу нанять извозчика; онъ даетъ блестящее воспитаніе своимъ дѣтямъ, а я не имѣю средствъ нанять доктора для моего сына; онъ проводитъ жизнь въ довольствѣ и роскоши, а я долженъ отказывать себѣ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Я не смѣю помыслить ни о какихъ удовольствіяхъ: среди столицы, я живу, какъ въ Камчаткѣ: всѣ эти наслажденія для меня недоступны. Самая семейная жизнь мнѣ становится въ преступленіе!... О! вы правы, мои гонители: это въ самомъ дѣлѣ преступленіе противъ тѣхъ милыхъ, драгоценныхъ сердцу существъ, съ которыми соединена моя судьба! О дѣти! Ольга, милая, несравненная Ольга! Съ какимъ смиреніемъ, съ какимъ самотверженіемъ несетъ она тяжкій крестъ недостатковъ, — и хотя бы одно слово ро-

пота когда нибудь вырвалось изъ ея усть! Хотя бы одною миною она показала мнѣ, что обвиняетъ меня въ своихъ несчастіяхъ! Мало этого. Когда самъ я готовъ бываю роптать на себя, на людей, на самаго Бога; когда самъ я, въ порывѣ безумной досады на бѣдность, готовъ излить преступныя проклятія,—она, высокая страданица, кротко утѣшаетъ меня, ободряетъ, хранитъ, какъ ангелъ утѣшитель!... О если бы я былъ поэтъ! я изобразилъ бы идеаль этой возвышенной души; я начерталъ бы картину, гдѣ, посреди недостатковъ и бѣдности нашего званія, выставилъ бы тѣ превосходныя черты, которыя рѣдко можно найти въ другомъ положеніи, и которыя такъ безчестно выставляютъ на позоръ въ глупыхъ и злыхъ карикатурахъ...»

Послѣднія слова Евгений произнесъ довольно громко. Два франта, встрѣтившись съ нимъ, бросили на него презри-

тельный взгляд и язвительно усмѣхнулись. Евгений узналъ ихъ. Это были сочинители вздорныхъ повѣстей и водевилей, гдѣ осмѣявъ жестокимъ образомъ бѣдный бытъ чиновниковъ: оба они пробовали вступить въ службу; но оба не имѣли терпѣнія вынести тягости первыхъ степеней; думали управлять Государствомъ, а получали приказанія переписывать набѣло сочиненія Столоначальниковъ. Великіе люди возненавидѣли службу и служащихъ, и перешли въ другое званіе, но не перестали втайнѣ сожалѣть о небывалыхъ надеждахъ возвышенія: *и теперь бы взяли крестъ, только бы безъ службы;* въ порывахъ неутолимой зависти, жалкія созданія не находили лучшаго утѣшенія, какъ изливать злобу свою на прежнихъ своихъ сослуживцевъ.

«Вотъ» — думалъ Евгений «одни изъ тѣхъ, которые осмѣливаются порицать жизнь

бѣдныхъ чиновниковъ—порицать потому только, что сами не нашли въ себѣ довольно силъ, довольно терпѣнія и самоотверженія, чтобы вынести бремя чиновническаго званія! Гордые глупцы, что находите вы смѣшнаго въ благородной бѣдности человѣка, который всѣ свои способности, всѣ силы, все время жизни, посвятилъ на службу отечеству, посвятилъ, большею частію, не питаясь даже и надеждою извѣстности или повышенія, или богатства? Что находите смѣшнаго въ томъ, что онъ живетъ не въ палатахъ, отличающихся великолѣпіемъ среди самой столицы, а въ бѣдномъ домикѣ, въ отдаленной части города; что онъ не нанимаетъ толпы слугъ, проводящихъ жизнь въ праздности и развратѣ; что не имѣетъ мебели и убранствъ, на которыя проматываются огромнѣйшія состоянія, что не отличаются изяществомъ и роскошью одеждъ, облакаю.

щихъ *шута въ вельможу*; что часто жена и дѣти его... О великій Боже! — воскликнулъ Евгений, опять пораженный ужасомъ собственнаго положенія — «что мнѣ самому остается дѣлать — мнѣ самому, который честность и правду поставляетъ выше всего въ теченіе всей службы, и котораго, въ награду за это, столь безчеловѣчнымъ, столь коварнымъ образомъ лишили теперь послѣдняго куска хлѣба! О отецъ мой! Да укрѣпить меня въ этихъ страшныхъ обстоятельствахъ примѣръ твоей прекрасной жизни!... Но Боже! гдѣ взять его терпѣнія, его великодушія, его покорности волю Провидѣнія?... И если бѣдность еще сколько выбудетъ сносна, то униженіе... Ахъ, гдѣ я возьму столько твердости, столько самоотверженія, чтобы идти просить милостыни, и у кого?»

Въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа Евгенийъ пришелъ домой: мысль, что онъ долженъ идти къ ненавистному Габ-

бе, пылала въ его головѣ; смертельная грусть давила сердце. Между тѣмъ Ольга, имѣя единственною заботою облегчать положеніе мужа, собрала свои послѣднія золотыя вещи, и почти чрезъ силу сходила въ Ломбардъ. Получивъ небольшую сумму денегъ, она спѣшила домой успокоить мужа. Страдалецъ не могъ перенести своего тяжкаго состоянія; и когда Ольга, подойдя къ постели, гдѣ онъ лежалъ въ забытій, тиховько спросила: «ты спишь, другъ мой?» Евгенийъ въ бѣшенствѣ, съ мутными глазами, соскочилъ съ кровати. «Я готовъ! готовъ! Иду!»

— Что ты, Господь съ тобой, другъ мой! — говорила испугавшаяся Ольга. — Успокойся! Это я!

«Это ты?» — дико спросилъ онъ, устремивъ на нее неопредѣленные взоры. — «И ты здѣсь? И ты въ этомъ страшномъ обществѣ?»

— Боже милосердый! — воскликнула

Ольга, трепещущая отъ ужаса.—Что говоритъ онъ! О, только этого недоставало къ моему несчастію!

Евгеній кинулся изъ комнаты, но ноги его шатались, и онъ упалъ на стулъ. Съ величайшимъ усиліемъ Ольга уложила его въ постель. Голова его горѣла; глаза блуждали; онъ поминутно порывался съ кровати, и опять падалъ. Несвязныя, страшныя слова вырывались изъ его усть. Дѣкаръ объявилъ, что у него нервическая горячка.

XX.

Изъ области дѣйствительной жизни мы должны перейти теперь въ область сновидѣній. Сновидѣнія наполняютъ половину нашего существованія, и сколь часто видѣнное нами во снѣ до такой степени сливается съ дѣйствительными событіями, что бываетъ трудно объяснить себѣ: во снѣ ли видѣль, или на яву? Если дѣйствительная жизнь имѣетъ болѣе послѣдовательности, болѣе связи въ своихъ явленіяхъ: то, въ замѣнъ этого, жизнь

сновидѣній имѣеть болѣе игры, болѣе разнообразія, болѣе чудесъ въ своихъ видоизмѣненіяхъ.

Страшныя и замѣчательныя видѣнія представлялись Евгению въ его болѣзни. Сильное впечатлѣніе послѣднихъ происшествій сохранилось въ его воображеніи, и развилось, подъ вліяніемъ недуга, въ образахъ мрачныхъ и тяжелыхъ.

Евгеній видѣлъ себя посреди огромнаго зала, котораго стѣны и высокіе своды были сильно разогрѣты. Духота и жаръ нестерпимые; Евгеній съ трудомъ пробирался сквозь толпы; вдали, на кафедрѣ; высокій и сухощавый Профессоръ читалъ лекцію. Фигура его была столько же отвратительна, сколько ужасна. Глаза его сверкали, какъ угли. Евгеній затрепеталъ, встрѣтившись съ его взорами: въ нихъ было что-то страшное, нечеловѣческое. Съ губъ его не сходила насмѣшливая и злая улыбка. Казалось, у

него было два лица: одно неподвижное, наружное; другое внутреннее, движимое непонятною злорадостію. Изъ усть его лилось развращеніе и богохульство подъ фирмою философіи. Главная тема его ученія состояла въ томъ, что жизнь дана на время, что могила есть предѣль существованія, и что надобно пользоваться жизнію, и жить только для себя. Въ рукахъ его была мертвая человѣческая голова. Разбиралъ ея нервы, Профессоръ доказывалъ матеріальность душевныхъ явленій; скотоподобность человѣка, мечту нравственности и добродѣтели. Судорожный трепетъ проникалъ Евгенія при каждомъ богохульномъ словѣ развратителя; но окружавшіе кафедру молодые люди слушали его съ восторгомъ. «И такъ, говорилъ профессоръ, нѣтъ болѣе сомнѣній, что человѣкъ есть автоматъ: великіе учителя Германіи, наконецъ, открыли глаза слѣпому человечеству. От-

нынѣ обязанностію человѣка должно быть наслажденіе, цѣлю его дѣйствій земное блаженство, его собственное я. Прочь добродѣтель, любовь къ ближнему, великодушіе! Намъ нечего думать о другихъ: жизнь намъ дана для насъ. Поспѣшимъ ею воспользоваться вполнѣ!

«Злодѣй!»—вскричалъ съ гнѣвомъ Евгений— «это ли ты называешь философіею? Въ томъ ли состоитъ премудрость, чтобы отвергать все то, что возвышаетъ человѣка надъ матеріальнымъ міромъ и приближаетъ его къ Богу?»

— Другъ мой!—отвѣчалъ профессоръ съ ужаснымъ равнодушіемъ.— Ты горячишься потому, что еще я не показалъ тебѣ истину лицомъ къ лицу. Подойди ближе. Укажи мнѣ на любого изъ этой толпы—и ты увидишь своими глазами справедливость моихъ словъ.—Послѣ того Профессоръ подозвалъ одного изъ слушателей, снялъ съ него волосы, и на-

гнувши его къ Евгению, сказалъ ему: «смотри!» Евгений съ ужасомъ увидѣлъ, что голова слушателя была алебастровая. Онъ рѣшился постучать въ нее рукою; звукъ подтвердилъ видимое глазами. Профессоръ, молча, надѣлъ опять волосы на голову слушателя, и съ адскимъ самохвальствомъ сказалъ трепещущему Евгению: «вогъ плоды изслѣдованій девятнадцатаго вѣка!»

— «Боже милосердный! ужели такъ созданы всѣ люди?»

«Всѣ! — съ торжественнымъ видомъ подтвердилъ философъ.... Всѣ и ты самъ!» Онъ поднесъ къ Евгению зеркало, и Евгений увидѣлъ съ трепетомъ, что и его голова была также алебастровая. Благодарни, что я открылъ тебѣ глаза!»

— «О будь проклять ты съ твоими адскими открытіями!» — вскричалъ Евгений. — «Злодѣй! ты лишилъ меня навсег-

да единственнаго утѣшенія, вѣры въ безсмертіе.... Горе мнѣ, горе!»

— Кто смѣетъ поносить нашего великаго наставника! — воскликнула толпа, бросившись на Евгенія. — Смерть дерзкому!

Евгеній чувствовалъ, что ему давило грудь и сжимало горло: дыханіе останавливалось, болѣзненные стоны вырывались изъ заекшихся устъ. Онъ открылъ глаза. Ольга, не отходившая отъ его постели, тихо спросила его: »какъ ты чувствуешь себя, другъ мой!» Евгеній не узналъ ее, посмотрѣлъ на нее мутными, неопредѣленными глазами, и опять закрылъ ихъ. Залившись слезами, Ольга бросилась на колѣна предъ Образомъ. «Молитесь дѣти! вмѣстѣ со мною за папеньку»—говорила она, задыхаясь отъ слезъ.—Дѣти, не понимая всей гибели своего положенія, но видя плачущую мать, также стали молиться.

Между тѣмъ новыя грезы окружили Евгенія.

Онъ видѣлъ себя посреди шумнаго пира. Та же толпа автоматовъ его окружала. Мужчины и женщины, полупьяные и полунагіе, сидѣли за столомъ, уставленнымъ бутылками. Вино лилось рѣкою. Раздавались развратныя и безумныя крики и пѣсни. Профессоръ былъ предсѣдателемъ праздника, и примѣромъ развращенія. Обнявъ одною рукою сидѣвшую подлѣ него прелестницу, а другою поднявъ къ верху бокаль, онъ возгласилъ злобщимъ голосомъ: «Да здравствуетъ ничтожество!»

Въ это мгновеніе Евгенію показалось, что въ глазахъ Профессора сверкнулъ синій пламень, и сквозь наружность веселящагося лица выглядывалъ злобный образъ демона. Пирующіе, казалось, этого не видали, и на возгласъ Профессора, опоражнивая стаканы, запѣли съ неистовыми воплями:

Слава вѣку просвѣщенья!
 Чужды мы предразсужденья,

—
 Чужды Вѣры мы оковъ!
 Намъ не страшень гнѣвъ боговъ!

—
 Стрѣлы ихъ для насъ безсильны!
 Намъ защита мракъ могильный

—
 Отъ громовъ, отъ казней ихъ!
 Въ ченъ гроба сонъ и тихъ!

—
 Чада праха! чада тлѣнья!
 Въ вихрь сладкаго забвенья,

—
 Средь забавъ, въ пылу страстей,
 Позабудемъ краткость дней!

—
 Жизнь быстрая мгновенья
 Посвятимъ для наслажденья!

—
 Среди игръ, среди пировъ,
 Пусть бѣжитъ потокъ годовъ!

—
 Пусть весь мiръ въ огнѣ пылаеть,
 Ближній плачетъ и страдаетъ:

—

Войлъ напряенный, тщетный стонъ:
Насъ не въ силахъ тронуть онъ!

Слишкомъ время скоро льется,
Слишкомъ быстро жизнь несется,

Чтобы тратить для другихъ,
Бытiя невѣрный мигъ!

Ближнихъ нѣтъ для автомата,
Нѣтъ ни друга, нѣтъ ни брата!

Веселиться, пить, любить,
Въ счастья плавать, въ нѣгѣ жить:

Вотъ цѣль нашего явленья,
Въ этомъ мiрѣ разрушенья!

Намъ не страшень гнѣвъ боговъ:
Чужды вѣры мы оковъ!

Чужды мы предразсужденья:
Слава вѣку просвѣшенья!

По мѣрѣ того, какъ продолжалось пѣ-
нiе, лица ириующихъ вытягивались, тѣ-
ла ихъ становились длиннѣе, наконецъ

начали принимать фигуры змѣй, и пѣніе постепенно превращалось въ визгъ и шипѣніе. Комната стала наполняться дымомъ. Свѣчи тускли. Всѣ предметы болѣе и болѣе тонули въ туманѣ. Пирующая толпа, сливаясь съ туманомъ, выходила въ окно и двери. Пѣніе постепенно отдалялось; наконецъ только чуть-чуть слышныя звуки доходили доушей Евгенія. Онъ остался одинъ въ глубокомъ мракѣ. Ужасъ проникалъ его кости; голова смертельно болѣла; страшная мысль овладѣла его составомъ: «и такъ — думалъ онъ — для меня погибли теперь всѣ человѣческія утѣшенія: Богъ, вѣра, добродѣтель, будущее блаженство, безсмертіе: я автоматъ!» Тяжкія рыданія прервали его думу.

Между тѣмъ мракъ сталъ освѣщаться красноватымъ свѣтомъ. Евгенийъ видѣлъ знакомыя мѣста на берегу Селенги. Тяжкое чувство овладѣло его душою. Вос-

помянутое превращалось въ дѣйствительное событіе, и прошедшее сливалось съ настоящимъ. Вдали началъ образоваться воздушный призракъ; ближе и ближе, черты становились опредѣленнѣе и знакомѣе; наконецъ явленіе приблизилось: Евгенийъ узналъ Надежду. Моментъ, когда онъ прогуливался съ нею на берегу Селенги, возвратился съ полною живостію: минувшаго какъ бы не было. Евгенийъ опять обнялъ ее съ восторгомъ, но ея объятія пожигали его пламенемъ, и захватывали дыханіе. Огонь разливался по всѣмъ членамъ, и нестерпимый жаръ проникалъ весь его составъ. Все вокругъ его пламенѣло: земля и небо, лѣса, горы, поля. Вдругъ раздался голосъ въ чащѣ лѣса: «Ловите, бейте злодѣя!» Судорожная дрожь пробѣжала по членамъ Евгениа. Мужъ Надежды стоялъ надъ нимъ съ ножомъ. Евгенийъ мгновенно опрокинулъ соперника, вырвалъ ножъ и за-

несъ его надъ нимъ самимъ. «Что ты дѣлаешь? — говорила въ ужасѣ Надежда.—«Ты хочешь сдѣлаться убійцею! Ты губишь свою душу!»

— Душу?—вскричалъ съ отчаяннымъ бѣшенствомъ Евгений. — Во мнѣ нѣтъ души: я автоматъ!—и вонзилъ ножъ въ грудь противника.

Кровь полилась ручьемъ; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе, наконецъ потекли кровавыя рѣки, и съ шумомъ затопили поля и долины. Адскій хохоть раздавался по лѣсу. Толпа автоматовъ съ алебастровыми лицами, плясала съ демонскою радостію вокругъ Евгенія и напѣвала ему въ уши: «Убійца! Убійца!» Евгений, увидѣвъ вблизи пещеру, хотѣлъ въ ней скрыться: автоматы бросились за нимъ. Глазамъ Евгенія представилась безконечная перспектива. Онъ бѣжалъ изъ комнаты въ комнату. Ходъ дѣлался все уже и уже. Наконецъ нужно было ползти—и вдругъ

вся масса земли обрушилась и подавила его своею тяжестью. Глухіе стоны вырывались изъ его груди. Ольга подошла къ нему. Холодный потъ лился съ его лица; черты его страшно измѣнились; смерть изображалась въ нихъ со всеми своими ужасами. Ольга смотрѣла на него съ сухимъ отчаяніемъ: слезы уже не сякли въ ея глазахъ. Она сама едва держалась на ногахъ: не спала уже нѣсколько ночей и почти ничего не ѣла. Она боялась увѣрится, что положеніе больного безнадежно: мысль эта заключала въ себѣ верхъ злополучія, потому что съ потерей Евгенія, Ольга лишалась обожаемаго супруга, отца своихъ дѣтей и оставалась съ ними на жертву безпомощной вщеты. Не смотря на все это, Ольга принудила, однако жъ, себя сказать Евгенію: « Не послать ли, другъ мой, за Священникомъ? »

Евгеній опомнился, съ ужасомъ ощу-

паль свое тѣло; казалось, повяль близость смерти, и сказали: «хорошо.»

Но бредъ не преставаель и видимая существоваельность сливаельсь съ мечтами сна. Евгенийъ видитъ себя, окруженнаго дѣтьми, въ холодной квартирѣ. На дворѣ былъ ужасный морозъ. Окошки занесло снѣгомъ. Евгенийъ старался одѣться, но одѣяло было ветхо. Дѣти плакали отъ стужи. Вопли ихъ имѣли въ себѣ нечто вещественное, и въ видѣ тонкой раскаленной проволоки проникали въ сердце Евгения, и кружась въ немъ, раздирали его на части. Боль была выше всякаго воображенія. Евгенийъ не могъ ее вынести: съ судорожнымъ самозабвеніемъ схватилъ дѣтей за горло, и началъ ихъ жать, «Замолчите, несчастные! — прошепталъ онъ гробовымъ голосомъ: — «замолчите!»

— Ты задавилъ ихъ! — вскричала Ольга въ страшномъ отчаяніи.

«Задавилъ!» — съ хохотомъ повторилъ

Евгеній, отталкивая отъ себя Ольгу.—
«Все равно! Чужды совѣсти оковы; намъ
не страшень гнѣвъ боговъ!»

— Ты злодѣй, ты дѣтоубійца! — по-
вторяла Ольга, упавая безъ чувствъ на
полъ.— Есть вѣчное правосудіе!

«Для меня его нѣтъ! — вскричала Ев-
геній, выбѣгая изъ комнаты. Толпа але-
бастровыхъ автоматовъ опять окружила
его, и скакала вокругъ его съ хохотомъ.
Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Морозъ
проникалъ до костей. Была ночь звѣздная,
но темная. Евгеній видитъ великолѣпный
домъ, роскошно освѣщенный. Евгеній
вбѣжалъ въ него. Комнаты были пусты.
Безконечная амфилада комнатъ открылась
предъ его глазами. Чѣмъ далѣе пробѣ-
галъ Евгеній, тѣмъ болѣе въ комнатахъ
становилось жарче; наконецъ сдѣлалась
несносная духота. Последняя изъ ком-
натъ походила на огромную печь, жар-
ко натопленную. Въ отдаленномъ углу

сидѣла Княгиня Сутягина, раскладывая по огромному столу пѣки ассигнацій. Евгенію живо представилась его бѣдность; алчность къ деньгамъ поглотила все его воображеніе. Онъ судорожно затрепеталъ.

«Чего ты хочешь отъ меня?» — спросила Княгиня, блѣднѣя отъ страха.

— Ты не знаешь счета въ деньгахъ: я умираю отъ голода.

«Злодѣй, ты хочешь меня ограбить?»

— Да! я переносилъ бѣдность, лишения, нищету, пока я былъ человѣкъ, но теперь я автоматъ. Смотри! Видишь ли, что голова моя алебастровая?

«Что ты хочешь сказать этимъ?»

— Вотъ что! — вскричалъ съ отчаяніемъ Евгеній, задушая ее. — Вотъ что! Полно мнѣ мучиться! Вы плаваете въ довольствѣ и роскоши, а я буду терпѣть голодъ! О нѣтъ! Теперь мнѣ бояться нечего. Человѣческое правосудіе невсезидающе, а Божеское для меня не страшно!

Но въ это мгновеніе ужасный громъ разразился надъ головою убійцы; земля распахнулась, и онъ полетѣлъ стремглавъ въ бездну. Глубочайшая тьма окружила его. Онъ чувствовалъ, что находится посреди безпредѣльной пустоты. Долго летѣлъ онъ, наконецъ внизу начало мерцать зарево. Чѣмъ глубже летѣлъ онъ, тѣмъ зарево дѣлалось явственнѣе. Наконецъ видно было, что ужасное пламя выходило изъ бездны на безконечномъ пространствѣ. Евгенийъ падалъ прямо въ тѣнну. Уже жаръ сдѣлался нестерпимъ, и пламя едва не касалось его ногъ. Черные, страшные демоны вылетали изъ бездны вмѣстѣ съ клубами огня. Еще мгновеніе, и онъ упалъ бы въ вѣчное пламя. Душа его замерла. Дыханіе остановилось. Но вдругъ свѣтлый ангелъ слетѣлъ къ нему на помощь. «Ты спасенъ!»—сказалъ онъ Евгению.—«Возвратись на землю, и раскайся въ твоёмъ заблужденіи. Еще есть время

загладить твои вины. Надѣйся на милосердіе Творца. Къ Нему единому прибѣгай въ твоихъ скорбяхъ. Терпи въ смиреніи: претерпѣвый до конца спасенъ будетъ.»

Евгеній опомнился. Отерьмь глаза. Священникъ стоялъ предъ нимъ съ святыми дарами.

«Боже милосердый!» — сказала Евгеній едва слышнымъ голосомъ. — «Я еще живу, и все видѣнное мною была только мечта!»

Послѣ принятія Святыхъ таинъ Евгеній уснулъ глубокимъ, но спокойнымъ сномъ. Жаръ исчезъ, и только сильная слабость осталась въ тѣлѣ. Ольга плакала отъ радости, и съ нетерпѣніемъ ждала пробужденія. «Выздоровливай скорѣе, милый другъ!» — сказала она, орошая слезами радости его лице. — Наше положеніе теперь поправилось. Я ждала съ нетерпѣніемъ минуты, чтобы сообщить тебѣ радостную вѣсть.»

— Какую, моя милая?

«На мѣсто Луки Григорьевича опредѣленъ новый начальникъ, человекъ умный и благородный. Онъ узналъ о твоёмъ усердіи и честности, выпросилъ тебѣ пособіе, и назначилъ новое мѣсто. Теперь мы, слава Богу, не будемъ терпѣть нужды!»

— Слава Богу!—говорилъ Евгенийъ, прижимая Ольгу къ своей груди.—Я радуюсь не столько за себя, какъ за тебя и милыхъ дѣтей. Обнимите меня, мои ангелы. Теперь ты видишь, любезная Ольга, что слова мои сбылись вполнѣ, что дѣйствительно за Царемъ служба никогда не пропадаетъ!

КОНЕЦЪ III И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

DEC -1936

LIBRARY OF CONGRESS

0 005 872 414 2